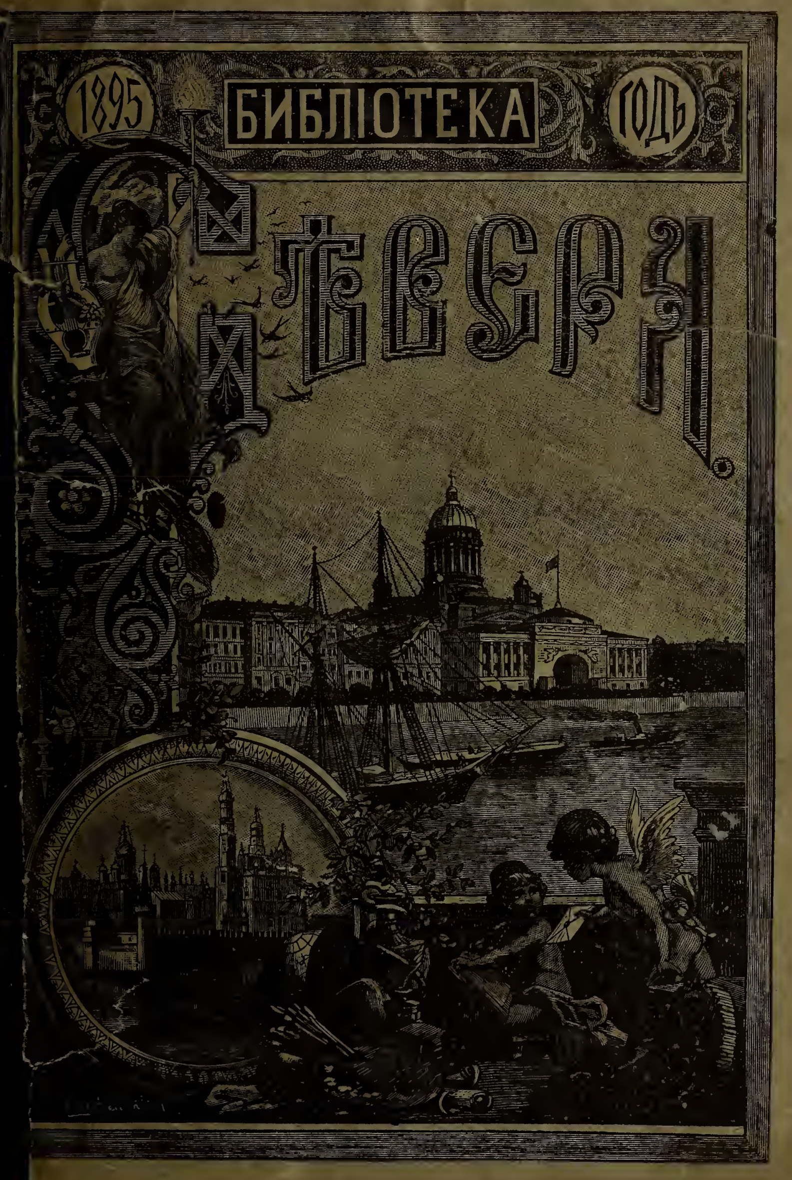
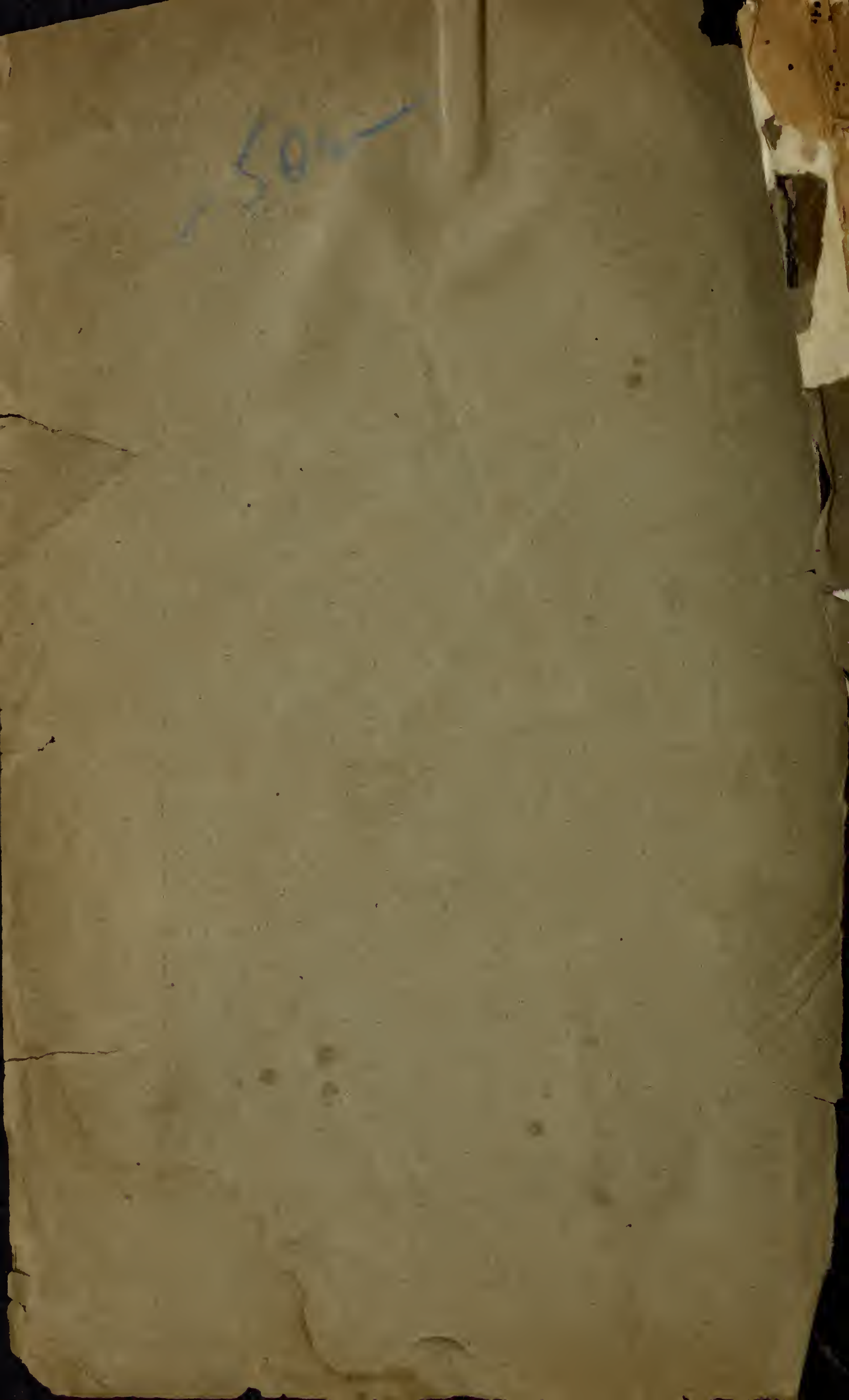
Безплатное приложеніе къ журналу „Сѣверъ“ 1895 г.

С.-Петербургъ. Изданіе Н. Ѳ. Мертца.

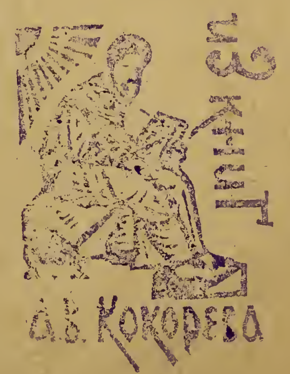
СОЧИНЕНІЯ

ДЕРЖАВИНА

съ объяснительными примѣчаніями.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца.
1895.

Дозволено цензурою. Спб., 9 декабря 1895 г.

Типографія Е. Евдокимова. Спб., Троицкая, 18.

I. АТАМАНУ И ВОЙСКУ ДОНСКОМУ.[1]

Платовъ! Европѣ ужъ извѣстно,
Что силъ Донскихъ ты страшный вождь:
Врасплохъ, какъ бы колдунъ, всемѣстно
Падешь какъ снѣгъ ты съ тучъ, иль дождь;
По черныхъ вороновъ полету,
По дыму, гулу, мхамъ, звѣздамъ,
По рыску волчью, видя мѣту,
Проходишь къ вражьимъ вдругъ носамъ
И зря на тускъ, на блескъ червонца,
По солнцу иль противу солнца
Свой учреждаешь ертаулъ [a]
И тайный ставишь караулъ.

Въ травѣ идешь—съ травою равенъ;
Въ лѣсу—и равенъ лѣсъ съ главой;
На конь вскокнешь—конь тихъ, не нравенъ,
Но вихремъ мчится подъ тобой.
По камню ль черну змѣемъ чернымъ
Ползешь ты въ ночь—и слѣду нѣтъ;
По влагѣ ль бѣлой гусемъ бѣлымъ

Плывешь ты въ день—лишь струйка слѣдъ;
Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной—
Стрѣлу сѣчешь ей вслѣдъ пущенной
И, бросивъ петли округъ шей,
Фазановъ удишь какъ ершей.

1*

Разилъ ты Льва, Лунѣ гнулъ роги [b],
Ходилъ противу Солнца въ бой;
Медвѣдей, тигровъ средь берлоги
Могучей задушалъ рукой:
Почто жъ вепря щетиночерна,
Залегшаго въ лѣсахъ средь блатъ,
Съ клыковъ котораго кровь, пѣна
Течетъ,—зловоніе и ядъ,—
Отъ рыла взрыты вкругъ могилы,
Отъ взоровъ пламенны свѣтилы
Край заревомъ покрыли весь,—
Арканомъ не хватилъ поднесь?

Чтожъ сталъ?—Борза ль коня не стало [c]
Возьми коверъ свой самолетъ.
Ружейнаго ль снаряду мало?
Махни ширинкой, лѣсъ падетъ.
Запаса ли не видишь хлѣбна?
Гложи желѣзны просфиры.
Жупанъ ли, епанча ль потребна?
Самъ невидимкой все бери.
Сапогъ нѣтъ? ступни самоходны
Надѣнь, перчатки самородны,
И дуй на огнь, на мразъ, на гладъ:
Россійской силѣ нѣтъ преградъ.

Бывало, вѣдь и въ прежни годы
Влетала саранча на Русь,
Многообразные уроды
Грозили ей налогомъ узъ.
Былъ грѣхъ: отъ сваръ своихъ кряхтѣли,
Теряли янствомъ и главы;
Но лишь на Бога мы воззрѣли,
Отъ сна вспрянули, будто львы.
Былъ врагъ Чипчакъ—и гдѣ Чипчаки?
Былъ недругъ Ляхъ—и гдѣ тѣ Ляхи?
Былъ сей, былъ тотъ: ихъ нѣтъ; а Русь?...
Всякъ знай, мотай себѣ на усъ.

Да какъ же это такъ случалось?
Заботились, какъ днесь, цари;
Премудро все распоряжалось,
Водили рать богатыри;
При Святославичѣ Добрыня
Убилъ дракона въ облакахъ;
Чернецъ Донскаго — исполина
Татарскаго повергъ во прахъ;
Голицынъ, Шереметевъ, Львовы
Крушили зубы въ дни Петровы;
Побѣдъ Екатерины лавръ:
Чесма, Кагулъ, Крымъ, Рымникъ, Тавръ.

Неужто Альпы въ мірѣ шашка?
Тамъ молньи Павла видѣлъ Галлъ:
На клячѣ бѣлая рубашка
Неразъ его въ усы щелкалъ;
Или теперь у Александра
При войскѣ нѣту молодца?
Съ крестомъ на адска Саламандра
Ужель не сыщется бойца?
Внемли же моему ты гласу:
Усердно помоляся Спасу,
Въ четыре стороны поклонъ —
И изъ ноженъ булатъ ты вонъ!

И съ свистомъ звонкимъ, молодецкимъ,
Разбойника сбрось Соловья
Съ дубовъ копьемъ вновь мурзавецкимъ [d]
И будь у насъ второй Илья;
И, заперши въ желѣзной клѣткѣ,
Какъ желтоглазаго сыча,
Уранга, сфинкса на веревкѣ [e]
Примчи, за плечьми вторoча;
Иль двадцать молодцовъ отборныхъ,
Лицомъ, лѣтами, ростомъ сходныхъ,
Пошли ты за себя за злымъ;
Двадцатый хоть пріѣдетъ съ нимъ.

Для лучшей храбрыхъ душъ поджоги
Ты разскажи имъ русску быль,
Что старики, бывъ въ службѣ строги,
Всѣ невозможности чли въ пыль:
Сжигали грады воробьями [f],
Ходили въ лодкахъ по землѣ,
Топили вражій станъ прудами,
Имѣли пищу въ киселѣ,
Спускались въ мрачны подземелья,
Животъ считали за бездѣлья;
Къ отчизнѣ ревностью горя,
За вѣру мерли и царя.

Однакожъ, чтобъ не быть и жертвой,
Ты мечъ имъ кладенецъ отдай,
Живой водой ихъ спрысни, мертвой
И горы злата обѣщай;
Черкешенокъ, Грузинокъ милыхъ,
У коихъ зарныя уста,
Бровь черна, жилъ по тѣлу синихъ
Сквозь видѣнъ огнь и красота,
А на грудяхъ, какъ пухъ зыбучихъ,
Лилей кусты и розъ пахучихъ
Манятъ къ себѣ и старцевъ длань:
Ты, словомъ, все сули имъ въ дань.

Я дочь свою и самъ крестову [g],
Красотку юную, во бракъ
Отдамъ тому, кто грудь орлову
На славный сей отважитъ шагъ;
Денисовымъ и Краснощокимъ [h],
Орловымъ, Иловайскимъ вслѣдъ,
По безднамъ, по горамъ высокимъ
Въ домъ отчій лавръ кто принесетъ:
Дѣвицы, барыни Донскія,
Вздѣвъ платья русскія, златыя,
Введутъ его въ крестовъ чертогъ [i]
И воспоютъ: великъ нашъ Богъ!

Подъ вечеръ, утромъ, на зарянкѣ,
Сей радостный услыша гласъ,
Живя уединеннымъ въ Званкѣ,
Такъ-сякъ взбреду я на Парнассъ
И пѣсню войску тамъ Донскому,
Тебѣ на гусляхъ пробренчу,
Да бѣлому царю, младому,
Въ вѣнцѣ алмазы расцвѣчу!
Пусть звукъ ужасныхъ днешнихъ боовъ
Сподвижниковъ его героевъ
Мой повторяетъ холмъ и лѣсъ,
И гулъ шумитъ какъ громъ небесъ!

II. НА МИРЪ 1807 ГОДА

ГОСУДАРЫНЯМЪ ИМПЕРАТРИЦАМЪ. [2].

Весна вѣнцомъ вѣнчалась лѣта;
Порхаетъ по цвѣтамъ зефиръ;
Сіяньемъ солнечнымъ нагрѣта,
Земля лобзаетъ сладкій миръ.—
Кому жъ по Богѣ мы священный
Возжжемъ благодаренья жаръ?
Не вамъ ли, божества смиренны,
За сей намъ столь безцѣнный даръ?

По громамъ бисеры драгія
Отъ радугъ, какъ въ дождяхъ блестятъ:
Елисавета и Марія,
Такъ кинувъ къ намъ веселый взглядъ,
Знать дали, что покой Европы
Возставилъ Александровъ мечъ.
Какъ лучъ отъ Норда въ южны тропы
Ихъ пробѣжала мирна рѣчь.

Но, Муза!—коль бываетъ сладость
По горечи вкуснѣй устамъ,

А по печалямъ если радость
Цвѣтетъ пріятнѣе сердцамъ:
То прежде дни представь бурливы,
Какъ въ бѣдствахъ подвизался Россъ;
Потомъ пой лавры и оливы,
Чѣмъ онъ главу свою вознесъ.

Корабль какъ въ пѣнномъ, шумномъ морѣ,
Подобно скорлупѣ въ волнахъ,
Носящійся стихіевъ въ спорѣ,
Тонущій въ безднахъ, въ облакахъ,
Въ разверзты низвергаясь пасти,
Мракъ ада видитъ предъ собой,
Трескъ внемлетъ ребръ, дна, скрипы снасти
И съ мачтъ токъ молніевъ струей;

Иль какъ лѣсовъ въ трущобѣ львица,
Объемлема пожаромъ вкругъ,
Вздымая гриву, взоръ, чудится,
Внявъ древъ паденье, грохотъ, стукъ,
И что бѣжитъ къ ней ржучащій пламень
На грудь, на чресла и на тылъ,
Стоитъ недвижима, какъ камень,
Но не теряетъ духа силъ:

Такъ въ тяжки оны дни Россія
Войной была окружена,
Какъ съ всей Европою Азія
Была на насъ ополчена.
Шли Галлы, Персы, Туркоманы,
Шелъ льстивый другъ, шелъ тайный врагъ,
Наполеономъ обаянный,
Къ намъ взнесшимъ свой гигантскій шагъ.

И побѣдитель сей кичливый,
Какъ валъ, что, изъ струи родясь,
Чѣмъ далѣй въ путь свой текъ строптивый,
Тѣмъ больше грознымъ становясь,

Такъ взросъ побочныхъ водъ приливомъ,
Что будто нѣкій страшный холмъ
Подъ тѣни своея нагибомъ
Блескъ солнца затмевалъ челомъ.

Унизя Рима и Германій
Такъ духъ, что, ими въявь и втай
Господствуя, несыты длани
Простеръ и на полночный край.
И зрѣлъ ли онъ себѣ препону,
Коль могъ бы вѣру колебнуть,
Любовь къ отечеству и къ трону?
Но онъ ударилъ въ русску грудь.

О русска грудь неколебима!
Твердѣйшая горы стѣна,
Скорѣй ты ляжешь трупомъ зрима,
Чѣмъ будешь кѣмъ побѣждена.
Неразъ въ огняхъ, въ громахъ, средь бою
Въ крови тонувши ты своей,
Примѣры подала собою,
Что Россовъ въ свѣтѣ нѣтъ храбрѣй

Врагъ, предъ собой скалу желѣзну
Узря, позналъ своихъ тлѣнъ силъ;
Вѣтвь дружбы мирную, зелену
Предъ Александромъ предложилъ.
Монархъ человѣколюбивый,
Чтобъ крови за корысть не лить,
Намѣсто лавровъ взялъ оливы
И повелѣлъ спокойству быть.

Простите жъ, кротости богини,
Что я смущалъ вашъ громомъ слухъ;
Благодѣянья и святыни
Вашъ паче услаждаютъ духъ.
Се зрю, вы обратили взоры
На вдовъ убитыхъ, на сиротъ

И льете воиновъ на соборы
Увѣчныхъ вы дожди щедротъ.

Но миротворецъ, царь державный,
Какъ пальмъ вамъ приносетъ вѣнецъ,
За даръ его толико славный,
Спокоивъ у своихъ сердецъ,
Внушите мысль ему охранну,
Къ геройству возбуждая духъ:
Врагъ примиренный, снесшій рану,
Не можетъ быть надежный другъ.

А вы, лишившіяся бранью
Отцовъ, супруговъ, братьевъ, чадъ,
Гордитесь той безцѣнной данью,
Что вамъ любезны кости спятъ
На полѣ незабвенныхъ боевъ.—
Кто не умретъ? — смерть всѣхъ сразитъ;
Но термопильскихъ духъ героевъ
Живетъ понынѣ, — Леонидъ.

Пусть лесть, гордыней ослѣпленна,
Завоевателей трубитъ;
Но тихая свирѣль смиренна
Нравъ ангельскій поетъ и чтитъ
Маріи днесь, Елисаветы,
И ждетъ, что ихъ супругъ и сынъ
Не будетъ въ громы ужъ одѣтый,
Но миромъ—міра властелинъ.

Какъ съ Божьяго лица отливы
Блистаютъ въ милліонахъ звѣздъ,
Такъ позлатитъ онъ грады, нивы
Опустошенныхъ злобой мѣстъ.
Вездѣ ему душъ восхищенье
Изъ чувства истинна добра
Вслѣдъ воззвучитъ благословенье,
А не наемное ура!

Поэзьи дальновидный Геній
Грядущу мнѣ предрекъ судьбу:
Падетъ Европа на колѣни
Предъ тѣмъ, кто прекратитъ борьбу
И токъ прольетъ въ ней дней блаженныхъ.
Се ужъ паритъ его орелъ!
О радость! въ тулѣ дѣвъ священныхъ
Зрю тучи сладкихъ сердцу стрѣлъ!

III. ПОМИНКИ.[3]

Побѣдительница смертныхъ,
Не имѣя силъ терпѣть
Красоты побѣдъ несмѣтныхъ,
Поразила Майну,—смерть.
Возрыдали вкругъ Эроты,
Всплакалъ, возрыдалъ и я;
Музы, зря на мрачны ноты,
Пѣли гимнъ ей, и моя
Горесть повторяла лира.
Убѣжала радость прочь,
Прелести сокрылись міра,
Тишина и черна ночь
Скутали мой домъ въ запоны.
Отъ земли и отъ небесъ
Слышны эха только стоны;
Воемъ мы—и воютъ горы.
Плачемъ мы—и плачетъ лѣсъ;
Плачь сей былъ бы безъ конца,
Еслибъ алый лучъ Авроры,
Богъ, что свѣтитъ Музъ въ сердц
Не предсталъ—и мнѣ сіяньемъ
Не влiялъ утѣхи въ грудь.
„Помяни“, рекъ, „возліяньемъ
Доблесть и покоенъ будь“.
Взялъ я урну и росами

Чистыми, будто кристаллъ,
Полну наточилъ слезами;
Гробъ обливъ, поцѣловалъ, —
И изъ праха возникаютъ
Се три розы, сплетшись въ кусть,
Веселятъ, благоухаютъ,
Разгоняютъ мрачну грусть.

IV. НАДЕЖДА НА БОГА. [4].

Богъ намъ прибѣжище и сила,
Помощникъ въ скорбяхъ, средь враговъ!
Хотя бъ вселенная грозила
И горы, двигшись съ береговъ,
Въ сердца морскія прелагались,
Не убоюсь,—защитникъ Онъ!

Пусть громъ гремитъ, бурюютъ бури,
И до небесъ восходитъ понтъ,
Сверкаютъ молньи средь лазури
И рдѣетъ черный горизонтъ;
Но водъ кипящихъ устремленье
Увеселитъ лишь Божій градъ.

Богъ посреди — священны стѣны
Не двигнутся Его никѣмъ:
Со утромъ придутъ перемѣны:
Смятутся вражески тьмы темъ,
Уклонятся престолы, царствы,
Дастъ Вышній гласъ,—вздрогнетъ земля!

Господь помощникъ мой, спаситель —
Придите, зрите чудеса!—
Заступникъ, жезлъ и защититель,
Моя и слава и краса.
Онъ хощетъ,—и враждебны сонмы
Оцѣпенѣютъ вкругъ меня!

Съ концовъ земныхъ сопхнутся брани,
Лукъ сокрушится, копіе;
Блаженныхъ, мирныхъ дней, дѣяній
Исполнитъ наше житіе,
Мечи желѣзны переплавитъ
Въ плуги, серпы и косы Онъ,—

И упразднится злоба ада,
Да разумѣетъ человѣкъ,
Что небо тѣмъ покровъ, отрада,
Кто въ правдѣ свой проводитъ вѣкъ.
Такъ!—Богъ, Господь мой мнѣ заступникъ
И на Него надѣюсь я!

V. СѢТОВАНІЕ. [5].

Услышь, Творецъ, моленье
И вопль моей души;
Сердечно сокрушенье,
Вздыханія внуши,
И слезъ моихъ отъ тока
Не отврати лица.

Но въ день, въ который стражду,
Зову Тебя, стеня,
Твоихъ щедротъ какъ жажду,
Воззри Ты на меня
И съ высоты небесной
Скорѣй меня услышь.

Ты видишь: исчезаютъ
Всѣ дни мои, какъ дымъ;
Всѣ силы умираютъ;
Какъ злакъ подъ зноемъ злымъ
Падетъ, блѣднѣетъ, вянетъ,—
Изныло сердце такъ.

Сожжена грудь слезами,
Хлѣбъ, сонъ забвенъ, покой;
Плоть ссохлася съ костями;
Какъ остовъ образъ мой,
И глазъ отъ воздыханій
Въ устахъ моихъ исчезъ.

Какъ птица въ мглѣ унывна,
Оставленна на здѣ, а
Иль схохленна, пустынна
Сѣдяща на гнѣздѣ
Въ нощи, въ лѣсу, въ трущобѣ,—
Лію стенаньемъ гулъ.

Друзья днесь уклонились,
Враги меня тѣснятъ,
И тѣ, что мной хвалились,
Клянутъ меня, бранятъ
За то, что пища—пепелъ,
А слезы мнѣ питье.

И все сіе отъ гнѣва,
Увы! Твоихъ очесъ,
Что Ты, Создатель неба,
На высоту вознесъ
И внизъ меня низвергнулъ,—
Увялъ, поблекъ мой цвѣтъ.

Воззри же на смиренну
Молитву Ты мою,
И жертву воскуренну
Не уничтожь сію,
Да въ роды возвѣстится
Твое спасенье мнѣ.

———— ————

1808.

VI. ИЗДАТЕЛЮ МОИХЪ ПѢСНЕЙ[6].

Пѣсней моихъ издатель!
Другъ Сіонидъ и пѣвецъ [a]!
Въ храмѣ искусствъ обитатель!
Если ихъ кисть и рѣзецъ
Тѣнь хоть едину въ картинѣ
Бога-Творца изразятъ,
Въ мраморѣ ль, мѣди, холстинѣ
Хлора, Фелицу явятъ:
Сгложутъ ли, Лабзинъ, черви въ могилѣ
Со мною тебя?

Сгложутъ, коль самыя Музы
Только мечтаній рабы:
Тлѣна носящее узы
Смерти не уйдетъ татьбы.
Гдѣ, ахъ! завѣса Апелла?
Фидія Дій?— прахъ и персть.
Гдѣ Иліонъ, Тиръ и Пелла?
Развѣ убѣгли съ ихъ мѣстъ?
Нѣтъ! тамъ, гдѣ башни неба касались,
Обломки лежатъ.

Но Меонидъ [b] въ кругѣ міра
Въ словѣ безсмертномъ живетъ:
Громкая правдою лира,
Духа печать, не умретъ.
Геніи въ макѣ такъ зримы,
Нощью какъ въ небѣ огни;
Памятны будутъ Зосимы [c];
Въ духѣ Евгенья они
Прейдутъ къ потомству.—Солнце лучами
Проходитъ сквозь мракъ,

Такъ чрезъ тебя я прольюся
Цѣлаго свѣта вокругъ;
Въ книгахъ, какъ въ стеклахъ, возжгуся
Узрятъ далече мой духъ.
Чтожъ воспрещалъ ты Брамину [d]
Сѣять въ Лапландцахъ лучи?
Жегъ ѳиміамъ, иль лучину,
Свѣтъ проливалъ онъ въ ночи.
Долгъ Саламандра жечь,—долгъ поэта
Въ міръ правду вѣщать.

Шествуй со мною безстрашно
Ты въ проповѣдничій путь;
Бога вѣщай велегласно,
Въ пѣсняхъ созвучникъ мнѣ будь;
Всюду хвали добродѣтель,
Святость и истину славь;
Доблестей Россовъ свидѣтель,
Памятникъ вѣчный оставь
Въ звукахъ Багрима: то и во гробѣ
Насъ червь не сгрызетъ.

VII. АЛЬБАУМЪ. [7].

Когда земны оставишь царства,
Пойдешь въ Эдемъ, иль Элизей,
Харонъ вопроситъ, иль мытарства,
Изъ жизни подорожной сей:
Поэтовъ можешь одобренья
Въ альбаумѣ твоемъ явить;
Духамъ отдавъ ихъ для прочтенья,
Паспортъ твой ими замѣнить.
По нихъ тебя узнаютъ тѣни,
Кто ты и въ свѣтѣ какъ жила;
Твои всѣ чувства, помышленьи
Раскроются, какъ солнцемъ мгла.

Тогда ты можешь оправдаться
И, ахъ! иль обвиненной быть,
Въ путь правый, лѣвый провождаться,
Святой иль окаянной слыть.
Тогда черта, взглядъ, вздохъ, цвѣтъ, слово
Сей книги записной въ листахъ
Духовно примутъ тѣло ново
И обличатъ тебя въ дѣлахъ,
Во всѣхъ часахъ твоихъ, мгновеньяхъ.
Ты станешь на судѣ нагой:
Въ поступкахъ, мысляхъ и движеньяхъ
Мракъ самый будетъ послухъ твой.
Поэтъ, тебя превозносившій,
Прямымъ заговоритъ лицомъ,
Порокъ иль добродѣтель чтившій
Своимъ возопіетъ листомъ.
Листъ желтый, напримѣръ, надменность
Явитъ, что гордо ты жила;
На синемъ скупость вскрикнетъ, ревность,
Что ты соперницъ врагъ была;
На сребряномъ вструбитъ богатство,
Что ты въ свой вѣкъ прельщалась имъ;
На темномъ зашипитъ лукавство,
Что въ грудь вилась друзьямъ твоимъ;
На аломъ засмѣется радость,
Что весело любила жить;
На розовомъ воспляшетъ младость,
Что съ ней хотѣла вѣкъ свой длить;
На глянцоватомъ самолюбье
Улыбкою своей дастъ знать,
Что было зеркало орудье
Красотъ твоихъ, дабы прельщать;
Надежда на листкахъ зеленыхъ
Шепнетъ о всѣхъ твоихъ мечтахъ;
На сѣренькихъ листкахъ смиренныхъ
Печаль завоетъ во слезахъ.
Но Геній, благъ твоихъ свидѣтель,

На бѣлыхъ листьяхъ, въ блескѣ словъ,
Покажетъ вѣру, добродѣтель
И безпорочную любовь.

VIII. ПОСЫЛКА ПЛОДОВЪ. [8].

Когда дѣлящая часы небесъ планета,
Къ намъ возвращаяся, приходитъ жить съ тельцомъ:
Отъ пламенныхъ роговъ щедрота льется свѣта,
Міръ облекается и блескомъ и тепломъ.

Не только лишь земля съ наружности одѣта,
Цвѣтами долъ пестритъ и кроетъ злакомъ холмъ,
Но и въ безжизненной внутрь влажности нагрѣта,
Плодотворительнымъ чреватѣетъ лучемъ

И сими насъ даритъ, другими ли плодами.
Подобна солнцу ты межъ красными женами,
Очей твоихъ лучемъ пронзая сердце мнѣ,

И помыслы родишь и словеса любовны.
Но, ахъ! они къ тебѣ колико ни наклонны,
Въ цвѣтущей не живалъ я никогда веснѣ.

IX. ПРОГУЛКА. [9].

Находятся съ такимъ въ природѣ твари зрѣньемъ,
Что быстро свой взносить на солнце могутъ взоръ;
Но суть и тѣ, кому лучъ вреденъ ударѣньемъ,
А подъ вечеръ они выходятъ лишь изъ норъ.

Иныя жъ нѣкакимъ безумнымъ вожделѣньемъ
И на огонь летятъ, красотъ въ немъ зря соборъ;
Но лишь касаются, сгараютъ мановеньемъ,
И я бѣднякъ сихъ толпъ и образъ и позоръ!

Безсиленъ будучи сносить лучи свѣтила,
Которымъ я прельщенъ,—ни тѣни, коя бъ скрыла
Меня гдѣ отъ него, ни съ мѣста я не зрю;

Но съ потупленными, слезящими очами
Влекусь чрезъ силу зрѣть на солнце межъ женами,
Не мысля, ахъ! о томъ, хоть ею и сгорю.

X. ЗАДУМЧИВОСТЬ. [10].

Задумчиво, одинъ, широкими шагами
Хожу и мѣряю пустыхъ пространство мѣстъ;
Очами мрачными смотрю передъ ногами,
Не зрится ль на пескѣ гдѣ человѣчій слѣдъ.

Увы! я помощи себѣ между людями
Не вижу, не ищу, какъ лишь оставить свѣтъ;
Веселье коль прошло, грусть обладаетъ нами,
Золъ внутреннихъ печать на взорахъ всякій чтетъ.

И мнится, мнѣ кричатъ долины, рѣки, холмы,
Какимъ огнемъ мой духъ и чувствія жегомы,
И отъ дражайшихъ глазъ что взоръ скрываетъ мой.

Но нѣтъ пустынь такихъ, ни дебрей мрачнихъ, дальныхъ,
Куда любовь моя въ мечтахъ моихъ печальныхъ
Не приходила бы бесѣдовать со мной.

XI. ОБИТЕЛЬ ДОБРАДЫ. [11].

Палемонъ.

Среди плетеныя, шиповыя ограды,
Подъ тѣнью липъ, дубовъ,
Между сиренгъ и розовыхъ кустовъ
Домъ благодатныя, неблазныя Добрады,
Богини всякаго добра,
Царицы тьмы щедротъ,
Въ полугорѣ стоитъ и вдаль чрезъ долъ съ высотъ
Блеститъ изъ мрамора столпами;
А передъ ними, какъ сребра
Съ уступами гора,

Шумящій водоскатъ, жемчужными струями
Сверкая, сыплется въ рѣку,
И прогоняетъ дѣвъ задумчивыхъ тоску.—
Здѣсь возвышается алтарь Творцу вселенной,
И обелисковъ рядъ несется къ небесамъ,
Царямъ,
Вождямъ,
Друзьямъ,
Вкругъ благовоніемъ вседневно окуренной;
А тутъ пестрѣются различные цвѣты,
Для вящшей сада красоты
Въ узорчатыхъ грядахъ,
Какъ будто на коврахъ,
Между извивистыхъ златыхъ тропинъ, песчаныхъ,
По коимъ ходитъ ликъ небесныхъ Валкъ избранныхъ
На мѣстѣ семъ
Добрада въ обществѣ своемъ,
Во сельской простотѣ, но божеству приличной,—
Во знойный день,
Въ вечерній часъ обычной,
Подъ солнцемъ рощи какъ кидаютъ длинну тѣнь,
И отъ очей за нимъ черепокожна чуда,
Ползуща среди звѣздъ, не зрима ни откуда,
Алѣютъ воды, горы и лѣса,
И въ золотѣ горятъ багряномъ небеса;
Шумъ тварей тише становится,
И легкій порхаетъ Зефиръ,
Рой насѣкомыхъ, чуть вдали жужжа, толпится,
И клонится къ дремотѣ міръ,—
Возсѣвши на скамьѣ муравчатой, дернистой,
Богиня воздухъ черплетъ чистой
И смотритъ на свои утучненны стада,
Идущи тяжело съ мычаньемъ изъ долины;
Иль зритъ средь озера стекляныя равнины,
Какъ тихо тянется за лебедемъ бразда;
Иль слушаетъ, склонясь, преливистыя трели,
Какъ изъ-за рощи къ ней

Доходятъ голоса пастушеской свирѣли:
Иль громкій соловей
Какъ торжество своей
Любови страстной воспѣваетъ,
Отрывисто звучитъ,
За громомъ громъ катитъ
И всю себя внимать природу заставляетъ;
Потомъ же, утомясь,
Свой тише, тише гласъ
Какъ бы степенно ниспускаетъ
И, сладостно стеня, въ восторгѣ умолкаетъ.
А иногда молву
Вкругъ слышитъ по лѣсамъ богиня птицъ безгнѣздныхъ,
Какъ чадъ своихъ любезныхъ
Онѣ къ себѣ зовутъ: ау, ау, ау!
Отъ скучныхъ стоновъ сихъ склоня свою главу,
Подъ часъ задумчиво сидитъ,
Молчитъ;
А эхо тожъ: ау, ау!
Безперерывно повторяетъ,
Добрадѣ сердце раздираетъ.
Она вздыхаетъ,
Токъ слезный проливаетъ
И бывши бѣдствія и Лизу вспоминаетъ,
Что въ майскій свѣтлый, юный день
Недавно скрылася во смертну тѣнь,
Ее, отца и мать оставивши въ печали;
Или груститъ,
Печальный кажетъ видъ,
Отсутственно изъ дали
Любезну дочь свою къ себѣ всечасно ждетъ
И заунывну пѣснь такъ про себя поетъ:

АРІЯ.

Богиней я слыву,—
Нейдутъ заботы прочь:

Тебя къ себѣ зову,
Приди, любезна дочь!
Ау, ау, ау!
Весна цвѣтитъ траву,
Зимы исчезла мочь:
Тебя къ себѣ зову,
Приди, любезна дочь!
Ау, ау, ау!

Но чувствъ какъ таковыхъ умильныхъ насладится,
Объемлетъ на одрѣ богиню сладкій сонъ;
А Дажбогъ [a], сшедъ съ небесъ, къ ней стражемъ становится,
И осѣняетъ звѣздъ щитомъ.
Валкала ликъ [b] тогда подъ арфой тихострунной,
Какъ шепчущій камышъ морской или ручей
Въ вѣтреноватый часъ, часъ лунной,
Отвсюду ей
Во слухъ гармонію ліетъ,
Дреманье и покой, на вѣжды мглу ведетъ.

Хоръ.

О духи всемірны!
Крылѣ вы эѳирны
Прострите надъ ней;
Струися, ручей
Дремоты пріятной!
Душѣ благодатной,
Чистой во всемъ,
Зрися рай сномъ.

Дафнисъ.

Надъ злачнымъ садомъ симъ Добрады
Востока днесь златилась дверь:
Ужъ не предвѣстье ль то отрады?
Не возвратится ли къ ней дщерь
Изъ дальнихъ, чуждыхъ странъ, изъ области супруга?
Не скажешь ли о томъ что, Палемонъ, намъ ты?

Дафна.

Я, я скажу: моя подруга,
Здѣсь рвавши на зарѣ цвѣты
На поясъ, на вѣнецъ, и какъ ихъ сплетала,
Тихонько на ушко,
Чтобъ не подслушалъ кто,
Мнѣ такъ шептала:
„Сегодня праздникъ у Добрады,—
Пріѣхала къ ней дочь.“
Я вмигъ украдкой прочь
Убѣгла отъ сестеръ,
Чтобы и мнѣ, въ ея примѣръ,
Украсить мой нарядъ и въ день такой пріятный,
Толь свѣтлый, милый, благодатный,
Усердья моего всѣхъ больше показать.
Какъ будутъ дочь и мать
Себя взаимно обнимать
И сладку межъ собой семейну жизнь вкушать!

Дафнисъ.

Какъ! ужъ пріѣхала къ намъ гостья ожиданна?
О радость сердцу несказанна!
О душъ ей преданныхъ восторгъ!
Здорову ли ее принесъ обратно Богъ?
Цвѣтетъ ли красота ея, цвѣла какъ прежде,
И вѣчно чтобъ съ ней жить, быть можемъ ли въ надеждѣ?

Палемонъ.

Какъ на отечество свое она глядитъ,
На мать, на братьевъ, сестръ? Въ бесѣдахъ говоритъ
Своимъ ли языкомъ?

Дафнисъ.

Спросила ли о комъ?
Узнала ли друзей и тѣ мѣста природны,

Гдѣ развивалися красы порфирородны
И улыбалась въ ней младенческа душа?

Дафна.

Все такъ же хороша:
Не разнится ни въ чемъ весеннихъ дней съ зарею;
Съ середнею своей и младшею сестрою
Привѣтлива, скромна и ласкова ко всѣмъ;
Всечасно мать лобзаетъ;
А мать ее
Объемлетъ, къ сердцу прижимаетъ
И, на лицѣ явя веселіе свое,
Разлуку забываетъ.
Природа съ нихъ беретъ другой повсюду видъ,
И вкругъ торжественно сіяніемъ все блеститъ:
Тамъ горы, тамъ лѣса играютъ,
Тамъ рыбы вверхъ изъ водъ какъ бы взлетаютъ,
Сверкая перьемъ, чешуей;
Повсюду, словомъ, все восторгъ являетъ свой.
Прекрасны дѣвы хороводомъ
И пляшутъ и поютъ, ея живяся взоромъ.

Арія.

О, какъ обитель
Добрады цвѣтетъ!
Всякій въ ней житель
Блаженно живетъ,
Счастливо, пріятно,
Зритъ какъ обратно
Прибывшу къ ней дщерь.—
Намъ рай здѣсь теперь!

Палемонъ.

И о житьѣ она своемъ
За тридевять земель, заморскомъ, разсказала
Тебѣ и всѣмъ?

Дафна.

Подробно, все, съ начала
И даже до конца,
Какъ встрѣчена была отъ матери, отца,
Супруга своего и отъ всего народа;
И какъ отъ хоровода
Всѣхъ тамошнихъ какихъ-то Музъ
По тамошнему пѣтъ ей былъ усердный гимнъ.
Я вытвердить его успѣла наизусть,
И языкомъ своимъ,
Коль Дафнисъ согласится
Со мною потрудиться,
Всѣмъ сердцемъ порадѣть,—
То можемъ мы его вдвоемъ здѣсь и пропѣть.

Дафнисъ.

Зачни лишь, Дафна, ты; а я къ тебѣ пристану
И вторить стану.

ДУЭТЪ.

Дафна и Дафнисъ.

„Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуща с,
Блескъ златымъ вѣнцомъ дающа,
Изъ чужаго небосклона
Принесенна къ намъ на лоно!
И съ сладчайшими плодами
Зеленѣй всегда листами!

ТРІО.

Палемонъ, Дафнисъ и Дафна.

„Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуща,
Къ небесамъ главу несуща!
И, дни бурные зимою,
Не касайтесь къ ней косою!“

Палемонъ.

Когда въ чужомъ ее такъ славили народѣ,
То стыдно будетъ намъ,
Коль въ собственномъ своемъ отечествѣ и родѣ
Мы воли не дадимъ сердцамъ
И, чувствъ своихъ къ отрадѣ,
Сегодня торжества не изъявимъ Добрадѣ.
Поди, о Дафнисъ! поскорѣй
И предъ алтарь ты къ ней
Сзови всѣхъ пастуховъ съ селеніевъ окружныхъ,
Участниковъ ея щедротъ,
Да въ восклицаніяхъ содружныхъ
Пускай и весь народъ
За здравіе Добрады,
За всѣхъ ея родныхъ
Творцу моленье льстъ
И восхищенныхъ чувствъ своихъ
Являетъ радость и прохлады.

Молитва народа.

О Боже! зри
Мольбы сердечны:
Съ высотъ простри
Дни счастья вѣчны,
И всякихъ золъ
Избавь Добраду;
Царя, престолъ
Прими въ ограду
И насъ храни:
Дай свѣтлы дни.

Хоръ сиротъ.

Ты отъ смерти воскресила
И изъ праха насъ взяла,
Воспитала, воскормила,

Просвѣщеніе дала.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ цари!
Сирыхъ благодарность зри.

Хоръ дѣвицъ.

Ты нашъ разумъ озарила
И украсила нашъ нравъ;
Всѣмъ искусствамъ научила,
Вмѣсто матери намъ ставъ.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ цари!
Дѣвъ днесь благодарность зри.

Хоръ вдовъ.

Ты насъ дланію покрыла,
Даровала намъ покой,
Жизнь несчастну прекратила
Щедрою твоей рукой.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царстуютъ цари!
Вдовъ днесь благодарность зри.

Хоръ ремеслъ.

Ты искусствомъ надѣлила,
Намъ познанія дала:
Прясть и ткать насъ научила,
Пользу общую ввела.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ цари!
Музъ днесь благодарность зри.

Хоръ общій.

Ты намъ милости являешь
И щетротами даришь;
Всѣхъ ласкаешь, угощаешь,
По достоинствамъ насъ чтишь.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ цари!
Общу благодарность зри.

Палемонъ.

Но зрите, какъ сія божественна царица
Скромна и все добро лишь для добра творитъ;
Хотя сіяетъ всѣмъ, какъ бы небесъ зарница,
Но взоръ прозрачная тончица [d]
Ея, какъ легкій облакъ, тмитъ,
Когда ей ароматъ съ полсвѣта душъ горитъ.

1809

XII. ГЕБА. [12].

Изъ опаловаго неба
Со Олимпа высоты,
Вижу, идетъ юна Геба,
Лучезарны красоты!
Изъ сосуда льетъ златаго
Въ чашу злату снѣдь Орлу.

Зоблетъ молній царь, пернатыхъ
Пукъ держа въ когтяхъ громовъ,
Вѣтръ съ раменъ его крылатыхъ
Вкругъ шумитъ межъ облаковъ.
Черно-пламенныя очи
Мещетъ Геба на него.

И улыбкою Авроры
Бранный умягчая духъ,
Музъ его клоня на хоры
Нѣжимый, палимый слухъ,
Вьетъ Орелъ гнѣздо на лонѣ,
Оперяются птенцы!

Что таинственна картина?
Что явленье дѣвы сей?
По челу—Екатерина,
По очамъ—огнь Павловъ въ ней;
По душѣ она—Марія,
Александръ, Елисаветъ.

Такъ, она ему сестрою,
Искренній ея бывъ другъ,
Будетъ вѣрности душою
То творить, что и супругъ,
И, царю служа полсвѣта,
Будетъ подданныхъ примѣръ.

О изящна добродѣтель,
О великихъ образъ женъ,
Кто, быть могши самъ владѣтель,
Но ставъ волей униженъ,
Явилъ, выше царской власти,
Духъ отечеству служить!

Симъ однимъ Екатерина,
Именемъ своимъ однимъ
Ты повергла исполина
Росса ко стопамъ твоимъ.
Чѣмъ любовь твою заплатимъ?—
Лишь любовію одной.

Со Георгіемъ на брани,
Въ поприщѣ съ тобой наукъ,
Мы сберемъ трофеевъ дани:

Грянетъ Александровъ звукъ!
Славься симъ, Екатерина,
Славься Россіянкой быть.

XIII. АСПАЗІИ. [13]

Блещетъ Аттика женами,
Всѣхъ Аспазія милѣй:
Черными очей огнями,
Грудью пѣнною своей
Удивляючи Аѳины,
Превосходитъ всѣхъ собой;
Взоры орли, души львины
Жжетъ, какъ солнце, красотой.

Рѣзвятся вокругъ утѣхи,
Улыбается любовь;
Нѣги, радости и смѣхи
Плетеницы изъ цвѣтовъ
На героевъ налагаютъ
И влекутъ сердца къ ней въ плѣнъ;
Мудрецы по ней вздыхаютъ,
И Периклъ въ нее влюбленъ.

Угождаютъ ей науки,
Дань художества даютъ,
Мусикійски сладки звуки
Въ взгляды томность ей ліютъ.
Она чувствуетъ, вздыхаетъ,
Нѣжная видна душа,
И сама того не знаетъ,
Чѣмъ всѣхъ больше хороша.

Зависть съ злобой содружася
Смотрятъ косо на нее,
Съ черной клеветой свіяся,
Уподобяся змѣѣ,

Тонкія кидаютъ жалы,
И винятъ въ хулѣ боговъ [a];
Ужъ Перикла силы малы
Быть щитомъ ей отъ враговъ.

Ужъ ведется всенародно
Предъ судей она на судъ,
Злы молвы о ней свободно
Ужъ не шепчутъ,—вопіютъ;
Ужъ собранье засѣдало,
Ужъ Архонты всѣ въ очкахъ;
Но сняла лишь покрывало:
Палъ предъ ней Ареопагъ!

XIV. РУССКИМЪ ГРАЦІЯМЪ. [14].

Велитъ вамъ, Граціи, падернуть покрывало [a]
На пѣсенки мои шутливыя мудрецъ.
Знать, яблоко его Эдема не прельщало,
Ни мать — не изъ ребра, ни глиняный отецъ,
Ни любопытенъ онъ, какъ дѣды его были;
Но вы, зрю,—всякая вслѣдъ прабабы идетъ,—
Сквозною дымкою тѣ пѣсенки закрыли
И улыбнулися на запрещенный плодъ.

XV. ВОЦАРЕНІЕ ПРАВДЫ. [15],

Господь воцарился!
Земля, веселись!
Мракъ тучъ разступился:
Холмъ, въ свѣтъ облекись:
Правда и судъ утвердились
Вкругъ трона Его.

Предъ Нимъ огнь предыдетъ,
Враговъ попалитъ,

Вселенную двигнетъ,
Громъ мракъ освѣтитъ;
Горы, какъ воскъ, вмигъ растаютъ
Предъ Божьимъ лицемъ.

И небо всѣмъ правду
Его возвѣститъ;
Народъ въ немъ отраду,
Честь, славу узритъ;
Тѣ же, что чтили кумировъ,
Поникнутъ съ стыдомъ.

Услыша съ весельемъ,
Взыграетъ Сіонъ,
Сонмъ дѣвъ съ восхищеньемъ
Воскликнетъ о Немъ
И возгласитъ, что правдивы
Господни судьбы!

Творецъ, что всѣхъ высшій
Надъ всѣми есть Богъ,
Кой, взоромъ проникши,
Унизилъ злыхъ рогъ;
Души храня, преподобныхъ
Лучемъ осіялъ.

Ликуйте жъ о Богѣ,
О добрые! днесь,
Хвалите въ восторгѣ
Царя вы небесъ!
Имя и святость и славу
Воспойте Его.

XVI. НЕЗАБУДОЧКА. [16].

Милый незабудка-цвѣтикъ!
Видишь, другъ мой, я, стеня,

Ѣду отъ тебя, мой свѣтикъ:
Не забудь меня.

Встрѣтишься ль гдѣ съ розой нѣжной,
Иль лилсей взоръ плѣня,
Въ самой страсти неизбѣжной
Не забудь меня.

Ручейкомъ ли гдѣ журчащимъ
Зной омоешь лѣтня дня:
И въ жемчугѣ водъ шумящихъ
Не забудь меня.

Вѣтерокъ ли гдѣ порханьемъ
Кликнетъ въ тѣнь тебя маня:
И подъ устъ его дыханьемъ
Не забудь меня.

XVII. ЦѢЛЕНІЕ САУЛА [16].

Саулъ, Сіона царь, сынъ Кисовъ, волю Бога
Взгордясь презрѣлъ, тѣмъ власть Его уничижилъ.
Господь средь гнѣва яра, строга,
Блестящее лице съ Саула отвратилъ
И рекъ: „Поди, злой духъ! круши его“.
Глаголомъ симъ вострепетали бездны,
Сквозь пропасти подземны
Со огненна одра покоя своего
Возстала злая Месть и идетъ на Саула.
Пукъ лютыхъ стрѣлъ на ней за плечьми среди тула
Вися гремитъ, какъ громъ вдали,—и передъ ней
Отверзлись ржавыя со скрыпомъ ада двери,
Изъ коихъ зависти и злобы блѣдны дщери,
Боязнь и грусть и скорбь и скука и тоска,
Змѣистыхъ клочья власъ вкругъ ней, какъ облака,
Пустивъ на вѣтръ, летятъ въ призракахъ чернымъ роемъ:
Тѣ съ скрежетомъ зубовъ, тѣ съ хохотомъ, тѣ съ воемъ,

Какъ враны, волки какъ на трупъ съ лѣсовъ, степей
Стадами гладными на казнь бѣгутъ цареву.
Средь крику ихъ и реву
Унынье дикое безмолвно, тяжело,
Густой подобно мглѣ, на грудь, на очи, на чело,
На духъ преступника, на сердце налегло,
Огнемъ всю внутренность, тоской смертельно жгло;
И ночь и день его терзая угнетало,
Мечтами ужасало.
Почувствовалъ, почулъ
Еговы гнѣвъ Саулъ,

Веселья отъ него повсюду удалились
И утучняющій спорхнулъ отъ вѣждей сонъ,
По ссохшимся щекамъ потоки слезъ катились,
И былъ какъ тѣнь, какъ остовъ онъ.
Въ размученномъ такомъ, тревожномъ состояньи
Друзья вокругъ его во плачѣ, во стенаньи
Вѣщаютъ, что пастухъ, по имени Давидъ,
Болѣзни тяжкія бряцаньемъ струнъ цѣлитъ;
Что арфы громкіе и тихозвучны тоны
Волшебствомъ нѣкакимъ обворожаютъ слухъ,
Покоятъ, веселятъ, лелѣютъ, нѣжатъ духъ
И прогоняютъ грусть, задумчивость и стоны,
И словомъ, мочной что гармоньи сладка власть
Удобна исцѣлять болѣзнь и всяку страсть.
Поспѣшно повелѣлъ звать сына Іессея.

Пѣвецъ пришелъ и хоръ съ нимъ предъ него,
И зря, что на одрѣ царь, взоромъ пламенѣя,
Лежитъ и день клянетъ рожденья своего,
Съ созвучностію струнъ, касаясь чуть ушесъ,
Двугласну тихо пѣснь вознесъ:

О Боже! поспѣши
Сердечный внять мой гласъ,
Скорбь царску утиши,
Отри потоки съ глазъ

И просвѣти Твое лице
На блещущемъ его вѣнцѣ.

Вираждь, стрѣлы, Судія,
Твои его разятъ,
Какъ лютая змія,
Ліютъ во сердце ядъ.
О Боже! поспѣши,
Скорбь царску утиши.

Внимаетъ пѣснь монархъ; но сила звуковъ, словъ
Такъ отъ него скользитъ, какъ лучъ отъ холма льдяна;
Снѣдастъ грусть его, мысль черная, печальна.
Пѣвецъ то зритъ—и, взявъ другихъ строй голосовъ,
Поетъ ужъ хоромъ всѣмъ; но сонно, полутонно,
Смятенью тартара, душѣ смятенной сходно:

На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Божій духъ
Искони до вѣковъ въ тихой тьмѣ возносился,
Какъ орелъ надъ яйцомъ, надъ зародышемъ вкругъ
Тварей всѣхъ теплотой, такъ крылами гнѣздился.
Огнь, земля и вода и весь воздухъ въ борьбѣ
Межъ собой внутрь и внѣ безпрестанно сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они всѣмъ являли въ себѣ,
Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ прорывались;
Громъ на громъ, въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ глубинѣ
Какъ катясь, какъ вратясь даль и близь оглушали,
Бездны безднъ, хляби хлябь колебавъ въ тишинѣ
Безъ устройствъ естество, ужасъ, мракъ представляли.

Подъ томной пѣснью сей царя тягчайшій сонъ
Давилъ, что больше мертвъ, чѣмъ живъ казался онъ.
Былъ сходенъ хаосу, въ сонъ вѣчный погруженну,
Въ себѣ самомъ смятенну.
Но гласъ взгремѣлъ:
Стихіевъ бездны раздѣлились;
Огнь съ воздухомъ на высоту взлетѣлъ,
Земля съ водою внизъ спустились:
Бысть свѣтъ!

Чертежъ, въ умѣ Творца предвѣчно изложенный,
Напечатлѣлся всей природы на росткахъ,
На скрытыхъ сѣменахъ.
Всѣхъ думъ его отсвѣтъ,
Отъ слова образъ взявъ, сталъ видъ одушевленный,
И въ родѣ всяка тварь своемъ,
Къ чему назначенна, явилась точно тѣмъ.
Какъ искра, отъ кремня и изъ стали воспрянувъ,
Такъ солнце излилось, изъ мрака возблеснувъ.

Прекрасное свѣтило!
Грядетъ среди небесъ,
Величіе открыло
Тьмы Божескихъ чудесъ.
Въ слѣды его смотря,
Румянилась заря,
Въ безмолвномъ утра мракѣ
Сіяетъ Оріонъ;
Но звѣздъ царя при зракѣ
Блѣднѣетъ, меркнетъ онъ.
На сѣверѣ въ полнощи льетъ
Свой Арктусъ яркій свѣтъ.

И ты, о милая лампада,
Луна! (такъ воспѣвалъ пастухъ)
Средь звѣздъ вдали блестяща стада
Свой тихо совершаешь кругъ.
Сумрачны тучи удивились
Задумчивой красѣ твоей,
Когда края ихъ посребрились
Отъ свѣтлости твоихъ лучей,
И ты царицей нощи стала, —
Оспаривая день, блистала.

Такъ тьмы планетъ въ молчаньи путь
Проходятъ свой благоговѣйно,
Стремяще неотложный трудъ
Къ мѣтѣ всеобщей стройно, вѣрно.

О, коль сей дивенъ тихогромъ
И льетъ гармонію какую!
Какъ свѣтлыхъ Серафимовъ сонмъ,
Крылами пѣснь на немъ святую
Порхавъ, по сферамъ издаютъ,
Созвучно всѣ Творца поютъ.
Воскликни, хоръ, воскликни вдругъ,
И ты Творца съ тьмой звѣздъ согласно
Пой съ Серафимы велегласно;
И ты его творенье рукъ.
Веселой трепетной душой
Хвалу Его любовью пой!

Въ безчувствіи глухомъ лежащаго владыку
Проникнулъ сладкій шумъ сего священна лику.
Оцѣпенѣлый взоръ вкругъ дико водитъ онъ
И чудесамъ небесъ дивится, мыслей полнъ.

Но ново пѣніе возстало
И вновь царя слухъ обуяло:

Онъ слышитъ, Океанъ, возставъ, съ челъ звѣздъ потекъ
Шумящо въ свой предѣлъ, во глубины безмѣрны;
Возникли горъ хребты мгновенно изъ средь бездны
И межъ себя пути отверзли бѣгу рѣкъ;
А тамъ, нагнувшися, скалы круты, кремнисты
Низвергнули съ себя журчащій чистый ключъ,
Который, какъ жемчугъ пересыпаясь чистый,
Катитъ по муравѣ потокъ свой въ понтъ зыбучъ.

Виждь, пестрѣетъ стадомъ холмъ,
Агнцы по лугамъ рѣзвятся,
Тонкимъ скрыты облачкомъ
Пѣсни жаворонковъ глаcятся;
А какъ солнца лучъ багряный
Загорится средь ручья,
Отдаются рощи дальны
Свистомъ громкимъ соловья.

Съ неба Ангелы нисходятъ,
Пѣсни ангельски поя,
И блаженство ихъ низводятъ
Въ тѣни злачныя рая.
Миръ ликуетъ и спокойство,
Подъ смоковницей сидя;
Цвѣтъ вдругъ, запахъ и довольство
Къ ихъ желаніямъ ведя,
Непорочность и веселья
Рука объ руку идутъ;
Тамъ не знаютъ лицемѣрья,
А всѣ въ радости живутъ.
Будь, чета благословенна,
Вѣкъ невинностью спряженна,
Ублажайся счастьемъ вновь,
Чистая сердецъ любовь.

Хоръ смолкъ.—Монархъ челомъ своимъ съ одра склонился
И, благовѣнья полнъ, во помыслахъ молился
Толикихъ множества Создателю чудесъ.
Но злобы духъ въ немъ вновь воскресъ.
И чернымъ жегъ огнемъ его съ сугубой силой.
Царь бьетъ себя во грудь съ душой унылой:
Почто веселье и покой,
Рекъ, въ хижинахъ живутъ, а домъ забыли мой?

Быстрые гласы, теките,
Духа печальна будите,
Коль не почувствуешь самъ,
Грѣхъ что его есть тиранъ.

Стени и жалуйся, о арфа! скорбнымъ тономъ,
Стени и наполняй весь свѣтъ его урономъ.
Несется, слышу, вопль и стонъ и плачъ и вой.
Какое зрѣлище я вижу предъ собой!
Увы! напрасны суть твои ужъ слезъ потоки:
Преступная чета, ты пала въ грѣхъ жестокій.
Съ невинностью твоей веселость протекла,

Смерть косу на тебя, яряся, занесла
И Херувима мечъ огнемъ вокругъ сверкаетъ,
Отчаянье въ очахъ вездѣ тебя пужаетъ;
Возненавиженна сама собою ставъ,
Куда сокроешься, себя собой терзавъ?
Несчастная чета! оставленная Богомъ,
Въ лѣсахъ ли будешь жить, съ звѣрьми подъ листьевъ кровомъ;
Но ты жалка, твое плачевно состоянье!
Подвиглись небеса, всѣ Ангелы въ рыданьѣ;
Долъ плачетъ, плачетъ холмъ, гулъ вкругъ твердитъ: увы!
О, коль несчастливы, сердца порочны, вы!

Быстрые гласы, теките,
Души преступны разите,
Правдъ не познаютъ коль сихъ,
Что грѣхъ мучитель есть ихъ.

Кичливу грудь царя и страхъ и стыдъ бунтуютъ,
Въ надменномъ гнѣвъ лицѣ и злость изобразуютъ,
Кровавы, выпуклы глаза его свирѣпо зрятъ.
Но юноша хоть то и примѣчаетъ,
Безъ робости играетъ,
Ланиты правдою горятъ,
И смотритъ такъ на злость тирана онъ спокойно,
Какъ добродѣтели смотрѣть на злобу сродно.
Подъ взоромъ блещущимъ вслѣдъ скачущимъ перстамъ
По арфѣ огнь бѣжитъ, сверкая по струнамъ,
И возбуждаючи высоки, страшны тоны,
Грѣхъ въ бѣдствіи поетъ и казнь его и стоны:

Громы въ громы ударяютъ,
Гулъ за гулами реветъ,
Смерть и ужасы летаютъ,
Молнія вселенну жжетъ;
Бездны разверзаютъ зѣвы,
Богъ преступниковъ казнитъ.
Князь и царь, рабы царевы,
Кто отъ Бога убѣжитъ?

Родъ Іаковль! веси, грады
Брось и кущи ты свои,
Ты умрешь,—и нѣтъ пощады
За злодѣйствія твои.
Ты умрешь, —и я ужъ внемлю
Шумъ вокругъ небесныхъ стрѣлъ;
Трупы смрадны кроютъ землю
И Солима пустъ предѣлъ.

Внемли! се крикъ и вопль изъ бездны выникаетъ,
Се слабо до ушей доходитъ онъ моихъ,
Се тише отъ часу, все тише,—исчезаетъ,
И вотъ уже совсѣмъ затихъ.
Погибли навсегда хулители Господни,
Землей поглощены, низверглись въ преисподни,
Пропалъ ихъ слѣдъ,
И слуху нѣтъ.
Но ахъ! возмогутъ ли мои плачевны струны
Тѣ живо описать и молньи и перуны,
Какіе праведный опредѣлилъ Судья
Въ казнь вѣчную злодѣямъ.—Увы! ужъ вижу я:

Грядетъ, грядетъ свирѣпо мщенье,
Вкругъ въ бурю, въ мракъ облечено.
Низвергнуло скалы трясенье;
Понтъ, небо въ кровь превращено.
Міръ дрогнетъ, вѣетъ знамя гнѣва.
Возстань, хлябь водъ, возстань!
Гласъ рекъ:—и изъ твоихъ безднъ чрева
Потопомъ съ неба шумнымъ грянь
И погреби въ волнахъ вселенну,
Нечестьемъ, злобой оскверненну.
Пусть знаетъ свѣтъ мой правый судъ,
Изъ сна грѣховъ себя возбудитъ.
Возстань!—да воды не придутъ
Въ свой паки одръ почить покойно;
Но да стремятся всюду грозно,

Поколь заклеповъ не прорвутъ,
Сквозь горъ камнистыхъ не пройдутъ
И сушей Океанъ не будетъ.

Съ гласу Господня
Вмигъ преисподня
И звѣздна хлябь водъ
На землю течетъ.
Море волнами,
Небо дождями
Шумитъ и реветъ,
Міръ топитъ и жретъ.

Богъ правъ—и судъ Его есть правда,
И праха сынъ всегда зрѣть слабъ ея лучи.
Ненависть съ завистью покрыла ярыхъ волнъ громада;
Тамъ сластолюбіе, тамъ роскошь, мракъ пьючи,
Съ развратомъ, съ лѣностью погрязли безднъ въ стремленьи,
И тщетно о своемъ мнятъ смертные спасеньи.

Скалъ прорванъ сводъ,
Всталъ къ небу понтъ,
Нѣтъ больше въ спорѣ
Съ брегами волнъ,
На морѣ море
Кидаетъ чолнъ
По всей вселенной
Опустошенной.

Но гласы, пламенѣя,
Возвысьтеся пѣвцовъ,
Воскликни хоръ живѣе
Спокойныхъ пастуховъ,
Чтобъ огненныя стрѣлы
Струнъ ихъ и пѣсней вдругъ
Пронзали онѣмѣлы
Цареву грудь и духъ,
И онъ бы, правды самъ ставъ зритель,
Позналь, что грѣхъ—его мучитель.

Межъ тѣмъ какъ пѣлъ Давидъ такъ пѣснь, восторга полнъ,
И сильный арфы гласъ чертожны двигалъ стѣны,
Саулъ, въ отчаяньи пуская дикій стонъ,
Зубами скрежеталъ, терзалъ власы смятенны
И рдѣлъ въ жару, какъ угль, и мерзъ въ хладу, какъ ледъ;
По блѣдному лицу катился градомъ потъ,
И съ пѣною изъ устъ клубилася желчь черна.
Въ неистовствѣ его схвативъ рука кинжалъ
Взнесла на грудь свою, но, бывъ остановленна
Отъ сущихъ близъ его,—вдругъ острый сей металлъ
Повергла на Давида. Давидъ отсторонился,
И дѣйствующій зря
Страхъ Божій на царя,
И что спасенъ былъ самъ,—восторгомъ оживился,
И сталъ пріятно съ струнъ, какъ вѣтерокъ, дышать,
По малу духъ царя къ спокойству пріучать;
Но, тщетнымъ зря и то, что скорбь хотя тѣлесну
И рану облегчить возможно намъ извѣстну;
Но слабы всѣ бальзамы суть
Цѣлить и утолять душевную въ насъ грусть,
Сердечны скрыты раны,
Терзающія тайны,—
Приди жъ, раскаянье, онъ рекъ, скорѣй съ небесъ,
О ты, что тусклый взоръ возводишь къ милосердью
И, полно чувствъ живыхъ, Судебъ колеблешь твердью,
Приди къ святынѣ, вождь, въ лицѣ печали, слезъ,
И милость приведи Творца со умиленьемъ,
Чтобъ сердце царское предъ нимъ съ благоговѣньемъ
Содѣлалось тобой способнымъ къ чувству благъ
И отъ него бъ ушли уныніе и страхъ!
Раскаянье приходитъ:
Внемли его, монархъ;
Оно покой приводитъ
И сладость во слезахъ;
Печаль имъ радостью бываетъ
Коль все желанье обитаетъ

И мысль твоя на небесахъ:
Оно къ блаженству первый шагъ.
И се раскаянье прогнало уже ярость.—
Царь смотритъ на кинжалъ, являя трепетъ, жалость,
И тихій на пѣвцовъ кидаетъ съ вздохомъ взглядъ,
Зѣницы, пламенно вращаясь, не горятъ,
Въ которыхъ передъ симъ отчаянность грозила,
Небесная печаль грусть ада заступила.

О! какъ милость есть любезна,
Всѣхъ она славнѣй добротъ!
Плачетъ цать—и струйка слезна
По ланитѣ его льетъ.
Ее Ангелъ принимаетъ,
Не пустя упасть во тьму;
Милосердью посвящаетъ,
Жертвъ пріятнѣй всѣхъ ему.

Еще, еще,—но ахъ! болѣзнь приходитъ снова,
Біенье сердца, грусть видна въ очахъ царя сурова.
Возвысьте, пастыри, вашъ выспреннѣе гласъ,
Покудова недугъ въ немъ въ корнѣ не погасъ,
Поколь обильный токъ съ очей не устремился
И мукъ съ души его яремъ не низложился.

Всемогущій! пріими
Вздохъ раскаянья царева,
Искушенія изми
И надежду среди гнѣва
Брось ему твоимъ лучемъ,
Чтобъ онъ, сердца сокрушенье
Слезъ изливъ тебѣ дождемъ,
Зрѣлъ въ тебѣ свое цѣленье.

Спустись теперь въ юдоль съ холмовъ, парящій хоръ,
И къ пѣнью вышнему не напрягайтесь, струны:
Тріумфъ явили свой гармоніи перуны.
Монархъ ихъ чувствуетъ, его свѣтлѣетъ взоръ,

Ланиты блѣдныя румянятся зарею.
Блаженъ!—ужъ отъ него бѣжитъ унынье прочь;
Не мучится уже онъ совѣстью своею.
Раскаянной душѣ спѣшитъ самъ Богъ помочь,
И черна скорбь къ нему ужъ вспять не возвратится.
Пѣснь ваша, пастыри, ему да усладится,
И арфы тихія пріятный сердцу звукъ
Надеждою небесъ его да тѣшатъ духъ,
Забавы сельскія, невинность и свобода,
Да обольститъ его вашъ пѣніемъ предѣлъ,
Чтобъ гордость позабылъ, чтобъ нравилась свобода,
И онъ богатству бы спокойство предпочелъ.

Поля, лѣса, пустыни дики,
Сквозь дебрь журчащіе ручьи,
Пастушьи громки слышьте клики,
Поющи свѣтлы дни свои.

Межъ скалъ отъ рѣзвыхъ стадъ брыканья
Хохочетъ эхо вкругъ его,
И онъ, священна полнъ вниманья,
То зритъ, другой не зритъ чего.

Подъ тихія вечерни сѣни
Идетъ къ нему покой съ небесъ,
Любовь, невинность въ восхищеньи
Въ цвѣтахъ сидятъ съ нимъ межъ древесъ.

Вокругъ чела его довольна
Звѣздъ зрится блескъ, льетъ съ ризы свѣтъ;
Вся жизнь его покрова пальмъ достойна,
Шалашъ его покой даетъ.

Да ввѣкъ, о Ангелъ! ощущаетъ
Твою бесѣду грудь моя;
Спѣсь, зависть при дворахъ блистаетъ;
Пастушья хижина твоя.

Тише, о пѣсни! теперь вы звучите,

Скорбному духу дремоту внушите;
Лей на него свой ароматъ, сонъ, вкругъ;
Сладко спокойство, лелѣй его духъ.

Слетайте на него, о воины небесны,
Стрегущи Божій градъ,—и маніемъ своимъ его
Владѣющія сномъ, чѣмъ вы, мечты прелестны,
Грядуща время видъ являете того,
Гдѣ приготовлена душамъ благимъ награда,
А злобы извергамъ грозящи страхи ада,
Слетите и, его восхитя духъ съ собой,
Представя передъ нимъ небесный садъ златой,
Къ превыспренности той вознесите свѣтлой, звѣздной,
Гдѣ о безсмертьи лишь звучитъ безсмертный хоръ;
Гдѣ, кромѣ радости, ничто не существуетъ,
И новой вѣчностью жизнь вѣчна торжествуетъ.

Арфъ своихъ тономъ,
Божественнымъ звономъ,
Стрясите съ него
Скорбь люту его;
Плачь будетъ въ радость,
Стонъ его въ сладость.

И се уже его гармонія живитъ;
Потокомъ сладкихъ слезъ кропитъ отрадный видъ,
Бѣжитъ уныніе, проходитъ безпокойство.
Согласье новое, яви свое устройство,
Греми, струнъ новый громъ,
Созвучно съ голосами,
Подвигни небесами
Кличь радость въ царскій домъ.
Какая сильна мощь томитъ души волненье?
Какая возбуждать въ ней можетъ бурну страсть?
Твое, Гармонія, волшебное велѣнье
И надъ природой всей твоя чудесна власть.
Ты, дщерь небесъ,

Вселенной зримой сей съ тѣхъ поръ извѣстна стала,
Какъ съ трона вѣчнаго Премудрость гласъ снизслала,
Который міръ вознесъ.
Явилась ты,—и твердь усѣялась звѣздами,
По звуку твоему потекъ сей красный, свѣтлый строй!
Полкъ ангельскъ, поразясь согласіемъ его, красой,—
Великъ, воспѣлъ, великъ Творецъ нашъ чудесами!
И въ изумленіи съ тѣхъ поръ съ высотъ глядитъ
На сей лучистый сонмъ, въ его заряся токѣ,
И совокупно съ нимъ гласитъ
Пѣснь первую звѣзды, возникшей на востокѣ,
Котору сферы всѣ и вблизь и вдаль твердятъ
Едиными усты: Осанна! святъ, святъ, святъ!

XVIII. ВЪ ПАМЯТЬ ДАВЫДОВА И ХВОСТОВА [17].

Вдыхавшая героямъ
Россійскимъ къ славѣ духъ,
Склони днесь къ струнамъ томнымъ,
О Муза! ихъ твоимъ,
И юныхъ двухъ отважныхъ
Сподвижниковъ оплачь,
Что сквозь стихіевъ грозныхъ
И океанскихъ безднъ
Свирѣпыхъ и бездонныхъ,
Колумбу подражая,
Два разъ Титана вслѣдъ
Прошли къ противуножнымъ [а]

Межъ горъ лазурныхъ, льдистыхъ,
Носящихся въ волнахъ,
И въ ночь, подъ влагой звѣздной,
По райнамъ, парусамъ
Блестящей,—солнца тропы
Преплывъ сквозь мразъ и жаръ,
Они, какъ воскрыленны
Два орлія птенца,

Пущенные Зевесомъ,
Чтобъ, облетѣвъ вселенну,
Узнать ея среду,
Три удивляли свѣта [b].

Тамъ на летучихъ Этнахъ,
Иль въ челнахъ морь средь нѣдръ,
Тамъ въ нарахъ, на еленяхъ [c],
Въ степяхъ на коняхъ, псахъ,
То всадниковъ, то пѣшихъ,
Зимой средь дебрь и тундръ
Однихъ между злодѣевъ,
Ужъ ихъ погибшихъ чтутъ,
Безъ пищи, безъ одежды
Въ темницахъ уморенныхъ;
Но вдругъ воскресшихъ зрятъ,
Вездѣ какъ бы безсмертныхъ.

И Финнъ и Галлъ былъ зритель [d]
Безстрашья ихъ въ бояхъ,
Когда они сражались
За вѣру, за царя,
За отчество любезно;
Но благовѣнью въ нихъ
Всякъ къ родшимъ удивлялся,
Коріолановъ зрѣвъ [e],
Всякъ ждалъ: насъ вновь прославятъ
Грейгъ, Чичаговъ, Сенявинъ,
Крузъ, Сакенъ, Ушаковъ
Въ моряхъ великимъ духомъ.

Но мудрыхъ разсужденье
Коль справедливо то,
Что блескъ столицъ и прелесть
Достоинствамъ прямымъ
Опаснѣй, чѣмъ пучины
И камни подъ водой:
Такъ, красны струи невски!

Средь тихихъ вашихъ нѣдръ,
Въ насмѣшку бурямъ грознымъ
И страшнымъ океанамъ,
Пожрать не могшимъ ихъ,
Вы, вы ихъ поглотили!

Увы! въ семъ мірѣ чудномъ
Одинъ небрежный шагъ
И твердые колоссы
Преобращаетъ въ персть.—
Родители! ахъ, вы,
Внуша гласъ скучной лиры [f],
Не рвитеся безъ мѣръ;
Но будьте какъ прохожій,
Что на цвѣтахъ блескъ росъ
Погасшимъ зрѣлъ,—и ихъ
Вслѣдъ запахъ обоняйте.

Жизнь наша жизни вѣчной
Есть искра, иль струя;
Но тѣмъ она ввѣкъ длится,
Коль благовонье льетъ
За добрыми дѣлами.
О, такъ! исполнимъ долгъ,
И похвалы за гробомъ
Услышимъ коль своимъ,—
Чего желать намъ больше?
Въ пыли и на престолѣ
Прославленный герой
Главъ злыхъ вѣнчанныхъ выше.

Хвостовъ! Давыдовъ! будьте
Ввѣкъ славными и вы.
Межъ нами ваша память,
Какъ гулъ, не пройдетъ вмигъ.
Хоть рокомъ своенравнымъ
Вы сѣсть и не могли
На колесницу счастья [g];

Но вашихъ похожденій звукъ,
Духъ Куковъ и Нельсоновъ
И умъ Невтона звѣздна,
Какъ Александровъ вѣкъ,
Не позабудутъ Россы.

1810.

XIX. СЛАВА [18].

День дню отрыгаетъ глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ (псал. 18, 3).

Еще ль, цари, вамъ имя громко
Быть мнится славою прямой?
Еще ль, мудрецъ, ее ты только
Чтешь дыма блещущей струей?
Признайтесь,—ваша мысль неправа;
Увѣрьтесь истины въ словахъ:
Безсмертная, прямая слава
Есть цѣпь цвѣтущихъ вѣчно благъ.

Чтожъ хвалишься во злобѣ, сильный,
Внутрь беззаконіемъ и внѣ,
Коль ты, чрезъ слезы крокодильны,
Чрезъ токи крови на войнѣ,
Чрезъ вѣроломства, бунты, яды,
Чрезъ святотатну неба честь,
Повергъ престолы, храмы, грады
И могъ царей всѣхъ выше сѣсть?

Положимъ, край твоихъ желаній—
Въ водахъ, въ земляхъ, внутрь дикихъ мѣстъ
Распространя завоеваній [a],
Коснуться даже самыхъ звѣздъ.
Се горъ и рѣкъ уже не стало:
Какъ вихрь, промчался на крылахъ,
И все передъ тобою пало;
Но что же славы въ томъ?—Ты прахъ!

Увы!—и каждую минуту
Питаючи въ себѣ змію,
Коль разжигаешь жажду люту
И жрешь самъ внутренность свою,
Почто явишь въ себѣ Тантала
И ловишь мнимой славы тѣнь?
На то ль, чтобъ о тебѣ сказала
Словъ нѣсколько аѳинска чернь?

Безумецъ! знай, когда въ надменьѣ
Ты богъ мечтаешь быть въ себѣ,
Лишь тиграмъ ты идешь въ сравненье
И въ сердцѣ томъ, кто льститъ тебѣ.
На погребенны пепломъ грады,
На кровь, на слезы зря людей,
Какихъ ждешь жертвъ, похвалъ, пощады
Отъ нашихъ и грядущихъ дней?

Виждь: тайно, мрачно днесь вздыханье
Вслѣдъ ходитъ всюду за тобой;
А завтра клятвы, восклицанье
На гробъ твой громъ повергнутъ свой.—
Кто жъ замыслы исполнитъ страшны,
Чѣмъ міръ поработить мнилъ весь?
Гдѣ блескъ, гдѣ звукъ, гдѣ пышны брашны?
Ты былъ—и нѣтъ,—твой слухъ исчезъ!

Се громка слава сильныхъ міра!
Се образецъ геройскихъ дѣлъ!
Вослѣдъ кроваваго ихъ пира
Что видимъ мы?—не груды ль тѣлъ?
Не кости ль на поляхъ смердящи?
Не запустѣнье ль, нуждъ всѣхъ мать?
Ахъ! можно ли столь злы губящи
Правдиво Славою назвать?

Но и хранящій строги нравы,
Угрюмый доблестію мужъ,

Не отрѣвай совсѣмъ чувствъ славы
И ты отъ любочестныхъ душъ.
Всѣмъ смертнымъ славолюбье сродно,
Различенъ путь лишь и предметъ:
И въ бочкѣ циникъ благородно
Велѣлъ царю не тмить свой свѣтъ.

Тому мила чрезъ то извѣстность,
Тотъ мнитъ инымъ быть именитъ;
Но пользъ творцу чрезъ кротость, честность
Звучнѣй всѣхъ плескъ принадлежитъ.
Отецъ семействъ, законодатель,
Забрало отъ татей, коварствъ,
Сохи, серпа изобрѣтатель—
Бича славнѣй, поправдѣ, царствъ.

Возьмемъ же, въ противуположность
Тирану, добраго царя,
Всю истощившаго возможность,
Блаженство подданныхъ творя:
Не зримъ ли Генія въ немъ неба,
Блестяща радуги лучемъ,
Въ томъ—мрачна демона Эреба?
Тотъ сыплетъ свѣтъ,—сей держетъ громъ.

Гнусна убійцъ народовъ слава,
Я тихой дорожу молвой:
Той—мести нѣдрится отрава,
Сей—засѣвается покой.
Подрывъ и вражью съ трескомъ граду
Не радуетъ души моей;
Стихъ добрыхъ думъ одинъ въ награду
Жметъ сладки слезы изъ очей.

Какой восторгъ души блаженной!
Какая слава, вѣчна честь,
Какъ храмъ, для бѣдныхъ учрежденный,
Придешь, гдѣ воспитанье, зрѣть

И въ скорбяхъ сущихъ врачеванье!
Тутъ царь—отецъ, царица—мать.
Умъ можетъ скиптровъ тамъ стяжанье,
Здѣсь будетъ сердце одобрять.

Но если больше обоженна
Гдѣ слава долженствуетъ быть,
То въ образѣ щита священна
Кто лавромъ могъ себя покрыть?
Во оборонѣ лишь отчизны
Вѣнчаетъ славою война.
Могилы—въ жертвенники тризны
Преобращаетъ намъ она.

Такъ, доблесть токмо превосходна
Должна поправдѣ славной быть;
Благотворителя народна
Долгъ сердцемъ и устами чтить.
Се солнце Творческой державы
Вѣщаетъ силу, безднъ сквозь тьму:
„Богъ благъ,—одинъ Онъ Царь есть Славы,
„И вся поклонятся Ему."

XX. ИДОЛОПОКЛОНСТВО [19].

Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будет тебѣ бози ини...

Творцу я поклоняюсь міра,
Въ лицѣ Его служу царю.
Нигдѣ, ни въ комъ себѣ кумира
И не творилъ и не творю.
Почтожъ мнѣ, идолы безчестны,
Шумихой, мишурой прелестны,
Вкругъ ползать вашихъ алтарей?—
Почто,—коль въ хижинѣ безвѣстной
Доволенъ подъ рукой небесной
Я долею моей?

Богатствъ, чиновъ стяжатель, власти,
Льстецъ, ищущій могущимъ быть,
Пусть лучшей достигаетъ части,—
Стоитъ въ водѣ и—хочетъ пить;
Но пастырь добрый, вѣрный стаду,
Не перелазитъ чрезъ ограду,
За посохомъ нейдетъ безъ зва
И пастырства не вымоляетъ;
А взявъ овецъ, ихъ соблюдаетъ
От расхищенья льва;

Кладетъ за нихъ въ часъ лютый душу,
Не бѣгавъ, какъ наемникъ, прочь;
Но знавъ, что Тотъ, Кто море, сушу
И небо создалъ, день и ночь
Такъ дланью бдитъ надъ нимъ своею,
Какъ предначертанной стезею
Катитъ и міра колесо:
То полнъ сихъ чувствъ и не крушится,
А подъ какимъ зубцомъ случится,—
Смиренно сноситъ все,

И чтетъ терпѣнье въ добродѣтель,
Что смертнымъ нужно всѣмъ оно;
Что чрезъ него лишь насъ Содѣтель
Вчиняетъ звѣздъ своихъ въ звено;
Что перстъ Его за правду царства
Возноситъ,—низитъ за коварства
До предназначенна конца;—
Царямъ вельможъ здѣсь въ возвышенье,
А тамъ даетъ во униженье
Ихъ власти и вѣнца.

Такъ Вышній таинства сердечны
И мысль всѣхъ видитъ съ горнихъ мѣстъ,
Мракъ ада проницаетъ вѣчный
И солнечныхъ пучины гнѣздъ.
Въ Его—снѣжинка въ морѣ пѣнномъ,

И искра въ пламени возжженномъ,
И черна мравья путь во тьмѣ,
И въ небѣ слѣдъ орла паряща,
И туча стрѣлъ, съ луковъ летяща,
Различены умѣ.

Различены;—но нѣтъ изъятья;
Міръ въ общей колеѣ течетъ;
Хоть въ томъ звенѣ, хоть въ томъ участье—
Несчастьемъ тотъ, сей счастьемъ чтетъ.
Къ чему жъ гордыней надыматься,
Когда случится возвышаться?
Мы можемъ завтра внизъ упасть.
Но ползть почто и бѣдствъ въ юдолѣ?
Учиться лучше въ низкой долѣ:
Тщетна кумировъ власть.

Ахъ, нѣтъ!—кумиры сильны въ мірѣ,
Издревле имъ поклонникъ свѣтъ:
Здѣсь роскошь усыпляетъ въ пирѣ,
Тамъ красота ядъ въ сердце льетъ;
Здѣсь злато ослѣпляетъ блескомъ,
Тамъ слава оглушаетъ трескомъ.
Все, все сочли за бога мы!
Безчисленны суть наши страсти,
Крамольники мы вышней власти.
О Россъ! бѣги сей тьмы.

XXI. ДОБРОДѢТЕЛЬ [20].

Орудье благости и силъ,
Господня дщерь, Его подобье,
Въ которой мудро совмѣстилъ
Онъ твердость, кротость, умъ, незлобье
И къ благу общему любовь,
О доблесть смертныхъ! Добродѣтель!
О соль земли!—хоть сонмъ духовъ,

Разврату нравственну радѣтель,
И смѣетъ звать тебя мечтой;
Но Богъ, я мню, ты воплощенный.

Такъ,—ты намѣстница Творца,
Его зиждительница воли
Въ Его селеньяхъ безъ конца,
И въ сей боренія юдоли
Добра и зла ты вождь единъ,
Къ высокой той чредѣ ведущій,
Къ которой избранъ Свѣта сынъ.
О Ангелъ, въ человѣкѣ сущій!
О человѣкъ, лицомъ, душой
На небеса взирать рожденный!

Ты, доблесть,—мужества примѣръ,
Ты—цѣломудрія зерцало,
Незыблема подпора вѣръ,
Несокрушимо странъ забрало.
Ты въ узахъ, въ бѣдствахъ присный другъ,
Клевретъ въ трудахъ, товарищъ въ бдѣньи,
Вождямъ и пастырямъ ты духъ
Даешь, ихъ паствъ и царствъ въ храненьи,
Плодъ ратаямъ, талантамъ блескъ,
Вѣнецъ—всѣхъ нуждъ превозможеньямъ.

Ты, Добродѣтель, образецъ
Благодѣяньевъ всѣхъ возможныхъ,
Гармонія благихъ сердецъ,
Источникъ сладостей неложныхъ.
Ты,—если царствуешь съ царемъ,—
Съ судомъ онъ милость сочетаетъ,
Зло облиставъ своимъ лицомъ;
Отъ сильныхъ слабыхъ защищаетъ;
Покровъ наукъ и музъ ты плескъ,
Мать сирыхъ, врачъ изнеможеньямъ.

Кто разъ узрѣлъ твои черты,

Твоей плѣнился красотою,
Вкусилъ священныхъ устъ соты
И весь слился съ тобой душою,
Тому другихъ красотъ ужъ нѣтъ:
Прахъ—безъ тебя ему богатство,
Корона—въ терніяхъ цвѣтетъ;
Но гдѣ узритъ тебя,—препятство
И смерть ему уже ничто;—
Летитъ тобою насладиться.

Тогда ему и злой тиранъ
И всѣ его прещенья, муки,—
Какъ будто знакъ къ побѣдѣ данъ;
Всѣ ужасы—торжествъ какъ звуки
Манятъ на лобно мѣсто течь:
На пиръ, на бракъ какъ бы съ невѣстой,
Съ улыбкою идетъ подъ мечъ.—
Такъ Михаилъ шелъ въ гробъ отверзтой [a],
Чтя ханску ярость ни во что,
Чтобъ идоламъ не поклониться.

Тогда,—какъ страстны мы тобой,
Какихъ свойствъ милосердья чужды?
Смягчаемся сиротъ слезой,
Не сносимъ хладно нищихъ нужды,
Воспитывать дѣтей рачимъ,
Болѣзнь и старость облегчаемъ,
Цвѣтъ цѣломудрія хранимъ,
Умъ слѣпо вѣрою плѣняемъ.
Скорѣй царь бѣдность посѣтитъ,
Любя тебя, чѣмъ домъ богатый.

Тогда въ судилищахъ и судъ
Даютъ бояры безпристрастно,
Отечество, царя блюдутъ
И правду говорятъ безстрашно.
Тогда, о сладостный восторгъ!
Царицы—вѣрныхъ женъ примѣры:

Вершитъ свой Евпраксія рокъ [b]!
Лилеей ставъ царевна вѣры,
Сама дѣвъ сонму предсѣдитъ [c]
И въ души льетъ ихъ нравы святы!

Но льзя ль исчислить лѣпоты
Твои, о доблесть всеблаженна!
Ты все вчиняешь въ красоты,
Что тронетъ длань твоя священна;
Ты доблишь чувства, мысли, трудъ,
Какъ соль творитъ вкуснѣй всѣ яства;
Тобой геройствомъ — храбрость чтутъ,
Щедротою—уронъ богатства,
Прощеньемъ ты караешь месть,
Ты ненавидима, а любишь.

И, Добродѣтель, посему
Добротой Богу ты подобна,
Что, доброхотствуя всему,
Ты благородствомъ превосходна:
Твой правда трудъ, твой польза плодъ;
Ты не себѣ, но всѣмъ радѣешь,
Ко всѣмъ добра ты — для добротъ,
Просить награды — не умѣешь;
Всему предпочитаешь — честь
И о дѣлахъ своихъ не трубишь.

Величія и славы цвѣтъ
Небесъ, о безпорочна Дѣва!
Тобой стоитъ сей только свѣтъ
Среди страстей кипящихъ рева.
Коль не было бъ въ немъ чадъ твоихъ,
Орловъ, сквозь бурь летать рожденныхъ,
И голубицъ, отъ чреслъ святыхъ
Твоихъ на свѣтъ произведенныхъ,
Чтобъ зло кротить и побѣждать,—
Міръ палъ давно бы въ преисподню.

Цвѣти жъ сильнѣй, эдемскій кринъ,
Средь дебрь терновыхъ здѣшня міра,
Да благоволіемъ твоимъ
Моя всѣхъ услаждаетъ лира.
Или во мнѣ твоихъ добротъ
Лицомъ благоволи явиться:
Тогда и солнца отъ красотъ
Не усумнюся отвратиться,
Твою чтобъ только пальму взять
И къ лону принести Господню.

XXII. ИСТИНА.

Источникъ всѣхъ началъ, зерно
Понятій, мыслей, чувствъ высокихъ,
Среда и корень тайнъ глубокихъ,
Отколь и кѣмъ все создано,
Числъ содержательница счета,
Сосферреннаго въ твердь сію,
О Истина! о голосъ Свѣта!
Тебя, безсмертная, пою.

Тебя,—когда и червь, занявъ
Лучи отъ солнца, въ тьмѣ блистаетъ;
Ко свѣту очи обращаетъ,
Безъ словъ младенецъ лепетавъ:—
То я ль души моей пареньемъ
Не вознесуся въ Твой чертогъ?
Я ль не воскликну съ дерзновеньемъ:
Есть вѣчна Истина,—есть Богъ:

Есть Богъ!—я чувствую Его
Какъ въ существѣ моемъ духовномъ,
Такъ въ чудномъ мірѣ семъ огромномъ,
Быть не возмогшемъ безъ Него.
Есть Богъ! я сердцемъ осязаю
Его присутствіе во мнѣ:

Онъ въ Истинѣ, я увѣряю,
Онъ совѣсть—внутрь, Онъ правда—внѣ.

Такъ, Истина, сліясь изъ трехъ
Существъ, единства скрыта лономъ
Средь тѣлъ и душъ и въ духѣ ономъ,
Кто создалъ все, кто держитъ всѣхъ.
Ея подобье въ солнцѣ зрится:
Лицомъ и свѣтомъ и тепломъ
Живя всю тварь, оно не тмится,
Ключъ жизней всѣхъ, ихъ образъ въ немъ.

Сильнѣе Истина всѣхъ силъ,
Рожденна ею добродѣтель.
Чрезъ духъ свой зрѣть ее Содѣтель
Въ безмѣрности чудесъ открылъ;
Ея никто не обнимаетъ,
Окромѣ Бога самого,
Полкъ тщетно Ангеловъ взлетаетъ
Прозрѣть кивотъ судебъ Его.

О Истина! трилучный свѣтъ,
Сый,—бывый, сущій и грядущій!
Прости, что прахъ, едва ползущій,
Смѣлъ о Тебѣ вѣщать свой бредъ;
Но ты,—коль солнцевъ всѣхъ лампада,
Міровъ начало и конецъ,
Отъ корней звѣздъ до корней ада
Объемлешь все,—всего Творецъ!

Творецъ всего,—и влилъ мнѣ духъ
Ты въ волѣ мудрой и въ желаньяхъ,
И неба и земли въ познаньяхъ,
Парящій совершенства въ кругъ;
Такъ можно ль быть мнѣ въ томъ виновнымъ,
Что въ выспренность Твою лечу?
Блаженствомъ я Твоимъ верховнымъ,
Тобой насытиться хочу.

Тобой!—Ты перло думъ моихъ,
Отца наслѣдье, сота слаще.
Ахъ! скрытнѣй, далѣй чѣмъ, тѣмъ вящше
Я алчу зрѣть красотъ Твоихъ,
Младенцамъ лишь однимъ не тайныхъ.
Внемли жъ!—и мигъ хоть удостой
Мелькнуть сквозь тучъ Тебя вкругъ зарьныхъ,
И отѣни мнѣ обликъ Твой.

Нѣтъ, буйство!—какъ дерзну взирать
На Бога, облеченный въ бренья?
Томиться здѣсь, тамъ наслажденья
Ждать —смертныхъ участь—и вздыхать.
О, такъ!—и то уже высоко
Непостижимаго любить,
Небесной Истиною око
Умѣть земное пламенить!

Сліянный въ узелъ блескъ денницъ,
Божественная лучезарность,
Пространствъ совокупленна дальность,
Всѣхъ единица единицъ!
О правость воль неколебимыхъ!
О мѣра, вѣсъ, число всего!
О красота красотъ всезримыхъ!
О сердце сердца моего!

Думъ правило, умовъ законъ,
Свѣтило всѣхъ народовъ, вѣковъ!
Что бъ было съ родомъ человѣковъ,
Когда бъ Тебя не вѣдалъ онъ?
Когда бы совѣсти не знали
Всѣхъ неумытнаго Судьи,
Давно бъ звѣрями люди стали.
Законы святы мнѣ Твои.

Пускай продерзкій мрака сынъ
Кощунствуетъ въ своей гордынѣ,

Что правда—слабость въ властелинѣ,
Что рулѣ правленій—умъ одинъ,
Что златомъ тверды царства, грады;
Но ахъ! сихъ правилъ тщетенъ блескъ:
Имперьи рушатся безъ правды....
Се внемлемъ мы престоловъ трескъ!

О Истина, душевна жизнь!
Престолъ въ сердцахъ небесна царства!
Когда духъ лжи, неправдъ, коварства,
Не вңявъ разсудка укоризнъ,
Къ добру препятствъ мнѣ вержетъ камень,
Ты гласомъ божескимъ Твоимъ
Взжигай въ душѣ моей Твой пламень
И будь свѣтильникомъ моимъ.

Ты жезлъ мой будь и вождь всегда,
Да токмо за Тобой стремлюся,
Твоимъ сіяньемъ предвожуся,
Не совращаясь никогда
Съ путей, Тобой мнѣ освѣщенныхъ;
Любя Тебя, да всѣхъ люблю;
Но отъ совѣтовъ, мнѣ внушенныхъ
Тобой, нигдѣ не отступлю.

Да буду провозвѣстникъ, другъ,
Поборникъ Твой, вездѣ щитъ правды;
Всѣ міра прелести, награды
Да не истлятъ во мнѣ Твой духъ;
Да оправдаю я невинность;
До соблюду присягу, честь;
Да зла не скрою ковъ, безчинность,
И обличу предъ всѣми лесть.

Да буду сподвижникъ твердъ
Всѣхъ добродѣтелей съ Тобою,
Ходя заповѣдей стезею,
По правосудью милосердъ;

Да сущихъ посѣщу въ темницахъ,
Пить жаждущимъ, ѣсть гладнымъ дамъ,
Бальзамъ страдающимъ въ больницахъ
И отче лоно сиротамъ.

Да отвращу мой взоръ отъ тѣхъ,
Кто Твоего не любитъ свѣта,
Корысть и самолюбье мѣта
Единая чья дѣйствій всѣхъ,
Да отъ безвѣрныхъ удалюся,
Нейду съ лукавыми въ совѣтъ
И въ сонмъ льстецовъ,—а прилѣплюся
Къ друзьямъ Твоимъ, Твой чтущимъ свѣтъ.

И Ты, о Истина! мой Богъ!
Моей и вѣры упованье!
За все мое Тебя желанье,
За мой къ Тебѣ въ любви восторгъ,
Когда сей плоти совлекуся,
Хоть былъ бы чистъ, какъ блескъ огня,
Но какъ къ тебѣ на судъ явлюся,
Не отвратися отъ меня.

XXIII. ПРОБЛЕСКЪ [21].

Хранителя меня ты ангела крылами,
О мысль безсмертія! пріосѣняй,
Да въ немъ, какъ въ зеркалѣ, души очами
Я будущихъ блаженствъ увижу рай;
Подобно путникъ какъ сверхъ водъ, сквозь лѣсъ, въ мракъ нощи
Зритъ проблескъ отъ луны.

Коль не былъ гордъ и подлъ и лишь изъ самолюбья
Пронырствомъ не пролѣзъ вельможъ я въ сонмъ,
Но съ малыхъ должностей всегда орудье
Былъ Бога и царя, ихъ чтя законъ:
Се зрю, се зрю себя сѣдящимъ выше неба
Между князей духовъ!

Когда грустилъ, вздыхалъ и проливалъ слезъ рѣки,
Что нравовъ простота и вѣры лучъ
Въ вселенной погасалъ, и человѣки
Творились злѣй звѣрей средь бранныхъ тучъ:
Утѣшеннымъ себя въ эдемскихъ вижу кущахъ
Средь праотцевъ моихъ!

Коль сердцемъ кротокъ, тихъ, благолюбивъ душою,
Не тягостенъ рабамъ и добръ я былъ,
Доволенъ отческихъ полей землею
И жатвой чуждой духъ мой не мутилъ:
Наслѣдіемъ себя взираю награжденна
Небеснаго Отца!

Когда не царскія желалъ, искалъ награды,
И мзды чьей за труды, за подвигъ мой;
Но домогался лишь вездѣ единой правды,
Считая жребій всѣхъ за жребій свой:
Насыщеннымъ себя я вижу правосудьемъ
Отъ Истины святой!

Коль милостивымъ всѣмъ былъ, щедрымъ, милосердымъ
И бѣднымъ завсегда желалъ помочь,
Стыдился къ страждущимъ глухимъ быть, твердымъ,
Сиротъ и вдовъ не гналъ отъ дома прочь:
О диво! въ грозный день, въ судъ страшный, неумытный
Помилованнымъ зрюсь!

Когда былъ сердцемъ чистъ, чуждъ козней и коварства,
Не ставилъ никому на ловъ сѣтей;
Но, искренней душой презря препятства,
Невинныхъ въ вредъ себѣ спасалъ людей:
О восхищеніе! зрю Бога лучезарна
Къ себѣ лицомъ къ лицу!

Не изъ корысти коль себѣ хвалы и славы,
Но изъ желанія лишь всѣмъ добра
Смиреньемъ укрощавъ враждебны нравы,

Судилъ, мирилъ, на сильныхъ мощь не зря:
О несказанна честь!—за миротворство Божьимъ
Я сыномъ нареченъ!

Коль обносимымъ былъ и оклеветанъ лжами
За то, что истину и правду чтилъ,
Что Божьими блюдомъ, хранимъ судьбами
И ими весь мой вѣкъ поддержанъ былъ:
Весельемъ ангельскимъ, небеснымъ наслаждаюсь
Въ бесѣдѣ я святыхъ!

О радость! о восторгъ! толико быть блаженнымъ,
Что удостоиться взирать Творца
И, свѣтомъ окружась Его священнымъ,
Въ чертогѣ опочить всѣхъ благъ Отца,
Между своихъ друзей, родныхъ, поднесь что милы
Такъ сердцу моему!

Тогда-то тамъ, о тамъ! не здѣшне земно тлѣнье,
Не проходящи сны мірскихъ торжествъ,
Но съ ликомъ душъ вовѣкъ Творцу хваленье
На арфѣ возглашу въ кругу Божествъ,
И небо и земля, моря и преисподня
Послушаютъ меня!

Давидъ, Іоасафъ тогда свои псалтиры
Мнѣ съ радостью дадутъ,—да, въ нихъ бряцавъ,
Во гармоничные созвучны лиры
Сольюся Ангеловъ, самъ Ангелъ ставъ;
Въ безсмертномъ превитать я буду озареньи,
Какъ ясный Божій лучъ!

Не оставляй же ввѣкъ, не оставляй, любезна
О мысль безсмертія! меня всегда;
Будь стражъ средь поприща сего мятежна
И не кидай меня ты никогда;
Но тѣшь меня, покой пріятнымъ воображеньемъ
Ты будущихъ блаженствъ.

Хотя болѣзнь когда, хоть смерть мнѣ приразится,
Не преставай елей свой въ грудь мнѣ лить
И по послѣдній вздохъ въ умѣ твердиться,
Что въ гробъ иду не умирать, но жить,
Тѣхъ вѣчныхъ благъ вкушать, что въ небѣ приготовилъ
Богъ любящимъ Его.

1811.

XXIV. КЪ МЕРКУРІЮ[22].

Краснорѣчивый внукъ Атланта,
Меркурій, дикій нравъ смягчившій грубыхъ смертныхъ
И образъ давшій ихъ движенью тѣлъ красивый
По правиламъ палестры!

Тебя, боговъ и Дія вѣстникъ,
Пою, обрѣтшаго выпуклозвонку лиру,
Въ уловкахъ хитраго, искуснаго все въ шуткахъ
Похитить, скрыть, что хочешь.

Обманомъ нѣкогда изъ стада,
Бывъ юнъ еще, воловъ ты свелъ у Аполлона,
И онъ, коль не отдашь, грозилъ; но, стрѣлъ вмигъ въ тулѣ
Не взвидѣвъ,—разсмѣялся.

Ты щедраго въ пути Пріама
Былъ вождь, какъ онъ Пергамъ оставилъ и, сквозь стана
Прошедъ враговъ, избѣгнулъ лютыхъ стражей
Ѳессальскихъ и Атридовъ.

Вчиняя души благочестны
Въ селеньяхъ радости и, легкія ихъ стаи
Гоняя золотымъ жезломъ, ты всѣмъ пріятенъ
Богамъ небесъ и ада.

XXV. РИМСКОМУ НАРОДУ [23].

Куда, куда еще, мечи, едва вложенны
Въ ножны, вы обнажа, стремитесь, вновь ярясь?
Поля ль отъ васъ, моря ль не много обагренны,
И мало ль ваша кровь лилась?

Нѣтъ, нѣтъ!—не Римъ ему враждебный и надменный
Низвергъ и превратилъ въ персть пламемъ Карѳагенъ;
Ни вольный Бритовъ родъ, цѣпями отягченный,
Сквозь вратъ торжествъ веденный въ плѣнъ.

Такъ, такъ,—не отъ Парѳянъ, но собственной враждою
Своей, крамолою падетъ вашъ славный градъ.
Ни волкъ, ни левъ, какъ вы, съ столь яростію злою
Своихъ собратьевъ не губятъ.

Чтожъ за слѣпая месть, и что за вышня сила,
Иль грѣхъ какой стремитъ васъ?—Дайте мнѣ отвѣтъ.—
Но вы молчите!... Что? — вашъ блѣдность зракъ покрыла!
Иль молній ужаснулъ васъ свѣтъ?

Се строгій Рима рокъ, се злоба звѣровидна,
Какъ заглушаетъ вашъ братоубійствомъ гласъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ Ремова кровь пролита невинна,
Лежитъ проклятіе на васъ.

XXVI. ЭХО [24].

Касаюсь струнъ,—и громъ за громомъ
Отъ перстовъ съ арфы въ слухъ летитъ,
Шумитъ, бушуетъ доломъ, боромъ,
Въ мглѣ шепчетъ съ тишиной и спитъ;
Но вдругъ, отдавшися отъ холма
Возвратнымъ грохотаньемъ грома,
Гремитъ и удивляетъ міръ:
Такъ вѣкъ безсмертно эхо лиръ.

О мой Евгеній! коль Нарциссомъ
Тобой я чтусь,—скалой мнѣ будь,
И какъ покроюсь кипарисомъ,
О мнѣ твердить не позабудь.
Пусть лирой я, а ты трубою,
Играя, будемъ жить съ тобою,
На Волховѣ какъ чудный шумъ
Тьмой гуловъ удивляетъ умъ.

Увы! лишь въ свѣтѣ вспоминаньемъ
Безсмертенъ смертный человѣкъ:
Нарциссъ жилъ Нимфы отвѣчаньемъ,—
Чрезъ Музъ живутъ піиты ввѣкъ.
Пусть въ персть тѣла ихъ обратятся,
Но вновь изъ персти возродятся,
Какъ ожилъ Пиндаръ и Омиръ
Отъ Данта и Петрарка лиръ.

Такъ, знатна часть за гробомъ мрачнымъ
Останется еще отъ насъ,
А паче свиткомъ безпристрастнымъ
О комъ воскликнетъ Кліинъ гласъ.
Тогда и Өивовъ разоритель [a]
Той самой Званки былъ бы чтитель,
Гдѣ Фебъ бесѣдовалъ со мной.
Потомство воззвучитъ—съ тобой.

XXVII. НА ПРЕОДОЛѢНІЕ ВРАГА [25].

(Хоръ).

Воскликни Господу, вселенна!
Его святое имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой.
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны,
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины.

Весь міръ Творцу поетъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Приди и обозри, о смертный!
Непостижимы чудеса:
На чемъ стоятъ столпы несмѣтны,
Держащи землю, небеса;
Зри, обращалъ какъ Богъ понтъ въ сушу,
Какъ хлябь разверзъ, простеръ въ ней путь
И тамъ провелъ живую душу,
И вѣтръ не могъ никакъ гдѣ дуть!

(Хоръ).

Воскликни Господу, вселенна!
Его святое имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой.
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны.
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины.
Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Его всевидящее око
Сквозь безднъ всѣхъ звѣздъ на міръ сей зритъ,
Чтò низко въ немъ и чтò высоко,
Надъ вражеской гордыней бдитъ
И насъ ведетъ къ блаженной жизни,
Стопы склоняя на добро;
Чрезъ брань, бѣды и укоризны
Такъ чиститъ насъ, какъ огнь сребро.

(Хоръ).

Воскликни Господу, вселенна!
Его святое имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой.
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны.

Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины.
Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Хотя вводилъ Онъ насъ въ напасти
И посылалъ на насъ войны;
Но то Его былъ опытъ власти,
Чтобъ наши наказать вины.
Благословите жъ, всѣ языки,
Днесь Бога нашего, и вы,
Зря чудеса Его велики,
Хвалите, преклоня главы.

(Хоръ).

Воскликни Господу, вселенна!
Его святое имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой.
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны.
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины.
Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Придите въ храмъ нашъ и внимайте
Душъ славословія трубу;
Но не на жертвы вы взирайте,—
На искренню Творцу мольбу;
И ежели языкъ неправду
Какую нашъ въ сей часъ изрекъ,
Да удалитъ отъ насъ пощаду
И милость Онъ свою навѣкъ.

(Хоръ).

Воскликни Господу, вселенна!
Его святое имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой.

Рцы Богу, коль дѣла Его предивны.
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины.
Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

XXVIII. Къ Калліопѣ [26].

Сойди ко мнѣ съ небесъ, царица Калліопа!
И громкою трубой, иль нѣжнымъ звономъ струнъ
Отъ цитры Феба, иль, когда предпочитаешь
Ты голосъ свой всему,—воспой безсмертну пѣснь.

Уже мнѣ слышится, или я, обаяясь
Прелестною мечтой, брожу въ густой чащи
Священныхъ рощъ и шумъ прохладнаго зефира
И тихій внемлю токъ журчащаго ручья?

Такъ на горѣ Вультуръ, еще въ младенствѣ сущій,
За рубежомъ родной Апуліи моей,
Игрою утомленъ, въ снѣ сладкомъ осѣненный
Таинственно вѣтвьми я былъ отъ голубей.

Всѣмъ населяющимъ вершины Ахероній,
Навѣсисты скалы лѣсныхъ бантійскихъ дебрь
И тучны пажити долинъ низкофорентскихъ,
Казалось жителямъ то нѣкимъ чудомъ, что

Не уязвляемый ни отъ медвѣдей лютыхъ,
Ни черноядныхъ змѣй, подъ злачнымъ лавромъ я
И миртовой въ тѣни почилъ священной рощи.—
Не безъ покрова, знать, боговъ былъ отрокъ смѣлъ.

Меня, любящаго струи и ваши пѣсни,
Ни съ филиппинскихъ рать бѣжавшая полей,
Ни древо адское, ни волны Палинура
Не погубили морь сицильскихъ въ хлябяхъ ихъ.

Я вашъ, Камены, вашъ.—На холмы ли сабински,
Въ прохладный ли Пренестъ, въ пологій ли Тибуръ,
Или въ приморскіе вхожу вертепы байски,
Нигдѣ и ничего, бывъ съ вами, не страшусь.

Доколѣ вы со мной, пловцомъ пущусь охотно
Въ ярящійся Босфоръ, въ пески ливійски пѣшъ,
Британовъ къ странникамъ и Конокановъ свирѣпыхъ,
Піющихъ конску кровь, Донъ скиѳскій посѣщу.

Вы, подвигъ цезаря великаго окончить,
Какъ размышляетъ онъ въ пещерѣ Піэридъ,
И воинство свое шлетъ въ браняхъ утомленно
Во грады на покой, прохладой щедрите.

И днесь, блаженные ему совѣты, кротки
Вдохнувъ, ликуете.—Мы знаемъ, страшный громъ
Чей свергъ Титановъ полкъ; землей и моремъ бурнымъ
Кто правитъ, царствами и смертныхъ и боговъ.

Немалымъ ужасомъ Юпитера смутила
Самонадѣйная та буйна, юна рать,
Что силясь, мышцами подъявъ братосодружно,
Лѣсистый на Олимпъ вскатить вверхъ Пеліонъ.

Но что возмогъ Тифей?—что Мимъ ужасномочный?
Что съ грознымъ станомъ могъ гигантскимъ Порфирьенъ?
Что Ретъ и Энцеладъ, надменно съ корней рвавши
И въ бѣшенствѣ своемъ бросавши дерева?

Противъ эгида что гремящаго Паллады?
И пламенный Вулканъ, царица и небесъ
Стояла Гера гдѣ, и не слагающій вовѣкъ
Съ раменъ своихъ стрѣлогремящій свѣтлый тулъ,

И моющій власы разсыпанны, златые,
Струящися въ ключахъ кастальскихъ чистыхъ водъ
И въ отчихъ родшися витающій дубравахъ
Ликійскихъ, патернскій и дельфскій Аполлонъ?

Лишенна падаетъ благоразумья сила
Подъ бременемъ своимъ. Благоразумьемъ же
Мощь размѣряему возводятъ боги выше;
Но ненавистна имъ возставшая на нихъ.

Свидѣтель словъ моихъ да будетъ Гигъ сторукій
И непорочныя Діаны Оріонъ
Помысля на соблазнъ.—Онъ скоро укрощеннымъ
Сталъ въ дерзости своей дѣвической стрѣлой.

На собственныхъ своихъ низверженна чудовищъ
Земля, стоня, скорбитъ о чадахъ тѣхъ ея,
Что сдхнуты молніей во мрачны бездны ада,
И Этна, брошенна на нихъ, еще горитъ.

Нечестіе стрещи опредѣленна птица
Рвать невоздержнаго не престаетъ доднесь
Титія печени, и влюбчива связуютъ
Пиритоя еще трехъ-сотныхъ склепы узъ.

XXIX. КЪ МЕЦЕНАТУ [27].

Сабинскаго вина, простого,
Немного изъ большихъ кувшиновъ
Днесь выпьемъ у меня, Меценъ,
Что самъ, на греческихъ винъ гнѣзда
Наливъ, я засмолилъ въ тотъ день,

Когда, любезнѣйшій мой рыцарь,
Народъ тебя встрѣчалъ въ театрѣ
Со плескомъ рукъ,—и громъ отъ хвалъ
Твоихъ съ бреговъ родимыхъ Тибра
Звучалъ сверхъ ватиканскихъ горъ.

Ты у себя вино секубско
И сладки пьешь каленски соки;
Но у меня ихъ нѣтъ,—и гроздъ
Ни форміанскій, ни фалернскій
Моихъ не благовонитъ чашъ.

XXX. ЦАРЬ-ДѢВИЦА [28].

Царь жила-была Дѣвица,
Шепчетъ русска старина:
Будто солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна.

Очи свѣтлы голубыя,
Брови черныя дугой,
Огнь — уста, власы — златые,
Грудь—какъ лебедь бѣлизной.

Въ жилкахъ рукъ ея пуховыхъ,
Какъ эфиръ, струилась кровь;
Между розъ, зубовъ перловыхъ,
Усмѣхалася Любовь.

Родилась она въ сорочкѣ
Самой счастливой порой,
Ни въ полудни, ни въ полночкѣ, —
Алой, утренней зарей.

Кочетъ хлопалъ на нашестѣ
Крыльями, крича сто разъ:
Сѣверной звѣзды на свѣтѣ
Нѣтъ прекраснѣй, какъ у насъ.

Маковка злата церковна
Какъ горитъ средь красныхъ дней,
Такъ священная корона
Мило теплилась на ней,

И вливала чувство тайно
Съ страхомъ чтить ее—дивясь:
Къ ней придти необычайно
Было не перекрестясь.

На нее смотрѣть не смѣли
И великіе цари;

За рѣшеткою сидѣли
На часахъ богатыри.

И Полканы всюду чудны [a]
Домъ стрегли ея и тронъ;
Съ колоколенъ самогудный
Слышался и ночью звонъ.

Теремъ былъ ея украшенъ
Въ солнцахъ, въ мѣсяцахъ, въ звѣздахъ;
Отливались блески съ башенъ
Во осьми ея моряхъ [b].

Въ рощахъ злачныхъ, въ лукоморьѣ
Въявь гуляла и въ саду,
Лѣтомъ въ лодочкѣ на взморьѣ,
На санкахъ зимой по льду.

Конь подъ ней, какъ вихрь крутился,
Чувъ дѣвицу ѣздока;
Полкъ за нею нимфъ тащился
По слѣдамъ издалека.

Козъ и зайцевъ быстроногихъ
Страсть была ея гонять,
Гладить ланей златорогихъ
И деревъ подъ тѣнью спать.

Ей ни мошки не мѣшали,
Ни кузнечики дремать;
Тихо вѣтерки порхали,
Чтобъ ее лишь обвѣвать.

И по вѣткамъ птички райски,
Скакивалъ заморскій котъ,
Пѣли соловьи китайски
И жужукалъ водометъ.

Статно стоя, няньки, мамки
Одаль смѣли чуть дышать,

И бояръ къ ней спозаранки
Въ спальню съ дѣломъ допущать.

Съ ними такъ она вѣщала,
Какъ изъ облакъ божество;
Лежа царствомъ управляла,
Ихъ журя за шаловство.

Иногда же и тазала
Не однимъ ужъ язычкомъ:
Если больно разсерчала,
То—по кудрямъ башмачкомъ.

Всѣ они Царя-дѣвицы
Такъ боялись, какъ огня,
Крыли, прятали ихъ лицы
Отъ малѣйшаго пятна.

И безъ памяти любили,
Что безхитростна была;
Ей неправдъ не говорили,
Что сама имъ не лгала.

Шила ризы золотыя,
Сплошь низала жемчугомъ.
Маслила брады сѣдыя
И не ссорилась съ умомъ.

Жить давала всѣмъ въ раздольѣ,
Плавали какъ въ маслѣ сыръ;
Ѣздила на богомолье,—
Божествомъ ее всякъ чтилъ.

Всѣ поля ея златились
И шумѣли подъ серпомъ,
Тучныя стада водились,
Горы капали сребромъ.

Слава добраго правленья
Разливалась всюду въ свѣтъ;

Всѣ кричали съ восхищенья,
Что ея мудрѣе нѣтъ.

Стиходѣи ту жъ бряцали
И на гусляхъ милу ложь;
Въ царствахъ иншихъ повторяли
О Царѣ-дѣвицѣ тожъ.

И отъ этого-то грому
Поднялись къ ней женихи
Вереницей къ ея дому,
Какъ фазаньи пѣтухи.

Царствъ за тридевять мудруя,
Вымышляли, какъ хвалить;
Вздохами любовь толкуя.
Къ ней боялись подступить.

На слонахъ и на верблюдахъ
Ханъ иной дары ей шлетъ,
Подъ ковромъ на хинскихъ блюдахъ,
Камень съ гору самосвѣтъ.

Тотъ эдемскаго индея,
Гребень—звѣздъ на немъ наростъ,
Пурпуръ—крылья, яхонтъ—шея,
Изумрудный—зобъ и хвостъ.

Колпицъ алы черевички
Несъ—съ бандорой тотъ плясать,
Горлицъ нѣжныя яички—
Нѣжно пѣть и воздыхать.

Но она имъ не склонялась:
Набожна была чрезъ-чуръ;
Только въ шуткахъ забавлялась,
Напущая на нихъ дурь.

Иль велѣла имъ трудиться:
Яблокъ райскихъ ей искать,

Хохликъ солнцевъ, чтобъ свѣтиться
Въ тьмѣ, вѣкъ младостью блистать.

Но они понадорвали
Свой животъ и стали въ пень;
Что искали, не сыскали
И исчезли будто тѣнь.

Тутъ, откуда ни явился
Царь, царевичъ, или круль,
Ни людямъ не поклонился,
Ни на Спаса не взглянулъ.

По бедру коня хлестъ задню
И въ тотъ мигъ невидимъ сталъ,—
Шасть къ Царю-дѣвицѣ въ спальню
И ее поцѣловалъ,

Хоронилася платочкомъ
И ворчала хоть въ сердцахъ;
Но какъ вслѣдъ его окошкомъ
Хлопнула,—вскричала: ахъ!

Конь къ тому жъ въ пути обратномъ
Тронулъ сѣть садовыхъ струнъ:
Градъ позналъ въ семъ звукѣ страшномъ,
Что былъ дерзокъ Маркобрунъ [d].

Вотъ и всталъ дымъ коромысломъ
Отъ маяковъ по горамъ;
Въ мрачномъ воздухѣ, нависломъ
Ревъ завылъ и по церквамъ.

Кличъ прокликали въ столицѣ,
И гонцы всѣмъ дали вѣсть,
Чтобъ скакать къ Царю-дѣвицѣ
И, служа ей,—мстить за честь.

Заскрипѣли двери ржавы
Оружейницъ древнихъ лѣтъ,

Воспрянули мужи славы
И среди пустынныхъ мѣстъ.

Правятъ снасти боевыя
И булатъ и сталь острятъ;
Старые орлы, сѣдые
Съ соколами въ бой летятъ.

И свирѣпы кони въ стойлахъ
Топаютъ, храпятъ и ржутъ,
На холмахъ и на раздольяхъ
Пыль вздымаютъ, пѣну льютъ.

Въ слухъ пищали стѣнобойны,
Растворя чугунны рты,
Воютъ въ часъ полночный, сонный,
Чтобъ скорѣй въ походъ идти.

Идетъ въ шкурахъ рать звѣриныхъ,
Съ дубомъ, съ пращей, съ кистенемъ,
Въ перьяхъ птичьихъ, въ кожахъ рыбныхъ,
И какъ холмъ течетъ чрезъ холмъ.

Занимаетъ степи, луги
И насадами моря,
И кричитъ: помремте, други,
За Дѣвицу и Царя!

Не плѣнила златомъ, сбойствомъ
Насъ она, ни серебромъ,
Но лишь дѣвичьимъ геройствомъ,
Здравымъ и простымъ умомъ.

И такъ сими вождь рѣчами
Взбудоражилъ войновъ духъ,
Что, поднявъ бугры плечами,
Растрепали круля въ пухъ.

И еще въ его бы царствѣ

Только разъ одинъ шагнуть,
Свѣта бъ не было въ пространствѣ,
Чѣмъ его и вспомянуть.

Кровь народа Маркобруна
Уподобилась рѣкѣ;
Онъ дрожалъ ея перуна
И въ своемъ ужъ чердакѣ.

Но какъ онъ Царя-дѣвицы
Нѣжный нравъ довольно зналъ,—
Сталъ пастухъ – и гласъ цѣвницы
Часто ей своей внушалъ.

„Виноватъ“, пѣлъ, „предъ тобою,
„Что прекрасна ты, мила.
„Сердце тронь мое рукою.“
—Сядь со мной!— она рекла...

Такъ и всѣ красотки славны
Дерзостей не могутъ несть;
Всѣ бываютъ своенравны,
Любятъ жены, дѣвы честь.

XXXI. НА МЕЧЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПСКОВСКАГО ГАВРІИЛА [29].

НА КОТОРОМЪ ЗОЛОТОМЪ НАСѢЧЕНО:

Honorem meum nemini dabo.

Се страшный князя мечъ псковскаго, Гавріила.
Съ нимъ чести никому своей не отдалъ онъ:
Да снидетъ отъ него на Александра сила,
И съ срамомъ побѣжитъ отъ насъ Наполеонъ!

XXXII. КЪ ПОРТРЕТУ ГРАФА ВИТГЕНШТЕЙНА [30].

Петрополю грозилъ въ Наполеонѣ пламень,
Иль разъяренный понтъ свирѣпостію волнъ.
Но кто его скала былъ, ограждавшій камень?
Онъ!

XXXIII. НА ПАРЕНІЕ ОРЛА [31].

Воанергесъ! Орелъ, сынъ грома!
Не ты ль на высотахъ паришь
И сновъ святыхъ патмосска холма
Видѣнья бытіемъ рѣшишь?
О, нѣтъ! – судебъ проречь не смѣя,
Что агнецъ одолѣетъ змѣя,
Въ тебѣ я зрю лишь духъ Петровъ.
Такъ,—онъ надъ росскимъ войскомъ вьется.
Имъ громъ и лавръ вождю несется.
Се знакъ: —мы побѣдимъ враговъ.

Мужайся, бодрствуй, князь Кутузовъ!
Коль надъ тобой былъ зримъ орелъ,—
Ты вѣрно побѣдишь Французовъ
И, Россовъ защитя предѣлъ,
Спасешь отъ узъ и всю вселенну.
Толь славой участь озаренну
Давно тебѣ судилъ самъ рокъ:
Смерть сквозь главу твою промчалась [a],
Но жизнь твоя цѣла осталась.
На подвигъ сей тебя блюлъ Богъ!

Въ покровъ Его предавшись сильный,
Тебѣ что можетъ Люциферъ?
Ты шелъ,—и пройдешь чрезъ ехидны,—
Овномъ сбодется лютый звѣрь.
Нога наступитъ Александра
На жруща пламемъ Саламандра.

Стратигъ ты молньи, Михаилъ!
Ты подъ своимъ зря руководствомъ
Рать, тверду духа превосходствомъ,
Сдхнешь Галловъ тьмы,—съ тобой Богъ силъ!

XXXIV. ГИМНЪ ЛИРО-ЭПИЧЕСКІЙ.

НА ПРОГНАНІЕ ФРАНЦУЗОВЪ ИЗЪ ОТЕЧЕСТВА [32]

Посвященъ во славу всемогущаго Бога, великаго государя, вѣрнаго народа, мудраго вождя и храбраго воинства россійскаго.

Благословенъ Господь нашъ, Богъ,
На брань десницы ополчивый
И подъ стопы намъ подклонивый
Враговъ надменныхъ дерзкій рогъ.
Возстань, тимпанница царева,
Священно-вдохновенна дѣва [a]!
И, гусли взявъ въ багряну длань,
Брось персты по струнамъ—и грянь,
И пой побѣды звучнымъ тономъ
Царя Славянъ надъ Авадономъ [b].

Что жъ въ сердцѣ чувствую тоску
И грусть въ душѣ моей смертельну?
Разрушенну и обагренну
Подъ пепломъ въ дымѣ зрю Москву.
О страхъ! о скорбь! Но свѣтъ съ эмпира
Объялъ мой духъ,—отблещетъ лира:
Восторгъ плѣнитъ, живитъ, бодритъ
И тлѣнъ земный забыть велитъ.
„Пой“!—міръ гласитъ мнѣ горній, дольній—
„И оправдай судьбы Господни“.

Открылась тайнъ священныхъ дверь!
Исшелъ изъ безднъ огромный звѣрь,
Драконъ, иль демонъ зміевидный;
Вокругъ его ехидны

Со крыльевъ смерть и смрадъ трясутъ,
Рогами солнце прутъ;
Отенетяя вкругъ всю ошибами сферу,
Горящу въ воздухъ прыщутъ сѣру,
Холмятъ дыханьемъ понтъ,
Льютъ ночь на горизонтъ
И движутъ ось всея вселенны,
Бѣгутъ всѣ смертные смятенны
Отъ князя тьмы и крокодильныхъ стадъ.
Они ревутъ, свистятъ и всѣхъ страшатъ;
А только агнецъ бѣлорунный,
Смиренный, кроткій, но челоперунный,
Возсталъ на Сѣверѣ одинъ,—
Исчезъ змѣй-исполинъ!

Что се? Стихіевъ ли борьба?
Брань съ свѣтомъ тьмы? добра со злобой?
Иль такъ рожденныя утробой
Коварствъ, крамола, лесть, татьба
Въ адъ сверглись громомъ съ княземъ бездны.
Которымъ трепеталъ сводъ звѣздный,
Лишались солнцы ихъ лучей?
Отъ пламенныхъ его очей
Багрѣли горы, рдѣло море,
И слѣдъ его былъ плачъ, стонъ, горе!

Иль Галлъ, творецъ то злыхъ чудесъ,
Похитившій у вѣтра крылы,
У доблести, у вѣры силы,
Скиптръ у царей, громъ у небесъ,
У правосудія законы?
Убивъ народовъ милліоны,
Изгнавъ къ отечеству любовь,
Растлилъ всѣхъ духъ, оподлилъ кровь,
Ставъ хищна рабъ Наполеона,—
Возмнилъ быть царь вселенной трона?

Такъ—онъ, то Галлъ съ своимъ вождемъ:
Навергнувъ на царей яремъ

И всю почти плѣня Европу,
Далъ страшному Атропу [c]
Неразъ ея же кровью пиръ;
Прервалъ звукъ нѣжныхъ лиръ,
Пресѣкъ спокойствіе, торги, трудъ сельскій мирный
И, въ блескъ разбойника порфирный
Одѣвъ, возвелъ на тронъ,—
То былъ Наполеонъ.
Онъ вѣтви ссѣкъ лилей несчастныхъ
И, въ замыслахъ своихъ ужасныхъ
Превозносясь, какъ нѣкій дивій Гогъ [d],
Въ гордынѣ мнилъ, что все творить возмогъ.
Но, на спокойну зря Россію,
Что передъ нимъ одна не клонитъ выю,
Вспылалъ, простеръ завистну длань—
И дхнулъ изъ зѣва брань.

Уже, какъ смрадныхъ тучи пругъ,
Его летящи легіоны
Затмили свѣтъ, иль быстры волны
Какъ рѣкъ пяти шумящихъ вдругъ
Чрезъ Нѣманъ прорвались преградный.
Самъ онъ, какъ тигръ на трупы гладный,
Предспѣющій своей молвѣ,
Шагнулъ къ Днѣпру, шагнулъ къ Москвѣ.
Кровавы вслѣдъ моря струились
И заревы по небу рдились.

Въ стремленьи быстръ, въ бою жестокъ,
Уже своей побѣдой дмился,
Что мы (съ насмѣшкою хвалился)
Бѣжимъ его и праха ногъ;
Что быстрый полкъ его орлиный
На домъ Петра, Екатерины
Возсядетъ скоро средь столицъ
И вкуситъ онъ отъ царскихъ лицъ,
По жатвѣ звучной, громкой славы,
Въ Петрополѣ, въ Москвѣ забавы [e].

Уже блаженствъ своихъ съ одра
Россія внемлетъ гласъ царя,
Зовущаго на ополченье.
О радостно видѣнье!
Такъ Май, блестя своимъ лицомъ,
Сквозь тучъ чрезъ тихій громъ
Скликаетъ сонмъ съ полей, съ лѣсовъ къ себѣ пернатый.
Различно племя, въ разны латы
Облекшись, россkій родъ
Какъ исполинъ встаетъ;
Идетъ не брань единодушно,
Монарху своему послушно.
За тронъ его, за вѣру умереть.
Нигдѣ сей ревности подобной нѣтъ!
И старцы, дѣти, жены, дѣвы,
Богатства всѣ свои въ сокровища царевы
Отдавъ, идутъ въ Господень храмъ
Взнесть душъ ихъ ѳиміамъ.

Держай твердь, море, землю, адъ
И равновѣсье межъ мірами;
Дышай зефирами, громами
И все въ единъ вмѣщаяй взглядъ,
Воззрѣвъ на лесть Наполеона,
На святость Александра трона,
Въ нощь темныхъ тучь себя облекъ
И тихимъ гуломъ грома рекъ:
„Полна нечестья Галловъ мѣра,
Спасаетъ Россовъ тепла вѣра!“

И бысть.—Молебныхъ капля слезъ,
Упадши въ чашу правосудья,
Всей стратегистики орудья [f],
Какъ прахъ, взметнула до небесъ.
Раздвиглись Чермна Моря волны,
И Фараонъ, гордыней полный,
Ступилъ въ невлажный понтъ ногой.

Морскихъ звѣрей, чудовищъ строй
Хотя сей дерзости глумились,
Но будто бы боясь—странились,

И отверзали сами путь;
А онъ, чтобъ паче страхъ вдохнуть,
Со всадники, со колесницы,
Какъ бы закрывъ зѣницы,
Безстрашно вшелъ во сердце водъ
И гналъ Іаковль родъ,
Избранный искони и ввѣкъ хранимый Богомъ.
Тѣсня его поспѣшнымъ ходомъ;
Но Богъ воззрѣлъ на Нордъ:
Слился двухолмный понтъ—
И съ шумомъ поглотилъ тирана.
Слѣдъ сталъ его лишь влага слана;
Лишь выплывалъ тамъ щитъ, тамъ тулъ, тамъ бронь,
Тамъ съ всадникомъ выказывался конь,
Блестѣла чуть въ зыбяхъ порфира.
Не честолюбья ли то образъ міра
И гибели надменныхъ силъ?
Се Богъ какъ ихъ казнилъ!

Но ужасъ духъ еще объялъ!
Царь Сиріи, властитель міра,
Явя въ себѣ торжествъ кумира,
Безумнымъ вдругъ животнымъ сталъ,
И на стѣнѣ предъ всѣхъ очами
Писала длань огня чертами,
Что скоро власть царя пройдетъ,
Который правды не блюдетъ.
Всевышній управляетъ царства,
Даетъ, отъемлетъ за коварства.

Не видимъ ли и въ наши дни
Мы сихъ чудесъ въ Наполеонѣ?
На зыблемомъ возсѣдши тронѣ,
Не возлюбилъ онъ тишины,

Но, злобу злобами умножа,
Спокойны царства востревожа,
Во храмы запустѣнье внесъ,
Святыхъ не пощадилъ тѣлесъ,
Полъ нѣжный, посрамленный,
Заставилъ втайнѣ лить токъ слезный,—

И Богъ сорвалъ съ него свой лучъ:
Тогда средь бурныхъ, мрачныхъ тучъ
Неистовой своей гордыни,
И домы благостыни
Смердя своими надписьми,
А алтари коньми
Онъ поругалъ.—Тутъ всѣ въ немъ чувства закричали,
Огнями надписи вспылали,
Изслали храмы стонъ—
И обезумѣлъ онъ.
Симъ предузнавъ свое онъ горе,
Что царство пройдетъ его вскорѣ,
Не могъ уже въ Москвѣ своихъ снесть золъ,
Рѣшился убѣжать, зажегъ, ушелъ;—
Вторымъ ставъ Навходоносоромъ,
Кровавы угли вкругъ бросая взоромъ,
Лилъ пѣну съ челюстей какъ вепрь.
И ринулся въ мракъ дебрь.

Но, Муза! таинственный глаголъ
Оставь,—и возгреми трубою,
Какъ твердой грудью и душою
Россъ ополчась на Галла шелъ;
Какъ Западъ съ Сѣверомъ сражался,
И громъ о громы ударялся,
И молньи съ молньями сѣклись,
И небо и земля тряслись
На Бородинскомъ полѣ страшномъ,
На Малоярославскомъ, Красномъ.

Тамъ штыкъ съ штыкомъ, рой съ роемъ пуль,
Ядро съ ядромъ и бомба съ бомбой,
Жужжа, свища, сшибались съ злобой,
И мечъ, о мечъ, звуча, слалъ гулъ;
Тамъ всадники какъ вихри бурны,
Темнили пылью сводъ лазурный;
Тамъ блѣдна Смерть съ косой въ рукахъ,
Скрежещуща, въ единый махъ
Полки, какъ класы, посѣкала
И трупы по полкамъ бросала;
Тамъ рвали другъ у друга громъ,
Осмь кратъ спирали градъ челомъ
И царство поборали царствомъ,
Зла генія коварствомъ,
Который такъ, какъ жгущій Эвръ [g],
Смотря на древній кедръ,
Стоящій на челѣ святой горы Синайской,
Всѣхъ прохлаждавшій тѣнью райской,
Преклоншимся лицомъ
Надъ осмь морей стекломъ,
Простертъ бывъ на полсвѣтѣ корнемъ,
Цвѣлъ въ покровительствѣ Господнемъ;
Но Эвръ его давно сносить не могъ;
Рѣшился съ высоты низринуть въ логъ:
Напалъ, иглъ нѣсколько сшибъ зѣвомъ,
Но стебля сбить не могъ всѣхъ силъ набѣгомъ.
Вздохнулъ впервый на неуспѣхъ
И съ срамомъ вспять побѣгъ.

Бѣжитъ,—и пламеннымъ мечемъ
Его въ тылъ Ангелъ погоняетъ,
Отвсюду ужасомъ смущаетъ,
Слѣдъ сѣетъ огненнымъ дождемъ.
Встревоженный, взъяренный, блѣдный,
Онъ съ трескомъ въ воздухъ мещетъ стѣны,
Съ кремлевскаго ихъ рвавъ холма;
Съ чела его въ мракъ искръ косма,

Сквозь дыма сыплясь, какъ комета,
Окровавляла твердь полсвѣта.

Бѣжитъ,—и нѣсколько полковъ,
Летящихъ воздуха волнами,
Онъ видитъ тѣней предъ очами
Святыхъ и нашихъ праотцовъ,
Которы въ звѣздномъ челъ убранствѣ,
Безмѣрной высоты въ пространствѣ,
Какъ воющей погоды стонъ,
„Наполеонъ! Наполеонъ!"
Ліютъ въ слухъ жалобы: „изъ злости
Ты наши двигалъ прахъ и кости!"

Бѣжитъ,—и зритъ себя вокругъ
Онъ тысячи невинныхъ вдругъ,
Замученныхъ и убіенныхъ,
Имъ не запечатлѣнныхъ ь,
Что полумертвымъ взоромъ зрятъ,
Съ устъ посинѣлыхъ хладъ
Дыхавъ, со всѣхъ сторонъ кричатъ ему съ укорой:
„Ты, ты предвременной и скорой
Насъ смертію посѣкъ,
Когда на брани текъ.
И се,—наполненну слезами
Семействъ и нашими кровями,
Обвиту жалами шипящихъ змѣй,
Ту чашу смертну, въ жизни что своей
Ты наполнялъ безпрестанно,
Желалъ и требовалъ несыто, жадно
Еще, еще себѣ кровей,
Прими типееь и пей!"—

Бѣжитъ,—себя самъ упреждавъ,
За скорыми его шагами
Лишь поспѣваетъ Смерть прыжками,
Тѣлъ груды по странамъ бросавъ;
Тамъ мѣдные лежатъ драконы,

На кони наваленны кони
И колесницы другъ на другѣ.
Великаго здѣсь вождя духъ,
Искусство, смѣльство видно бранно,
Что онъ бѣжитъ лишь безпрестанно!

Бѣжитъ, — хотя и жажды полнъ
Къ сокровищамъ неоцѣненнымъ,
Въ чертогахъ, въ храмахъ похищеннымъ;
Но ихъ и всѣхъ кидаетъ онъ
Друзей, больныхъ безъ сожалѣнья.
Сей геній — ищетъ лишь спасенья!
Его страшитъ и вѣтровъ свистъ,
И скрипъ деревъ, и падшій листъ,
Въ сердечныхъ отзываясь нѣдрахъ,
Какъ страшный громъ во мрачныхъ дебряхъ.

Бѣжитъ, — и самъ себя внутрь рветъ,
Что сильно Россъ его женетъ;
Но кажетъ, будто бы безстрашно
Онъ шествуетъ обратно.
Такъ волкъ въ лѣса бѣжитъ назадъ,
Бывъ прогнанный отъ стадъ,
Оставя добычу, и рыщетъ хоть скачками,
Но, взадъ озрясь, стуча зубами,
Огнь сыплетъ изъ очей;
Иль аспидъ, лютый змѣй,
Бѣжитъ такъ съ поль, коль Сѣверъ дуетъ
И Афра за собою чуетъ:
То вверхъ главу, то внизъ клоня, ползетъ,
Шипитъ, крутитъ хребетъ, хвостъ въ кольца вьетъ;
И сколько змѣй сей ни ужасенъ,
Но поползокъ его тѣмъ паче страшенъ,
Что дымъ струится въ немъ и смрадъ,
А воздухъ дышитъ ядъ!

Бѣжитъ, — и видитъ наконецъ,
Что за его всѣ злодѣянья

Готовитъ небо наказанья,
И падаетъ съ него вѣнецъ;
Что, ставъ предъ собственнымъ ужъ взоромъ
Кладбищнымъ рать его позоромъ,
Отъ глада, ранъ и мраза мретъ:
О ужасъ! Галлъ здѣсь Галла жретъ!
Но съ сердцемъ Бонапартъ желѣзнымъ
И симъ смѣется бѣдствамъ слезнымъ!

Бѣжитъ,—но сорока двухъ лунъ
Ужъ данный срокъ на возвышенье,
Еще пяти—на оскверненье
Ему прошелъ; уже перунъ
Предвѣчнаго виситъ закона
Поверхъ главы Наполеона:
Еще немного—онъ падетъ,
И сонмъ тѣхъ царствъ, что съ нимъ идетъ.
Вдругъ на него весь обратится;
Содомъ, Гоморъ съ нимъ вспепелится.

О, такъ! таинственныхъ числъ звѣрь [i],
Въ плоти седмьглавый Люциферъ,
О десяти рогахъ вѣнчанный [k],
Дни кончитъ смрадны.
Сей мнимый геній, царь царей,
Падетъ злый вождь вождей.
Судьбы небесныя издревле непреложны:
Враги Христовы суть ничтожны.
Отъ нихъ намъ вѣра—щитъ;
Онъ праведныхъ хранитъ.
Кто жъ щитъ даетъ сей царствъ въ отпору?
Царь, не причастный Вельфегору [l].
Такъ! Александровъ гласъ нашъ духъ вознесъ:
Прибѣгъ онъ въ храмъ—и сталъ безстрашнымъ Россъ.
Упала демонская сила
Рукой избранна князя Михаила.
Сей мужъ лишь Гога могъ потрясть,
Россію вѣрой спасть.

Какая честь изъ рода въ родъ
Россіи, слава незабвенна,
Что ей избавленна вселенна
Отъ новыхъ Тамерлана ордъ!
Цари Европы и народы!
Какъ бурны вы стремились воды,
Чтобъ поглотить край Росса весь;
Но, буйные! гдѣ сами днесь?
Почто вы сняща льва будили.
Чтобы узналъ свои онъ силы?

Почто вмѣщались въ сонмъ вы злыхъ
И, съ нами разорвавъ союзы,
Грабителямъ поверглись въ узы
И сами укрѣпили ихъ?
Гдѣ царственны, народны правы?
Гдѣ, гдѣ германски честны нравы?
Друзья мы были вамъ всегда,
За васъ сражались иногда;
Но вы, забывъ и клятвы святы,
Ползли грызть тайно наши пяты.

О новый Вавилонъ, Парижъ!
О градъ мятежничьихъ жилищъ,
Гдѣ Бога нѣтъ, окромѣ злата,
Соблазновъ и разврата;
Гдѣ самолюбью на алтарь
Все, все приносятъ въ даръ!
Бывъ чуждыхъ царствъ несытъ, ты шелъ съ Наполеономъ,
Неизмѣримымъ небосклономъ
Россіи повратить,
Полсвѣта огорстить.
Хоть прелестей твоихъ уставы
Давно ужъ чли вѣнцомъ мы славы;
Но, не довольствуясь слѣпить умомъ,
Ты мнилъ попрать насъ и мечемъ,
Забывъ, что сѣверныя силы [m]

Всегда на Западъ ужасъ наносили;
Гдѣ жъ мамелюкъ твой, гдѣ элитъ?
О вѣчный Сенѣ стыдъ!

Такъ, дерзка Франція! и вы,
Съ ней шедшія на насъ державы!
Не страшенъ намъ вашъ ковъ коварный,
Коль члены мы одной главы.
Отъ хижинъ, церкви до престола
И дѣти всѣ до нѣжна пола
Суть царски витязи у насъ.
Вы сами видѣли не разъ,
Какъ велъ отецъ дѣтей ко брани [n],
Какъ сами шли безстрашно къ казни [o].

А ваша гдѣ надменность словъ
И похвальбы Наполеона,
Что къ обладанью росска трона
Не мечъ онъ несъ, а пукъ оковъ?
Гдѣ на монетѣ, имъ тисненной [p],
Тотъ царь Москвы, тотъ царь вселенной,
Кто произнесъ толь дерзку рѣчь,
Что онъ, поколь наверхъ свой мечъ
Петрова не положитъ гроба,
Не дасъ покою намъ?... О злоба!

Но духъ Петровъ, сквозь звѣздну мглу
Съ улыбкой внявъ сію хулу,
Геройской кротости въ незлобьи
Вспарилъ орла въ подобьи,—
И грянулъ бородинскій громъ.
Съ тѣхъ поръ Наполеонъ
Упалъ въ душѣ своей, какъ духъ Сатанаила;
Что древле молньей Михаила
Палъ въ озеро огня
И тамъ, стеня,
Мертвъ въ помыслахъ лежитъ ужасныхъ

Подъ ревомъ волнъ, искръ смрадныхъ, страшныхъ.
А если онъ когда еще и живъ,
То только тѣмъ, что, взоры искосивъ
На Сѣверъ съ зависти и злости,
Грызетъ свои, бѣснуясь, ссохши кости,
На славу Александра зря,
Всѣмъ милаго царя.

Лежитъ!—о радость! о восторгъ!
Кавказъ и Тавръ встаютъ мнѣ выше,
Евксинъ и Бельтъ шумятъ мнѣ тише:
Мы побѣдили,—съ нами Богъ!
Вселенна знай и всѣ языки,
Коль благъ Богъ въ браняхъ намъ великій!
Внемли, врагъ скрытый, намъ хвалу;
Гладь, змѣй, языкъ свой о пилу;
Кричи, что рейнски страшны силы;—
Ихъ съ Нѣмана по Обь могилы!

Такъ, щитъ намъ Богъ; мы страшны Имъ,
Его мы волей торжествуемъ,
Ему побѣды вописуемъ,
Имъ Русскій Царь непобѣдимъ,—
Будь одного Его держава!
Славянъ всегда наслѣдье—слава.
Не блещутъ доблести безъ бѣдъ,
И превосходствъ нѣтъ безъ побѣдъ.
Богъ посѣтилъ насъ,—Богъ прославилъ.
Всѣхъ выше царствъ земныхъ поставилъ.

Хвала Ему! хвала, Творецъ,
Тебѣ! изъ глубины сердецъ
Благодареніе приносимъ;
Молебны чувства взносимъ
Тебѣ въ пространны небеса
За явны чудеса,
Которыми Ты насъ возвысилъ непостижно,

Изъ всѣхъ земныхъ державъ такъ дивно,
Что честью превознесъ
И славой до небесъ:
Отечество мы оградили,
Царя и вѣру защитили
Отъ угрожавшихъ рабственныхъ оковъ;
Не зря на лесть и на соблазъ даровъ,
На ужасы и самой смерти,
Галлъ не возмогъ насъ предъ собой простерти;
И симъ ужаснымъ бѣдствомъ Россъ
Еще превыше взросъ.

О Россъ, о доблественный народъ,
Единственный, великодушный,
Великій, сильный, славой звучный,
Изящностью своихъ добротъ!
По мышцамъ ты неутомимый,
По духу ты неподимый,
По сердцу простъ, по чувству добръ,
Ты въ счастьи тихъ, въ несчастьи добръ,
Царю радушенъ, благороденъ,
Въ терпѣньи лишь себѣ подобенъ.

Красуйся жъ и ликуй, герой,
Что въ нынѣшнемъ ты страшномъ бѣдствѣ
Въ себѣ и всемъ твоемъ наслѣдствѣ
Далъ свѣту духъ твой знать прямой!
Лобзайте, родши, чадъ,— ихъ, чада,
Что въ васъ отечеству ограда
Была взаимна отъ враговъ;
Цѣлуйте, дѣвы, жениховъ,
Мужей, супруги, сестры, братья,
Что былъ всякъ твердъ среди несчастья.

И вы, Гесперья, Альбіонъ,
Внемлите: палъ Наполеонъ!
Безъ насъ вы рано или поздно,

Но понесли бы грозно,
Какъ всѣ несутъ, его ярмо, —
Ужъ близилось оно;
Но мы, какъ холмы, бывъ внутрь жупломъ наполненны,
На насъ налегшій облакъ черный
Сдержавъ на раменахъ,
Огнь дхнули,—палъ онъ въ прахъ.
Съ гиганта ребръ въ Версальи трески,
А съ нашихъ рукъ вамъ слышны плески:
То въ общемъ, славномъ торжествѣ такомъ
Не должны ли и общихъ хвалъ вѣнцомъ
Мы чтить героевъ превосходныхъ,
Душою Россовъ твердыхъ, благородныхъ?
О, какъ мнѣ милъ ихъ взоръ, ихъ слухъ!
Плѣненъ мой ими духъ!

И се, какъ въявѣ вижу сонъ,
Ношуся внѣ предѣловъ міра,
Гдѣ въ голубыхъ поляхъ эѳира
Витаетъ вождей россихъ сонмъ.
Межъ ими тамъ съ бесѣдѣ райской
Рымникскій, Таврскій, Задунайскій
Между собою говорятъ:
„О, какъ вѣнецъ свѣтлѣй стократъ,
Что данъ не царствъ за расширенье,
А за отечества спасенье!

„Мамай, Желковскій, Карлъ путь святъ
Къ безсмертью подали прямому
Петру, Пожарскому, Донскому;—
Кутузову днесь—Бонапартъ.
Доколь Москва, Непрядва и Полтава
Течь будутъ, ихъ не умретъ слава.
Какъ воинъ, что въ бою не палъ,
Еще хвалъ вѣчныхъ не стяжалъ;
Такъ громокъ странъ пусть покоритель,
Но лишь великъ ихъ, святъ спаситель“.

Поправдѣ, вѣчности лучей
Достойны войны нашихъ дней.
Смоленскій князь, вождь дальновидный,
Не зря на толкъ обидный,
Великій умъ въ себѣ являлъ,
Безъ крови поражалъ
И въ бранной хитрости противника, безъ лести,
Превысилъ Фабія онъ въ чести.
Витгейнштейнъ легче бить
Умѣлъ, чѣмъ отходить
Средь самыхъ пылкихъ, бранныхъ споровъ,
Бывъ смѣлъ какъ левъ, быстръ какъ Суворовъ.
Вождь не предзримый, громъ какъ съ облаковъ,
Слеталъ на вражій станъ, на тылъ —Платовъ.
Но какъ исчислить всѣхъ героевъ,
Живыхъ и падшихъ съ славою средь боевъ?
Почтимъ Багратіоновъ прахъ,—
Онъ живъ у насъ въ сердцахъ!

Се бранныхъ подвиговъ вѣнецъ!
И разность межъ Багратіономъ
По смерти въ чемъ съ Наполеономъ?
Не въ чувствѣ ль праведныхъ сердецъ?
Для нихъ не больше ль знаменитый
Слезой, чѣмъ клятвами покрытый?
Такъ! мѣрилъ мѣрой кто какой,
И самъ возмѣренъ будетъ той.
Намъ правда Божія явила,
Какъ Галловъ казнь постигла.

О полный чудесами вѣкъ!
О міра колесо превратно!
Давно ль страшилище ужасно
На насъ со всей Европой текъ?
Но гдѣ днесь добычи богаты?
Гдѣ мудрые вожди, тристаты?
Гдѣ побѣдитель въ торжествахъ?

Гдѣ геній, блещущій въ лучахъ?
Не здѣсь ли имъ урокъ въ ученье,
Чтобъ царствъ не льститься на хищенье?

О, такъ! блаженство смертныхъ въ томъ,
Чтобъ дѣйствовать всегда во всемъ
Лишь съ справедливостью согласно,
Такъ мыслить безпристрастно,
Что мы чего себѣ хотимъ,
Того желать другимъ.
Судьбы Всевышняго, отнявъ скипртъ у Бурбоновъ,
По чертежу своихъ законовъ
Взявъ червя изъ червей,
Въ санъ облекли царей.
Долгъ былъ его,—къ чему былъ званный;
Но онъ, нечестьемъ обуянный,
Дерзнулъ Господню волю пренебречь,
Не стерть токъ слезъ, судъ правый не изречь
И быть отрекся миролюбнымъ,
Великимъ; но склоня свой слухъ ко трубнымъ
Онъ гласамъ, мнилъ быть и судьбѣ
Царь, Богъ,—и се не бѣ!

Не бѣ.—Но ты, монархъ, блистай
Твоей небесной красотою;
Владѣй, плѣняй и успѣвай
Лукъ наляцать твой крѣпкій, сильный,
Чрезъ всѣ твои страны обширны
Ко ужасу твоихъ враговъ,
И грозный строй твоихъ полковъ,
Какъ туча молньями чревата,
Кругомъ возляжетъ царства свята.

Югъ, Западъ, Сѣверъ и Востокъ
Подъ твой покровъ прострутъ ихъ длани,
Уйдетъ вражда, умолкнутъ брани,
Въ пшеницѣ не взрастетъ порокъ;
Цари придутъ къ тебѣ на сонмы,

Чтобъ миромъ умирить ихъ громы,
И скромну власть твою почтутъ;
Обыметъ совѣсть правый судъ;
Всѣмъ чувство въ грудь вольется ново,
И Царство снидетъ къ намъ Христово.

Печалью мрачныя главы
Лучемъ возблещутъ вновь Москвы,
Вновь внидетъ благолѣпье въ храмы,
Съ обѣтомъ ѳиміамы
Возжгутся наши и сердца
Не забывать Творца;
Отца отечества несмѣтны попеченьи
Скорбей прогонятъ нашихъ тѣни;
Художествъ сонмъ, наукъ,
Торговъ, лиръ громкихъ звукъ,—
Всѣ возвратятся въ ихъ жилищи;
Свое и чуждо племя пищи
Придутъ, какъ подъ смоковницей искать,
И словомъ: бывъ градовъ всѣхъ русскихъ мать,
Москва по прежнему возстанетъ
Изъ пепла, зданьемъ великолѣпнымъ станетъ,
Какъ фениксъ, снова процвѣтать,
Вѣнцомъ средь звѣздъ блистать.

И сей прелестный градъ Петровъ
Отъ удовольствіевъ сердечныхъ,
Отъ радостей невинныхъ, честныхъ,
Да съ тѣмъ сравнится, съ облаковъ
Что снидетъ душъ святыхъ въ ограду,
Въ блаженство, въ сладость и въ прохладу,
Гдѣ съ камней, стѣнъ драгихъ лучи
Подъ гусльми взблещутъ и въ ночи;
Зной вздремлетъ древъ подъ осѣненьемъ,
Освѣтитъ царь своимъ все зрѣньемъ,

И изъ страны Россійской всей
Печаль и скорби изженутся,

Въ ней токи крови не прольются,
Не канутъ слезы изъ очей;
Отъ солнца пахарь не сожжется,
Отъ мраза бѣдный не согнется;
Сады и нивы плодъ дадутъ,
Моря чрезъ горы длань прострутъ,
Ключи съ ключами сожурчатся,
По рощамъ пѣсни отгласятся.

Но, солнце! мой вечерній лучъ!
Уже за холмы синихъ тучъ
Спускаешься ты въ темны бездны,
Твой лускнетъ блескъ любезный,
Среди лиловыхъ мглистыхъ зарь
И мой ужъ гаснетъ жаръ;
Холодна старость—духъ, у лиры—гласъ отъемлетъ,
Екатерины Муза дремлетъ:
То юнаго царя,
Днесь вслѣдъ орловъ паря,
Предшествующихъ благъ видѣнья,
Что мною въ день его рожденья
Предречено, достойно пѣть
Я не могу; младымъ пѣвцамъ гремѣть
Мои ввѣряю ветхи струны,
Да черплютъ съ нихъ въ свои сердца перуны
Толь чистыхъ, ревностныхъ огней,
Какъ пѣлъ я трехъ царей.

1813 г.

XXXV. НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ СМОЛЕНСКАГО,

апрѣля въ 16 день 1813 года. [33]

Отколѣ палъ незапно громъ
И молнія покрылась паромъ?

Грохочетъ всюду гулъ кругомъ!
Какимъ гордишься, Смерть, ударомъ,
Что дрогнула твоя коса?

Давно ль, давно ль, страна преславна,
Въ блаженствѣ царствовала ты!
Гдѣ жъ красота твоя державна?
Не тотъ и взоръ, не тѣ черты!
Отколь тамъ груеть, гдѣ духъ великій?

Военный Геній твой въ слезахъ,
Въ густомъ туманѣ ратна сила,
Всеобща скорбь слышна въ рѣчахъ,
По лаврамъ ты идешь уныло!
Гдѣ сынъ твой, гдѣ безсмертный вождь?

О рокъ, гдѣ вождь насъ сильный,
Гдѣ воевода грозныхъ стрѣлъ?
Онъ въ родинѣ своей обильной
На гладъ и моръ враговъ навелъ
И ихъ заставилъ жрать другъ груга!

Гдѣ онъ, со пламеннымъ мечемъ
Женущій князя тьмы и злобы,
Глотавшаго въ пути своемъ
Болѣзни, муки, смрадъ и гробы,
Бѣгущаго, какъ хищный волкъ?

Откликнись, вождь нашъ несравненный!
Осиротѣлъ твой мечъ въ ножнахъ!
На твой лежащій шлемъ священный
Уже валятся ржа и прахъ!
Не спишь ли ты въ сіяньи славы?

Злодѣй земли изъ безднъ встаетъ
И страшны рветъ съ себя оковы!
Въ лицѣ луны кровавый цвѣтъ
Огнистый мещетъ взоръ суровый,
И змѣи дыбомъ на главѣ!

Проснись... Но что?... желанья тщетны!
Молчитъ весь міръ на голосъ мой!
Ссѣченный дубъ нашъ кратколѣтній
Не тмитъ уже лучей собой,
И шумъ вокругъ лишь въ листьяхъ мертвыхъ.

Вотъ генія блестящій вѣкъ!
Гдѣ умъ? гдѣ духъ? гдѣ блескъ и сила?
И что такое человѣкъ,
Когда вся цѣль его—могила,
А сущность —горсть одна земли!

И свѣтъ и прахъ онъ здѣсь мгновенно,
Но скрытый сей небесный громъ
Единымъ мигомъ въ жизни тлѣнной
Быть можетъ вѣчности лучемъ.
О призракъ свѣта непостижный!

Ты рабъ,—и рабъ благій иль злой,
Съ закатомъ солнца тѣнь растуща!
Единый Богъ свѣтильникъ твой.
Струя, въ пути тебя несуща,
Несетъ и червя за тобой!

Отечества сыны прямые!
Не унывайте въ скорбный часъ:
Все Богъ!—Его лучи святые
Съ рожденіемъ въ сердцахъ у васъ.
Орлу что пропасти бездонны?

Предшественница вѣра вамъ.
Царь Сѣвера, отецъ народный,
Повергнувъ зло къ своимъ стопамъ
Откроетъ къ счастью путь свободный
И землю отъ оковъ спасетъ.

Ступай, о Россъ, воитель ада!
Горою бей и вихремъ рви,
Ударь дождемъ въ подобьи града,

Усѣй враговъ костями рвы.
Заря блаженства за тобою!

XXXVI. СОСТРАДАНІЕ [34].

Блаженъ, на нища и убога
Кто зритъ и въ лютый, скорбный день
Отъ зноя, жажды, глада строга
Спасетъ,— и кущъ своихъ подъ тѣнь
Его привесть не постыдится:
Онъ Господомъ вознаградится.

Господь самъ съ неба назидаетъ
Его въ сей жизни и хранитъ,
Блаженствомъ всякимъ угобжаетъ,
Жатвъ изобиліемъ даритъ
И, избавляя бѣдъ и скуки,
Не предаетъ во вражьи руки.

Всегда ему воспомогаетъ,—
Въ болѣзни даже на одрѣ,
Когда вкругъ ложа ужъ сверкаетъ
Его серпъ смерти —и въ зарѣ
Онъ вѣчности,— быть въ мглѣ ужъ мнится;—
Но, вдругъ воспрянувшимъ, здравъ зрится.

Такъ мнилъ, надѣясь я на Бога,
И сострадателенъ всѣмъ былъ,
На лица сира зрѣлъ, убога,—
И Богъ стократъ мнѣ заплатилъ:
Когда мнѣ врагъ ковалъ напасти,
Сіялъ я паче въ славѣ, въ счастьи.

XXXVII. ПОКАЯНІЕ [35].

Помилуй мя, о Боже! по велицѣй
Мнѣ милости Твоей,

По множеству щедротъ, Твоей десницей
Сгладь грѣхъ съ души моей;
А паче тайныхъ беззаконій
Очисть;—ихъ знаю я.

Я знаю ихъ,—и зрю всѣхъ предъ собою
Моихъ пороковъ тьму;
Се сокрушенной каюся душою
Тебѣ, лишь одному
Тебѣ,— что быть дерзнулъ лукавымъ
И укрывалъ мой грѣхъ.

Нельзя ль кому передъ Тобой въ чемъ скрыть
Коль все зришь, слышишь Ты?
Какъ можно на судѣ въ чемъ оправдиться
Предъ Тѣмъ, Кто и мечты
Душъ нашихъ и сердецъ всѣхъ знаетъ?
Онъ вѣрно побѣдитъ.

Такъ, знаетъ, что я зачатъ въ беззаконьи,
Въ грѣхахъ родила мать,
Что внутрь меня коварство, а внѣ козни
Неправдой правду тмятъ,—
Ту правду, искру ту премудру,
Что Онъ во мнѣ возжегъ.

Ахъ! окропи жъ меня Ты звѣздъ иссопомъ,
Водъ благости Твоей;
Омой, Творецъ, мнѣ грудь Ты слезъ потопомъ,
Внявъ вздохъ души моей,
Да сердцемъ уясняся чистымъ,
Бѣлъ буду я какъ снѣгъ.

Даждь слуху моему веселье, радость,
Чтобы въ моихъ костяхъ
Смиренныхъ та вовѣкъ лилася сладость,
Пьютъ кою въ небесахъ.
Такъ, Боже! отврати взоръ грозный
Отъ слабостей моихъ.

Созиждь въ моей утробѣ сердце чисто,
Духъ правый обнови,
Который бы, какъ солнцѣ въ мглѣ лучисто,
Сіялъ въ моей крови,
И лика Твоего святаго
Съ меня не отврати.

Пошли мнѣ Твоего жаръ въ грудь спасенья
И духомъ такъ своимъ
Владычнимъ утверди путь для ученья
Заповѣдямъ Твоимъ,
Чтобы къ Тебѣ и нечестивыхъ
Я обратить всѣхъ могъ.

Уста мои, о Творче! мнѣ отверзи
На похвалу Твою,
Да холмы слышатъ, рѣки и безднъ брези,
Что я Тебя пою
И никому не посвящаю
Я пѣсенъ, какъ Тебѣ.

Ахъ! жертвы бъ восхотѣлъ коль Ты какія,
Принесъ бы я давно;
Но не пріемлешь Ты мольбы иныя,
Вздыханье какъ одно:
Храмъ Богу—сердце сокрушенно,
Смиренный духъ—алтарь.

XXXVIII. ТЛѢНІЕ И НЕТЛѢНІЕ [36].

Прекрасный, лѣпый, лучезерный,
Кругомъ обтекшій витязь міръ,
Лучи метавшій жизнодарны
На понтъ, на зёмлю, на эѳиръ,
О дивный побѣдитель мрака,
Всѣхъ смертныхъ ужасовъ и страха!
Что, солнце, видъ твой поблѣднѣлъ?

Во мглу златыя скрылись латы,
За облакъ шлемъ огневласатый,
И нѣтъ въ твоемъ ужъ тулѣ стрѣлъ!

Лѣса и холмы отдаленны
Одѣлись темной синевой;
Долины злачны, холмъ зеленый
Подернулися блѣдной мглой;
Цвѣты, въ безмолвьи преклоненны,
Росою плачутъ окропленны;
Сверкаютъ молніи вдали;
Ревъ слышенъ громовъ, вѣтровъ свисты.
Ужель природы осенистый
Сей образъ смерти, образъ тли?

Ужель и въ гробѣ созерцанный
Отечества спаситель, вождь,
Герой, въ блескъ лавровъ увѣнчанный, —
Картина тлѣнія того жъ?
И добродѣтель просвѣщенна,
И службой честь пріобрѣтенна,
И слава, позднихъ гулъ временъ,
И уваженье царска рода,
И благодарность отъ народа,
И память вѣчная—все тлѣнъ?

Сей плачъ, сей стонъ и воздыханье
Толь множества печальныхъ лицъ,
Прощальныхъ гимновъ отпѣванье
И возведеніе зѣницъ
Къ Творцу со пламенной мольбою,
Просящею душамъ покою
(Чрезъ что суть мертвы и живы
Ввѣкъ, небо и земля въ сношеньѣ
Между собой), ужели тлѣнье?
И нѣтъ безсмертія?—Увы!

Нѣтъ, есть благій Богъ и безсмертный,

Есть правда, и безсмертье есть.
Чрезъ Промыслъ свой Онъ неизслѣдный
Въ свой вѣчный свѣтъ возводитъ персть.
Добро отъ злобы отдѣляя,
Ту въ тьму, то въ солнцы помѣщая,
Всѣхъ зиждетъ царствіе небесъ.
Порокъ изъ праха не воспрянетъ,
А добродѣтель вѣчно станетъ
Пить свѣтъ и жизнь Творца съ очесъ.

Се тлѣнье есть, въ чемъ и нетлѣнье.
Отверзты вижу небеса:
Въ лазурномъ блещетъ отдаленьѣ
Непостижимая краса!
Не тамъ ли Божежка держава,
Жизнь вѣчная, блаженство, слава?
Восторгъ объемлетъ умъ и духъ!
Зрю невечерне солнце ново!
Гармоньи тихой внемлю слово,—
Вселенна преклонила слухъ:

„Гряди, о добрый, доблій воинъ!
На вѣчно свѣтло торжество;
Ты царства *Моего* достоинъ,
Ты чтилъ и вѣрилъ въ Божество.
Полнъ къ человѣчеству любовью,
Не славился его ты кровью;
Разилъ враговъ, въ слезахъ ліясь,
Спасавъ отечество и вѣру,
Къ царю блюлъ долгъ, себѣ зналъ мѣру:
Въ безсмертье внидь, Смоленскій князь“!

XXXIX. НА ПОБѢДУ ПРИ ЛЕЙПЦИГѢ[37].

Твоя побѣдная десница
Высоко славой вознеслась!
Надменный запада Денница[a],

Тобой змѣй раненый, віясь
Въ ужасныхъ кольцахъ, пресмыкаетъ,
За Рейнъ путь кровью упиваетъ
И зѣвомъ міръ еще страшитъ.
Но кто Богъ велій, какъ Богъ неба?
Главу во правду, шлемъ въ блескъ Феба,
Облекъ тебя Онъ вѣры въ щитъ.

И сталъ ты бичъ непобѣдимыхъ,
Какъ богъ величія въ лучахъ!
Нѣтъ стѣнъ тебѣ неизложимыхъ:
Намѣсто страха—всѣмъ ты благъ,
И сердца кротость, добродѣтель
Твоя—такихъ чудесъ содѣтель,
Не видывалъ сей міръ какихъ!
Враги безъ боя отдаются;
Силъ горсть твоихъ — врагъ съ тьмой дерутся:
Подъ Кульмомъ мы плѣнили ихъ.

Такъ, ты днесь въ образецъ вселенни
Творишь, избранникъ! чудеса:
Монархъ, въ невинность облеченный,
Къ себѣ склоняетъ небеса.—
Мужайся и ревнуй ихъ волѣ:
Не будетъ съ дней твоихъ ужъ болѣ
Персъ, Грекъ и Римъ великимъ чтимъ
За покореніе вселенны,
Корсъ зломъ затмится, погребенный,
Какъ солнцемъ нощь, лучемъ Твоимъ!

XL. НОВГОРОДСКІЙ ВОЛХВЪ ЗЛОГОРЪ.

(Хоръ).

Бояновъ послухъ, скальдъ сѣдый!
На мрачномъ Волховѣ, лѣнивомъ
Возсядь—и въ гулѣ горъ игривомъ,
На арфѣ древніе слѣды
Изъ праха извлекавъ забвенья,

Потомкамъ позднимъ въ удивленье,
Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тьмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

(Скальдъ)

Внемлите! съ южныя отчизны
Оденъ пришелъ на край нощной,
Съ нимъ Велесъ; волхвъ же Злогоръ, тризны
Вѣкъ въ память сдѣлавшись рѣкой,
Сталъ Волховомъ съ временъ тѣхъ зваться,
Могильны холмы омывать,
Сребристымъ зміемъ изгибаться,
Вкругъ враномъ и сычемъ летать.

Такъ онъ, изверженецъ изъ ада,
Всѣхъ козней демонскихъ соборъ,
Славяновъ сынъ, Славяна града
Колдунъ, слѣпившій черни взоръ
Очарованьями, мечтами,
Во громы, въ молньи, въ вихри, въ дождь
Преображавшійся часами,
Былъ крокодилъ, волхвъ, князь, жрецъ, вождь.

Онъ невѣгласовъ[a] вмѣсто Бога
Принудилъ силой, страхомъ чтить
Кумиръ Перуна-Чернорога
И кровь ему съ мольбой ихъ лить;
Но жертвъ ему не приносившихъ
Самъ и чрезъ чадъ своихъ губилъ:
Невой, Ильменемъ, Мшагой плывшихъ
Шелонью, Ладогомъ топилъ.

(Хоръ).

Бояновъ послухъ, скальдъ сѣдый!
На мрачномъ Волховѣ, лѣнивомъ
Возсядь—и въ гулѣ горъ игривомъ,
На арфѣ древніе слѣды

Изъ праха изклекавъ забвенья,
Потомкамъ позднимъ въ удивленье,
Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тьмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

(Скальдъ).

Злогора душу взяли черти;
Но слухъ такъ страшенъ былъ о немъ,
Что люди добрые, по смерти
Въ гробъ положивши ницъ лицомъ,
Такъ спрятали его въ могилу,
Чтобъ имъ не вреденъ былъ тиранъ,
Осиновъ колъ ему вбивъ съ тылу,
Надъ нимъ насыпали курганъ.

Но онъ и по своей кончинѣ
Творилъ премножество проказъ,
Какъ переносится донынѣ
О немъ старухъ и бабъ разсказъ:
Плелъ басни, смуты, сѣялъ шашни,
Былъ женъ посадничьихъ дружокъ,
Леталъ въ повалуши ихъ, въ башни
И внизъ и вверхъ, какъ голубокъ.

Въ куту Кикиморой незримой
Сидѣлъ онъ часто на печи;
Весь ужинъ, къ вечеру хранимой,
Съѣдалъ, зубами скрипучи;
А по ночамъ, къ хозяйску диву,
Скакалъ на клячахъ по сту верстъ;
Коню жъ любимому плелъ гриву
И какъ трубу волнистый хвостъ.

(Хоръ).

Бояновъ послухъ, скальдъ сѣдый!
На мрачномъ Волховѣ лѣнивомъ
Возсядь—и въ гулѣ горъ игривомъ,

На арфѣ древніе слѣды
Изъ праха извлекавъ забвенья,
Потомкамъ позднимъ въ удивленье,
Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тьмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

(Скальдъ).

Вадима въ бунтъ на Гостомысла
Всю чернь сей поджигалъ Злогоръ,
Вперяя противъ здрава смысла
Въ Варяговъ и въ Славянъ раздоръ;
Онъ тожъ не допущалъ Добрыню
Новогородцевъ окрестить,
На холмахъ водружать святыню
И идоловъ въ рѣкахъ топить.

Противился и Ярославу
Въ суды онъ Правду Русску ввесть,
И бабу злу, Ягу лукаву,
Посадницу всѣмъ Марѳу въ честь
На колымагѣ вскачь съ желѣзнымъ
Пестомъ велѣлъ возить на вѣчь;
На Хутынѣ жъ огнемъ подземнымъ [b]
Царя бѣгъ Грознаго сожечь.

И днесь на Званкѣ онъ проказитъ,
Тьмы ночью дѣлая чудесъ:
Златой луной на Волховъ слазитъ,
Лучемъ въ немъ пишетъ горы, лѣсъ
И, лоснясь съ колкунами [c] длинной
Какъ снѣгъ брадой, склоняясь челомъ,
Дрожитъ въ струяхъ,—иль, въ холмъ могильной
Залегши, въ мракъ храпитъ какъ громъ.

1814 г.

XLI. ХРИСТОСЪ [39].

Никтоже пріидетъ ко Отцу. токмо мною.
Іоан. гл. 14, ст. 6.

О Сый, котораго перомъ,
Ни бреннымъ зрѣніемъ, ни слухомъ,
Ниже витійства языкомъ
Не можно описать, а духомъ
И вѣрой пламенной молить!
Твоею благодатью плѣнный,
Какъ бы на небо восхищенный,
Тебя дерзаю я гласить.—

Тебя;—но кто же сущій Ты,
Что человѣкомъ чтимъ и Богомъ?
Лице, какъ солнца красоты!
Хитонъ, какъ снѣгъ во блескѣ многомъ!
Изъ ребръ нетлѣнныхъ льется кровь!
Лучи—всю плоть просіяваютъ!
Небесный взоръ, уста дыхаютъ
Сладчайшимъ благовѣстьемъ словъ!

Кто Ты,—что къ намъ сходилъ съ небесъ
И паки въ нихъ вознесся въ славѣ?—
Вовѣкъ живый и тамъ и здѣсь
Несмѣтныхъ царствъ своихъ въ державѣ,
Въ округѣ и срединѣ сферъ.
Хлѣбъ жизни и животъ струй вѣчныхъ,
Самъ святъ, безгрѣшенъ; а всѣхъ грѣшныхъ
Единая къ спасенью дверь!

Кто Ты,—кого изъ древнихъ лѣтъ
Сивиллы, маги и пророки
Приходъ предвозвѣстили въ свѣтъ;
Полкъ горнихъ силъ сквозь блескъ далекій
Дивился съ трепетомъ кому,

Что Бога и Царя небесна,
Безсмертна суща, безтѣлесна,
Сходяща видятъ смерти въ тьму?

Кто Ты,—въ которомъ сквозь эфиръ
Съ горы ниспадшій зрѣлся камень,
Кѣмъ міра сокрушенъ кумиръ;
Тотъ лѣпый юноша, что пламень
Внутрь пещи въ росу претворилъ,
И прежде, чѣмъ на свѣтъ явился,
Во тьмѣ чудесъ предобразился
И чаяньемъ языкомъ былъ?

Кто Ты,—котораго звѣзда
Часъ возвѣстила въ міръ явленья,
Казала путь къ кому ведя
Царямъ, волхвамъ для поклоненья;
Чей тронъ не въ златѣ средь порфиръ,
Но въ вертѣ, въ ясляхъ былъ возвышенъ,
Надъ кѣмъ ликъ ангеловъ былъ слышенъ:
Сошелъ во человѣки миръ!

Кто Ты,—вспять Іорданъ бѣжалъ
Кого омыть съ стремленьемъ шумнымъ,
Въ пустынѣ свѣтъ осіявалъ;
Гласъ Агнцемъ проповѣдалъ чуднымъ,
Могущимъ всѣхъ грѣхи подъять.
Таинственнымъ страша всѣхъ слухомъ,
Что, не родясь водой и духомъ,
Небесъ не можно достигать.

Кто Ты,—что отверзалъ слухъ, взоръ
Глухимъ, слѣпымъ—прикосновеньемъ;
Кротилъ свирѣпость бурь и морь
Единымъ перста мановеньемъ?
И не Тебѣ ль былъ сонмъ духовъ
Послушнымъ, всякая стихія,
И гласъ не Твой ли изъ земныя
Взывалъ утробы мертвецовъ?

Не Ты ль величественный мужъ
Во славѣ, въ блескѣ несказанномъ
Между живыхъ и мертвыхъ душъ
На холмѣ зрѣлся лучезарномъ,
Какъ нѣкій дивный властелинъ
И днешня и грядуща міра?
Надъ коимъ громъ гремѣлъ съ эмпира:
„Се мой возлюбленнѣйшій Сынъ!“

Какъ!—Неба сынъ Ты?—ужасъ, мракъ
Мои всѣ пробѣгаютъ кости!
Ты Богъ?—но Твой поруганъ зракъ
Отъ человѣческія злости!
Окровавленны красоты!
Съ злодѣями на древѣ крестномъ
Висишь въ томленьи скорбномъ, смертномъ,
Блѣднъ, бездыханенъ, мертвъ!—Кто жъ Ты?

Кто Ты?—и какъ изобразить
Твое величье и ничтожность,
Нетлѣнье съ тлѣньемъ согласить,
Слить съ невозможностью возможность?
Ты Богъ,—но Ты страдалъ отъ мукъ!
Ты человѣкъ,—но чуждъ былъ мести!
Ты смертенъ,—но истнилъ скиптръ смерти!
Ты вѣченъ,—но Твой издше духъ!

О тайнъ глубокихъ океанъ!
Пучина дивъ противоборныхъ!
Зачѣмъ сходилъ Ты съ звѣздныхъ странъ
И жилъ въ селеніяхъ юдольныхъ?
Творецъ Ты,—могъ все съ высоты;
Ты тварь,—почто же трепетала
Вся твердь, какъ жизнь Твоя увяла?
Открой, открой себя мнѣ Ты!

Открой себя, открой, молюсь!
И се—гласъ слышу сердца въ дверяхъ:

„Доколь воплю, доколь толкусь
„Воскреснуть въ хладныхъ маловѣрахъ?
„О свѣта сынъ! о рабъ днесь тьмы!
„Совлекли съ себя покровъ твой бренной
„И мыслью, вѣрой воскрыленной
„Мой Промыслъ о себѣ вонми:

Премудрость, сила и любовь,
Богъ духъ, въ трехъ свѣтахъ Свѣтъ ввѣкъ живый,
Единствомъ тройчнымъ до вѣковъ
Въ своемъ совѣтѣ положивый
Свою въ тьмѣ славу проявить,
Воззвать изъ безднъ созданье ново
Послалъ единородно Слово,
И словомъ:—тьма—вселенной бысть.

Изобразилось естество,
Незримое всезримымъ стало
И въ человѣкѣ Божество,
Какъ солнце въ морѣ, возсіяло!
Все покорилося ему,
Что благъ былъ, кротокъ, чистъ, незлобенъ
И во зерцалѣ какъ подобенъ
Творцу безсмертну своему.

Но поелику созданъ онъ
Съ свободною душой изъ персти;
То обаялъ мечтаній сонъ
Его и ухищренье лести:
Онъ, въ красоту свою влюбясь,
Возмнилъ быть Богъ—и возгордился,
Отъ Единицы отклонился
И отблескъ въ немъ Ея погасъ.

Погасъ!—палъ въ тьму вселенной царь,
Нетлѣнье превратилось въ тлѣнье;
Ему совоздыхая тварь,
Доднесь страстей своихъ въ бореньѣ,

Вѣкъ будетъ въ прѣ—не утолитъ
Доколь гнѣвъ Отчь сей низкой долей,
Что волей палъ, и той же волей
Себя къ Нему не возвратитъ,

И плоти не отвергнетъ такъ,
Ничто чтобъ духъ не отягчало;
Но палъ какъ въ толь глубокій мракъ,
Что силъ его возстать не стало;
То тутъ Любовь, временъ въ исходъ,
Сошла смирить страстей злыхъ ревы:
Сый возсіялъ отъ чистой Дѣвы,
Какъ солнца лучъ отъ чистыхъ водъ!

Имъ пробудилось божество,
Уснувше чувствъ отъ обольщенья,
Духовно свѣта существо,
Какъ искра камня отъ біенья,
Вспрянуло,—и явился Богъ
Въ плоти его страданьемъ Слова:
На свѣтъ Имъ трисвятый зрѣть снова
Адамъ сподобиться возмогъ.

Адамъ бы падши не возсталъ,
Когда бъ въ Христѣ не воскресился,
Не воскресясь—не возсіялъ,
Не возсіявъ—не возродился
Въ блаженство первородно вновь.
Се, какъ смиреніемъ, терпѣньемъ,
Страданьемъ, скорбью, умерщвленьемъ
Возводитъ всѣхъ къ себѣ Любовь!

Такъ подлинно, безъ плоти духъ
Не могъ въ тлѣнъ пасть. Безъ духа жъ силы
И плоть слаба духовъ втечь въ кругъ
Къ землѣ съ прикованными крылы:
То по совѣту трисвяту,
Скудель въ санъ серафимскъ возставить,

Безсмертьемъ смертнаго прославить
Предоставлялося Христу.

И Имъ со славой, съ торжествомъ
Явилась міру Божья сила:
Какъ западъ, насъ златымъ лучомъ
Святая кровь Его покрыла,
И освѣтила благодать,
Давъ область въ чадъ Его вчиняться,
Младенцевъ смысломъ умудряться
И разумъ вѣрѣ покорять,—

Чтобы, надѣясь на Его
Одну мы благость, милосердье,
Могли искать себѣ того
Наслѣдна, прежня озаренья,
Имъ кое только можно зрѣть:
Святымъ внутрь духомъ очищаясь,
Живясь, свѣтлѣясь, возвышаясь,
Любовью къ Божеству горѣть.

Се, что есть Сый, что есть Христосъ,
Что Бого-Человѣкъ, что Слово:
Онъ самый тотъ, который взнесъ
Духовно и тѣлесно въ ново
Тѣмъ бытіе, что, страждя самъ,
Всѣмъ подалъ ясные примѣры,
Какъ силой доблести и вѣры
Входить возможно къ небесамъ!

Такъ, Онъ единъ: никто другой
Слѣпца привесть не можетъ къ свѣту,
Потерянному чувствъ стезей;
Лишь словомъ устъ Его согрѣту
Внутрь вскрыться могутъ очеса.
Поитъ струей Онъ вѣчной жизни
И сладость древнія отчизны
На землю сводитъ, небеса.

Онъ—шедша Истина съ небесъ,
Онъ—Добродѣтель воплощенна,
Отерша токи смертныхъ слезъ.
Въ лицѣ подобострастна тлѣна
Сходилъ Онъ къ смертну естеству
Отъ узъ грѣховныхъ міръ избавить,
На прежней степени поставить
И уподобить Божеству.

Такъ, безъ Него никто къ Отцу
Его приближиться не можетъ.
Безъ сына дверь наградъ къ вѣнцу
Таинственную не проторжетъ.
Живетъ въ Отцѣ, Отецъ же—въ Немъ;
Безднъ, неба и земли посредникъ,
Ходатай, вождь, всѣхъ благъ наслѣдникъ
И подвигоположникъ Онъ.

Предвѣчной Правдѣ, трисвятой
Противно бъ было безконечно,
Чтобъ смертный за проступокъ свой
Предъ Вѣчнымъ не былъ виненъ вѣчно.
Кто жъ Бога удовлетворитъ?
Лишь Сынъ Его изъ милосердья,
Взявъ на себя всѣхъ преступленья,
Возмогъ міръ миромъ примирить.

Се есть Христовыхъ цѣль заслугъ:
Да благость сблизитъ съ правосудьемъ,
Да воцаритъ надъ тѣломъ духъ,—
И сихъ великихъ дѣлъ орудьемъ
Онъ пребылъ Самъ, что Самъ страдалъ:
Онъ могъ призвать въ защиту громы;
Но, волею на казнь ведомый,
Своей Онъ смертью смерть попралъ.

И чрезъ примѣръ явилъ сей свой,
Что не мірскія наказанья

На лобномъ насъ мрачатъ хулой,
Равно и не коронъ сіянья
Богоподобными творятъ;
Но правда, вѣра, добродѣтель
Ввѣкъ провозвѣстникъ и свидѣтель
И блескъ неложный свѣта чадъ.

Се тако Іисусъ всѣхъ спасъ
И познанъ Человѣко-Богомъ,
Что такъ ни чей покоить гласъ
И сладость въ насъ лить въ бѣдствѣ строгомъ
Не силенъ, какъ Его единъ.
Бывъ выше всѣхъ,—училъ быть низшимъ,
Любить враговъ, и сердцемъ чистымъ
Молилъ за нихъ лишь Божій Сынъ.

Онъ Царь, Законодатель тотъ,
Что устъ своихъ однимъ глаголомъ
Ко благу общу всѣхъ ведетъ,
Равняетъ хижину съ престоломъ:
„Просящему“, речетъ Онъ, „дай,
Болящаго призри въ больницѣ,
Печальнаго утѣшь въ темницѣ,
Голодна, жадна напитай“.

Первосвященникъ Онъ, Пророкъ,
Кой вѣрющимъ въ Него любовью
Себя далъ вѣры ихъ въ залогъ,
Запечатлѣвъ завѣтъ свой кровью,
И такъ его тѣмъ утвердилъ,
Что Имъ обѣщанный, небесный
Въ языкахъ огненныхъ чудесный
Излилъ свой Духъ и научилъ:

Былинки злобно не сломить,
Но быть всѣмъ кроткимъ, всѣмъ радушнымъ,
Лишь по себѣ другихъ судить,
И не чрезъ рать себѣ послушнымъ

Быть міру, но чрезъ рыбъ-ловцовъ
Простыхъ велѣлъ, — и синагоги,
Ареопагъ имъ палъ предъ ноги:
Се силенъ какъ законъ Христовъ!

Христосъ весь благость, весь любовь,
Блескъ свойствамъ даже трисвященнымъ;
Весь кругъ бы безъ Него міровъ
Неполнымъ былъ, несовершеннымъ.
Богъ-Умъ могъ все предначертать,
Богъ-Мощь — все создать; любви жъ безъ Бога
Могли ль премудрость, сила строга
Горѣ къ себѣ сердца воззвать?

Такъ, Богъ и дивенъ и великъ
Намъ паче воплощеньемъ Сына:
Могъ плоть и духъ создать Онъ вмигъ,
Но связь сихъ крайностей едина
Всѣхъ удивительнѣй чудесъ!
Адамъ пусть волею палъ злою;
Но взнесся плотью онъ святою
Въ Христѣ превыше всѣхъ небесъ.

Отецъ и Сынъ и Духъ Святый,
Незримый Свѣтъ тріѵпостасный;
Но въ плоти Сынъ пріявъ черты,
Какъ человѣкъ подобострастный,
Открылъ Себя и научилъ
Чтить Бога истиной и духомъ.
Кумировъ свергъ своимъ Онъ слухомъ,
Какъ силу ада сокрушилъ.

Христосъ насъ Искупитель всѣхъ
Отъ первороднаго паденья.
Онъ свѣтъ, — тьмой необъемлемъ ввѣкъ;
Но тмится внутрь сердецъ невѣрья,
Свѣтясь на лонѣ у Отца.
Христа нашедши, все находимъ,

Эдемъ свой за собою водимъ,
И храмъ Его—святы сердца.

О Всесвятый! Превѣчный Сый!
Свѣтъ тихій Божескія славы!
Пролей свои, Христе! красы
На духъ, на сердце и на нравы,
И жить во мнѣ не преставай;
А ежели и уклонюся
Съ очей Твоихъ и затемнюся,
Въ слезахъ моихъ вновь возсіяй!

Услышавъ меня, о Богъ любви!
Отецъ щедротъ и милосердья!
Не презрь преклоншейся главы
И сердца грѣшна дерзновенья
Мнѣ моего не ставь въ вину,
Что изъяснить Тебя я тщился,
У ногъ Твоихъ коль умилился
Ты, зря съ мастикою жену.

XLII. НА СРѢТЕНІЕ ПОБѢДИТЕЛЯ ЕВРОПЫ АЛЕКСАНДРА I.

Внемлите, царства! поднимитесь,
О князи вратъ градскихъ, скорѣй!
Раздайтесь стогны, разступитесь,
Отъ гласа радости моей:
Возстань, срѣтай, о Сѣверъ бранный!
Се въ лавръ и пальмы увѣнчанный
Великій Александръ идетъ,
Не царствъ вселенной покоритель,
Но ихъ отъ узъ освободитель;
Царь славы, царь сердецъ грядетъ!

Такъ! мужеству ль его дивиться?
Изгналъ онъ твердостью враговъ!

Великодушію ль чудиться?
Онъ местью ихъ не пролилъ кровь!
Красѣ ль, щедротѣ ль поклоняться?
Се—плѣнны имъ боготворятся
Безмездно царства и цари!
Иль ублажать его смиренье?
Онъ Богу только въ прославленье
Творилъ добро, смирялъ царствъ при!

На лоно отчее, на гнѣзды,
Подъ сѣни рощъ и тихихъ селъ
За нимъ орлы,—въ ихъ персяхъ звѣздны,
Изъ молніевъ вѣнцы вкругъ челъ,—
Парятъ и кроютъ свѣтъ крылами;
Европа плескомъ и хвалами
Ихъ твердый духъ и нравы чтитъ,
И съ сожалѣньемъ благодарнымъ
За царевождемъ лучезарнымъ
И мысль и взоры вслѣдъ стремитъ.

Гряди, избранный небесами,
Великія свершивъ дѣла!
Твой подвигъ тысячью вѣками
И честь твою не скроетъ мгла.
Се громъ за громомъ, по ѳиру
Катясь, благовѣствуетъ міру,
Что шествуетъ къ дѣтямъ отецъ.
Спускаясь солнце въ понтъ, дивится,
Что градъ Петровъ свѣтлѣе зрится
Отъ пламени къ нему сердецъ!

На вышнія Россія горы,
Толпясь съ поспѣшностью течетъ,
Чтобъ на героя бросить взоры
Вдали, на блескъ его побѣдъ:
Какъ громовержною рукою,
Но больше мудрою главою
Ужасны силы онъ истнилъ

И пламемъ жрущаго дракона
Низвергъ съ похищеннаго трона,
Царей и царствъ освободилъ.

По неизмѣрному пространству
Рѣкъ за-рифейскихъ и степей,
Кавказскихъ, таврскихъ ордъ подданству,
Гдѣ сильныхъ тысячи князей,
Въ подвижныхъ и недвижныхъ градахъ
Живя край свѣта дней въ прохладахъ,
Молвятъ въ пирахъ народовъ ихъ:
„Хвала полнощному Давиду,
Что не далъ Галламъ насъ въ обиду!“
И огнь изъ чашъ ихъ пьютъ златыхъ.

На Терекѣ, Уралѣ, Донѣ
Летучи-тучи-казаки,
Сѣдыхъ, сухихъ морей на лонѣ
Разсыпавъ бурные полки,
Какъ вихрь, въ кругахъ вертясь, кружатся,
Учить сыновъ и внуковъ тщатся,
Какъ всякъ изъ нихъ сто Галловъ свергъ;
Молніеносны стѣны ратны,
Звукъ трубъ и флейтъ сливъ въ громъ пріятный,
Торжествъ ихъ плещутъ средь утѣхъ.

Но коимъ свѣтится восторгомъ
Сиротъ порфироносна мать,
Насъ наградивша полубогомъ,
Того не можно описать!
Зрѣть сына въ славѣ—сердца сладость!
Ея всѣмъ ангельская радость
Видна на взорахъ и устахъ.
Цари велики, какъ зарницы
Въ понтъ съ неба зря, — въ немъ зря ихъ лицы,
Съ кей не сравняются въ лучахъ.

И ты, о древняя Камена!
Сѣдой сребрящася главой,

Не чая быть ужъ столь блаженна,
Чтобъ гласъ еще возвысить свой,
Въ хвалу тобой дивъ предреченныхъ,
Узря ихъ нынѣ совершенныхъ,
Удвой, удвой твоихъ струнъ кликъ;
Звучи: „Кто Богъ нашъ, какъ Богъ велій!“
Тобой воспѣтый въ колыбели—
Днесь болѣй всѣхъ земныхъ владыкъ!

О диво, мыслямъ непонятно!
О благость щедрыхъ къ намъ небесъ!
Величіе невѣроятно,
Какимъ въ толь кратки дни вознесъ
Россію царь благословенный!
Нашъ мечъ, въ ножны имъ не вложенный,
Едва сверкнулъ съ своихъ жилищъ,—
Уже на Эльбѣ и на Рейнѣ
Гремитъ, блеститъ, разитъ на Сейнѣ,
И передъ нимъ простертъ Парижъ!

Парижъ! сынъ истый Вавилона,
Кумиръ народовъ и царей,
Гдѣ Бога, вѣры и закона
Никто не чтилъ, кромѣ страстей;
Въ которомъ Корсъ, пришлецъ надменный,
Мечтавъ ось обращать вселенны,
Россію ни во что вмѣнялъ:
Какъ ураганъ, вздымалъ волнъ холмы;
Какъ Люциферъ, металъ въ твердь громы;
Но Александръ предсталъ,—онъ палъ!

Гиганты міра! научитесь
Примѣромъ симъ.—О царствъ главы!
Превыше мѣръ не возноситесь
И съ Богомъ не равняйтесь вы,
На скиптръ опрясь свой исполинскій!
Предъ Нимъ ничтожны вы и низки,
Коль правда, вѣра не за васъ:

Онѣ однѣ—твердыня трона.
Гдѣ блескъ меча Наполеона?
Предъ солнцемъ правды онъ погасъ.

Объемлетъ умъ благоговѣйно
Мой—ужасъ, радость и восторгъ;
На стогнѣ молится смиренно,
Зрю, Александръ!—и, свѣта богъ
Какъ, взглядомъ тьму онъ освѣщаетъ,
Врагамъ щедротою отмщаетъ
И прахъ Людовика святитъ!
Во изумленьи, золъ столица,
Склоня колѣна, горды лица,
Токъ умиленныхъ слезъ струитъ!

Какіе клики, разговоры,
Племенъ различныхъ торжество!
Какіе радостные взоры
На ихъ блаженства божество!
Ливанъ тамъ храмы изливаютъ;
Тамъ дѣвы, юноши бросаютъ
Къ стопамъ спасителя цвѣты!
Когда какой и гдѣ властитель
Толикихъ душъ былъ вдругъ плѣнитель?
Онъ Ангелъ благъ и красоты!

Онъ Геній, съ небеси низсланный!
Маріей кроткою рожденъ,
Чтобъ ввѣкъ былъ миротворецъ славный
И сыномъ Божьемъ нареченъ:
Онъ громы утишилъ военны,
Воздвигнулъ троны низложенны,
Безъ пользъ своихъ плѣнилъ сердца.
На Геликонѣ я двухолмномъ
Лиръ очарованъ всюду звономъ
Съ конца Европы до конца!

Тамъ обнимаются супруги,
Сыны и братья и сестры;

Мечи куются въ сельны плуги;
Станъ кроютъ скатерти, ковры;
Поля, бывъ труповъ мертвыхъ полны,
Струятся класами, какъ волны;
Пестрѣетъ лугъ въ рѣкахъ и брегъ;
Стада на пажитяхъ тучнѣютъ;
Попутны вѣтры въ парусъ вѣютъ,—
И всѣмъ златой катится вѣкъ.

Текутъ дни райскіе, незлобны;
Сопразднуетъ народамъ тварь!
И все сіе богоподобный
Даруетъ миролюбный царь!
А ты, о бичъ и царствъ воитель,
Желавшій свѣта быть властитель!
Взгляни черепьевъ на костры:
Вела тебя гдѣ слава мнима,
Тамъ дымомъ твердь доднесь мрачима
И рдѣютъ кровію зари.

Надъ пеплами тамъ клятвы воютъ,
На небо стоны вопіютъ;
Въ могилѣ черви прахъ твой взроютъ,
Какъ въ жизни совѣсть враны рвутъ.
Почто же было такъ трудиться,
Чтобъ быть тебѣ великимъ мниться?
Великимъ злоба не творитъ.
Сія честь существу благому
И слава, но не духу злому
Безсмертіе принадлежитъ.

Но отвратимъ скорѣй зѣницы
Съ позорища кровей и слезъ;
Злой демонъ счастья съ колесницы
Упалъ,—и слухъ о немъ исчезъ.
Пойдемъ же и простремъ мы длани,
Сердца повергнетъ вмѣсто дани,
Любовію къ отцу горя;

Хваля ко брани исхожденье,
Восхвалимъ днесь и возвращенье
Благословеннаго царя.

Пойдемъ и сопряжемъ съ любовью
Надежду нашу на того,
Кто самъ сожертвовалъ намъ кровью.
Мы все получимъ отъ него:
Онъ храбрости воздастъ усердье,
Явитъ терпѣвшимъ милосердье,
Невинныхъ узы перерветъ,
Сожиждетъ домы раззореннымъ,
Дастъ правосудье притѣсненнымъ,
Всѣхъ благочестьемъ превзойдетъ.

И мы, его душою полны,
Пойдемъ его добротъ вослѣдъ;
Покажемъ, что его достойны,
Что насъ счастливѣй въ свѣтѣ нѣтъ;
Стопы его облобызаемъ
И въ немъ съ горячностью познаемъ
Царя—ревнителя Христа.
Въ восторгахъ сильныхъ тихнетъ радость,
Отъ гуслей не ліется сладость,
Я полонъ чувствъ,—молчатъ уста!

Но чту себя и тѣмъ счастливымъ,
Что нѣчто въ славу его пѣлъ,
Что сердцемъ вѣщимъ, справедливымъ
Тотъ днесь тріумфъ запечатлѣлъ,
О коемъ предвѣщалъ я прежде:
Се царства въ сбывшейся надеждѣ
Пришли стопы его лобзать!
Меня народы не забудутъ:
Хвалы мои ему ввѣкъ будутъ
Моря и горы повторять.

XLIII. НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ПОЛКОВЪ ГВАРДІИ.

Безсмертной, громкой чада славы,
Которы за Россію кровь
Толь храбро лили у Полтавы,
Какъ и подъ Кульмомъ нынѣ вновь!
Такъ, вамъ,—герои хвалъ достойны,
Петра и Александра войны,
Побѣдна рать царя,—
Ура! ура! ура!

Вы, ваше твердое геройство
И грудь, незыблему ничѣмъ,
Не зря на вражье превосходство,
На мѣсто поставляли стѣнъ
И, бывъ какъ холмы неподвижны,
Во браняхъ клали души львины.
Побѣдна рать царя!
Ура! ура! ура!

Гордитесь сладостной молвою,
Неложной честью таковой,
Что такъ служа царю-герою,
Какъ вы, сталъ всякъ изъ насъ герой.
Мы, подвиги чтя ваши бранны,
Цѣлуемъ ихъ, цѣлуемъ раны.
Побѣдна рать царя!
Ура! ура! ура!

1815 г.

XLIV. НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ ИЗЪ ЧУЖИХЪ КРАЕВЪ,

ноября 30 дня 1815 года.

Небесъ благихъ планета,
О ангелъ тихихъ дней!

О солнце, кѣмъ нагрѣта
Грудь у Россіи всей!
Сіяніемъ честей
И славою одѣта,
Всечтимая душей,

Хвала тебѣ, Елисавета!

И ты, внемля съ полсвѣта
Подвластныхъ гласъ людей,
Какъ въ гимнахъ царствъ днесь пѣта,
О нѣжныхъ мать дѣтей!
Зри, что ихъ всѣхъ очей
Ты съ Александромъ мѣта
Въ гармоніи лучей.

Хвала тебѣ, Елисавета!

Такъ, ты въ дни золъ навѣта,
Какъ дождь лила огней
Съ небесъ на насъ комета,
И ползъ какъ страшный змѣй,
Всѣмъ твердостью твоей
Была лучемъ совѣта
И дивомъ для мужей.

Хвала тебѣ, Елисавета!

И впредь, о цвѣтъ лилей!
Будь утѣшеньемъ свѣта
Намъ доблестью своей.

Хвала тебѣ, Елисавета!

XLV. ХОРЫ, ПѢТЫЕ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ БЕСѢДЫ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВА,

30 декабря 1815 года.

Начальный.

Взведи окрестъ твой взоръ, Россія,
И виждь среди твоихъ трофей—
Твой царь, смиря страны чужія,
Приноситъ миръ душѣ твоей
И хочетъ *благомъ онъ заняться*
Своихъ дѣтей, своимъ добромъ.
О радость! будемъ утѣшаться
Въ монархѣ мы отцомъ!

Какъ въ небѣ свѣтится планета,
Съ сіяніемъ сліясь зарницъ,
Такъ, славой многихъ царствъ одѣта,
Въ кругу родныхъ царей, царицъ
Не можетъ мать налюбоваться
На сынѣ доблестей вѣнцомъ.
О радость! будемъ утѣшаться
Въ монархѣ мы отцомъ!

Зря мать, царицу и супругу
И благодатнаго царя,
Да прозвучитъ земному кругу
Хоръ музъ нашъ, ревностью горя,
Что къ намъ благоволятъ склоняться
Они, какъ Фебъ съ небесъ, лицомъ.
О радость! будемъ утѣшаться
Въ монархѣ мы отцомъ!

Окончательный.

Внуши, Творецъ, мол нье
Душъ россихъ и сердецъ;
Пошли благословенье

На насъ, щедротъ Отецъ!
Чтобъ здравье, дни и слава
Того царя цвѣли,
Чья мудрость, мечъ, держава
Отечество спасли;
Да матерь и супруга,
Весь домъ его и родъ,
Какъ солнце, жизнь намъ льетъ
И въ новый годъ съ небесна круга!

XLVI. НА ТОРЖЕСТВО,

бывшее въ Петербургѣ 19 марта 1816 года,

НА ПАМЯТЬ ВЗЯТІЯ ПАРИЖА.

Воспоминаніе парижскаго плѣненья
Представя Александръ на невскихъ берегахъ,
Неизреченный духъ влилъ въ Россовъ восхищенья,
Что далъ имъ торжество незримо зрѣть въ вѣкахъ.

Казалось, неба сводъ, полкъ Ангеловъ склонились,
Чтобъ зрѣть царей, царицъ, ликъ пастырей, войскъ строй;
Но паче красотѣ души того дивились,
Кто въ благочестьи семъ былъ истинный герой.

За зло не воздалъ зломъ, не мстилъ страдальца кровью;
Но, прахъ его почтя, платилъ врагамъ любовью.
Се образъ доблестей, который, какъ гора,

Вѣкъ будетъ славой рость, какъ звѣзды, не увянетъ.
Ничто такъ радовать тебя, монархъ, не станетъ,
Какъ память сладкая содѣланна добра.

XLVII. ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ ДЕРЖАВИНА [40].

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы!

Басни и Притчи.

I. СМЕРТЬ И СТАРИКЪ.

Вязанку дровъ Старикъ тащилъ и надрывался,
Сугорбился, потѣлъ, дрожалъ и задыхался;
А какъ была тогда осеняя слота,
Несноснѣе ему была тѣмъ тягота.
Лишился силъ, подсѣклись ноги:
Упалъ среди дороги.
Стеналъ онъ, лежа, и вздыхалъ
И въ слабости своей сказалъ:
О Смерть, страдальцевъ облегченье!
Приди и прекрати мученье.
Тутъ Смерть ему въ глаза,
Какъ страшная гроза!
Ты ль звалъ меня? его спросила
И косу на него блестящу наклонила.
—Нѣтъ, нѣтъ, не я, помилуй!—онъ вскричалъ
И пальцемъ ближняго сосѣда показалъ.

II. МЕДВѢДЬ, ЛИСИЦА И ВОЛКЪ.

Медвѣдь, Лиса и Волкъ согласно жили,
Гуляли вмѣстѣ, ѣли, пили,
На промыселъ ходили заодно.
Подцапали въ одно

Они теличку время.
Медвѣдь, добычу взявъ въ беремя,
Послушайте, сказалъ: коль всѣмъ намъ части брать,
То мало этого всѣмъ голодъ намъ унять;
А старѣй кто изъ насъ, пускай тотъ и владѣетъ
Обѣдомъ симъ:
Промыслимъ послѣ мы другимъ;
Но старшинство вездѣ вѣдь первенство имѣетъ.—
Изрядно, говоритъ Лиса:
Когда создались небеса
И твердь звѣздами убралася,
Тогда я родилася.—
Стара, кума, и ты, Волкъ началъ говорить:
Но не успѣли звѣздъ ко тверди пригвоздить,
Какъ я на свѣтъ сей происшелъ!
И ѣсть было телицу шелъ.
Ну, врешь, сказалъ Медвѣдь, оскалившись зубами:
Пусть молодъ, но сильнѣй я всѣхъ теперь межъ вами,
Да мнѣ же хочется и ѣсть;
Такъ мнѣ принадлежитъ и старшинство и честь.

III. СОБАКА И СТАРУХА.

Украла мяса часть Собака у Старушки
Изъ клѣтушки
И ну бѣжать съ добычей прочь
Во всю собачью мочь,
По опытамъ то знавъ, что стары бабы строги,
За сорванны куски ломаютъ ноги
Ухватами, клюками у собакъ.
Итакъ,
Подалѣй Лыска убиралась,
Чтобы въ глаза Старухѣ не попалась;
А наконецъ, когда къ источнику пришла,
На берегу его легла
И стала наполнять голодно брюхо мясомъ,

Украденымъ запасомъ.
Но глядь въ потокъ—-
Увидѣла: другой кусокъ
Такой же, какъ она—такая жъ Лыска ѣла;
Тотчасъ и тотъ подцапать захотѣла,
Разверзла пасть,—
Упала изо рту украденная часть.
Ахъ! сколько въ свѣтѣ мы примѣровъ тѣхъ видали,
Что, бывъ несытыми накраденнымъ добромъ,
Еще въ чужомъ
Пустую тѣнь хватали.

IV. ЛИСИЦА И ЗАЙЦЫ.

Лисица съ Зайцами въ одномъ лѣсу жила,
И Зайцамъ хоть она не госпожа была,
Но какъ проворный умъ имѣла,
То робкихъ сихъ скотовъ вертѣла,
Какъ хотѣла,
И словомъ, лисій гласъ
Для зайцевъ былъ указъ.
Но какъ предѣловъ нѣтъ властолюбивой страсти,
То и она на нихъ хотѣла царской власти.
Нашла вину,
И объявила имъ за то войну:
Зачѣмъ они несходны съ прочими звѣрями,—
Съ неравными противъ другихъ ногами
И съ долгими притомъ ушами.
Возсталъ на Зайцевъ громъ, простерлася гроза.
Бѣгутъ изъ куста въ кустъ, распяливши глаза;
Немного похрабрились,
Пришли и покорились.
Узнавъ побѣду Волкъ, да и Медвѣдь,
Въ завоеваньи часть задумали имѣть.
Здорово, говорятъ, сестрица:
Жиренъ такой кусокъ одной тебѣ, Лисица!

Пожалуй, кумушка, по часточкѣ и намъ,
А ежели не такъ, большимъ быть хлопотамъ.
Напрасно роемъ ровъ безсильнымъ мы сосѣдямъ:
Дурнѣе будетъ жить намъ съ волкомъ да съ медвѣдемъ.

V. МАТЬ И ДѢТИ.

Мать въ школѣ посадила
Дѣтей урокъ твердить
И съ лаской дѣтямъ говорила:
Гулять вамъ, дѣтки, не ходить.—
Хотя и хныкаютъ бѣдняжки,
Однакоже урокъ твердятъ.
Вотъ такъ и мудрый царь, не дѣлая поблажки,
Умѣетъ кротостью народъ въ грозѣ держать.

VI. СУДЪ О СТИХОТВОРЦАХЪ.

Весной
Въ дубравѣ, въ рощѣ ли какой
Свистали соловьи, кричали и кукушки.
„Какія дружки!
Нельзя ихъ, право разобрать
Чтобъ преимущество кому въ пѣньѣ отдать“,
Прохожи шедшіе, одинъ сказалъ другому.
А тотъ отвѣтствовалъ: Дивлюсь суду такому;
Не надо, братецъ, быть и знатоку,
Чтобъ различить умѣть отъ пѣсенки куку.
Нерѣдко такъ даютъ
О стихотворцахъ судъ.

VII ФОНАРИ.

Случилось парѣ
Быть Фонарямъ въ анбарѣ;

Кулибинскому и простому,
Такому,
Какъ ночью въ мрачну тѣнь
Съ собою носитъ чернь.
Кулибинскій сказалъ: Какъ смѣешь, старичишка,
Бумажный Фонаришка,
Ты мѣстничать со мной?
Я баринъ, я начальникъ твой.
Ты видишь, на столбахъ ночною какъ порою
Я свѣтлой полосою,—
Въ каретахъ, въ улицахъ и въ шлюпкахъ на рѣкѣ
Блистаю вдалекѣ.
Я весь дворецъ собою освѣщаю,
Какъ полная небесъ луна.—
Такъ подлинно, и я то знаю,
Отвѣтствовалъ простой Фонарь:
Моя передъ твоей ничто величина;
Сіяніемъ вдали ты царь,
Лучами яркими ты баринъ;
Но только развѣ тѣмъ со мной неравенъ,
Что—вблизь и съ стороны покажемся кому,—
Во мнѣ увидятъ свѣтъ, въ тебѣ увидятъ тьму,
И ты окружныхъ стеклъ лишь свѣтишь лоскутками.
Иной и господинъ уменъ секретарями.

VIII. КОРАБЛЬ И ИГЛА.

Корабль на полныхъ парусахъ
Летѣлъ, какъ птица на крылахъ
(За нимъ не успѣвало око),
И думалъ о себѣ вельми высоко:
„Какъ?“ говорилъ, „чтобъ смѣлъ со мною кто равняться
Въ отвагѣ, быстротѣ, величіи, красѣ,—
Не можетъ статься;
Ничто передо мною всѣ!“—

Такъ точно, государь! ты можешь величаться,
Сказала на кормѣ магнитная игла:
Ты царь морей! я твой министръ, я прахъ земли
И въ мысляхъ равной быть съ тобою я страшуся;
Но, смѣю доложить: я сколько ни мала,
А лишь попорчусь, пошатнуся,—
Ты сядешь на мели.

IX. СТРУЯ И ДОМЪ.

Струя иль капля подъ землей
Сквозь берега прокралась—
И такъ своей водой
Тихонько расширялась,
Что сдѣлалась ручьемъ
И стала подмывать вседневно и всенощно
Прекрасный, твердый домъ,
Въ которомъ весело, роскошно
Бояринъ знатный жилъ,
Столы давалъ, пиры водилъ
И въ мысляхъ не держалъ о близкомъ рокѣ;
Но какъ усилилась струя
И, воды многія лія,
Въ свирѣпомъ, бурномъ токѣ
Большою вдругъ открылася рѣкой,
Взревѣла подъ землей,—
Повергла домъ
И мѣсто, гдѣ стоялъ, струя умчала.
Предупреждай бѣду сначала,
Звукъ первый отвращай, чтобы не вышелъ громъ.

X. ХОЗЯЙКА.

Хозяйка, ключница, досужа домоводка,
Старуха иль молодка,—

Нѣтъ нужды до того, но только мать,—
Держала въ домѣ птицъ и ихъ сама кормила,
Умѣренно бросая зернъ.
Довольны птицы были,
Что шелъ имъ нужный кормъ;
Хозяйку всѣ хвалили.
И „станемъ впредь мы больше ждать“,
Между собою говорили.
Но какъ-то мать съ двора ушла,
А птицъ кормить пора пришла;
Тутъ тотчасъ подхватилъ съ пшеницей сынъ лукошко
И, высунясь въ окошко,
Ну полной горстью имъ бросать,
А птицы ну клевать, клевать
И, наклевавшися досыта,
Отъ сына прочь отстали,
Ходить за нимъ не стали
И разбрелися спать.
Хозяйка домовита
Съ умомъ умѣла награждать.

XI. АИСТЪ.

Оралъ Аистъ, какъ чортъ, въ болотѣ.
Лягушки вкругъ его, улитки и зуйки
И маленьки нырки
Въ ужасной были всѣ тревогѣ и заботѣ:
Узря, что онъ однихъ глотаетъ,
Другихъ же крикомъ устрашаетъ,
Не знали, что зачать.
На это что бы мнѣ сказать
Аисту вопреки?—
И великаны тѣмъ бываютъ
Страшны и велики,
Когда ихъ карлы окружаютъ.

XII. ЖМУРКИ.

Хозяинъ молодой единожды, изъ шутки,
Былъ прошенъ отъ дѣтей,
Своихъ друзей,
Чтобъ съ ними поиграть немножко въ жмурки.
Онъ, согласясь на то, позволилъ имъ повязку,
Какъ водится, иль темну маску
Надѣть на свой прекрасный зракъ,
И сталъ ему чрезъ то въ его чертогахъ мракъ.
Друзья ребяточки вокругъ его обстали,
А онъ въ кругу у нихъ
Съ жгутомъ.
Потомъ
Играть они, какъ должно, стали:
Извѣстно, что сперва всякъ въ уголку притихъ,
Тулился, прятался,—а онъ имъ вслѣдъ гонялся,
Ударить тѣхъ, ловить другихъ старался.
Кто мышкой гдѣ въ дали тихонько заскребетъ,
Мяукнетъ кошкой тамъ, тутъ пѣтухомъ вспоетъ.
Они жъ, чтобъ поострить шаги его пытливы,
Манили пуще всякъ къ себѣ чрезъ гласы лживы;
А онъ упрямился, повязки не скидалъ,
То о печь, то о дверь, то лбомъ, то носомъ попадалъ.
Ребята слѣпотой его смѣлѣе стали:
Со всѣхъ сторонъ они его щипали
И громко вкругъ его надъ нимъ же хохотали,
Что онъ руками врозь ходилъ, а ихъ не поймалъ,
И стулья и столы лишь только поваляяъ,
А наконецъ ужъ такъ усталъ,
Что, закружась, запнулся,
Упалъ и растянулся
И тѣмъ во всемъ дому
Такую поднялъ кутерьму,
Что описать ее не можно никому.
Не надо допускать класть на себя повязку
И вслѣдъ друзей своихъ будто слѣпцу ходить

Или глядѣть на нихъ тихонько изъ-подъ маски,
А инакъ — голову сломить.

XIII. ЛАШМАНЫ И ДУБЪ.

Претолстый, страшный Дубъ на множествѣ саняхъ
И лошадяхъ
Везли ко пристани Лашманы.
Но какъ спускалися они подъ-часъ и въ ямы,
То трудно было имъ изъ ямъ тѣхъ выѣзжать,
А надобно, чтобъ дружна сила
На высоту одна его бы вывозила.
А какъ премножество людей
И лошадей
На это согласить не скоро можно,
То Дубу стать тутъ было должно.
Сталъ. Дергъ коня, дергъ,—нѣтъ.—И такъ ужъ богомолъ
Какой-то изо всѣхъ Лашмановъ волхвъ, иль дока
Сыскался и сказалъ: Ни съ мѣста! знать, съ урока;
Дай пошепчу;—а вы, какъ я мигну лишь глазомъ,
Прильнувъ всей силою къ гужамъ,
Ударьте по конямъ,
И вскрикните всѣ разомъ.
Они такъ сдѣлали,—и Дубъ пошелъ.
Когда и царства кругъ (а въ немъ и разны части)
Хотятъ, чтобы блаженствъ къ одной мѣтѣ бѣжалъ,
Не худо, маньемъ вышней власти,
Одинъ чтобъ дока управлялъ.

XIV ГУСИ.

Га, га, га, га! кричали Гуси,
Летѣвши вереницей съ Руси;
„Куда“, спросилъ прохожій ихъ,
„Такой пустились вы аравой?“—
На югъ.—„Зачѣмъ туда?“—За славой!

И голосъ ихъ потомъ затихъ.
Помедлить бы Гусямъ хвалиться,
Поколь весна не возвратится.

XV МЕДВѢДЬ И РЫСЬ.

Наука бранная въ Европѣ хоть одна,
Однако не равна
Война,
Какъ въ тактикѣ вождей не равно и искусство.
Подобно у звѣрей,
Хотя ко звѣрству равно чувство;
Но тотъ сильнѣй,
А сей хитрѣй.
Такъ надобно умѣть ихъ свойствами всѣхъ править,
Чтобъ ихъ бояться всѣхъ въ войнѣ себя заставить.
Медвѣдь и Рысь, наруша тишину,
Затѣяли войну.
Великій звѣрь шелъ впрямь, ломился межъ древами
И мнилъ онъ малаго, что встрѣтитъ, разорвать;
Но Рысь, заслыша ревъ, сокрылась межъ вѣтвями
И, на дубу засѣвъ, рѣшилась поджидать,
Покудова порою
Увидитъ эту всю машину подъ собою.
Ждала и дождалась: пришла гроза
И стало будто холмъ, не опасаяся нимало.
Какъ съ неба, на него тутъ съ дуба Рысь упала
И выдрала глаза.
Тройнымъ быть можетъ баснь сія чтецу урокомъ,
И напримѣръ, хотя бы въ томъ:
Чтобъ по коряжистымъ путямъ ему не ѣздить скокомъ,
Чтобъ стѣнъ не разбивать своимъ безумно лбомъ
И наконецъ однимъ не чваниться могутствомъ,
А запастись искусствомъ.

XVI. ВЫБОРЪ МИНИСТРА.

Для молочныхъ, между огромныхъ
Въ божественномъ правленьи, дѣлъ
Минервѣ и изъ насѣкомыхъ
Юпитеръ повелѣлъ
Кого бы подѣльнѣй и вѣрить кому можно,
Избрать въ министры одного.
Премудрость за дѣла берется осторожно;
А для того,
Какъ вѣдала она, что сихъ животныхъ гнѣзда
Большою частію суть Панова уѣзда,
То, имянный указъ исполнить чтобъ,—съ небесъ
Сама отправилася въ лѣсъ.
Увидя жъ башни пчелъ, курганы муравьины,
Полотна пауковъ блестящей паутины,
Сказала: Вотъ народъ
Знать, умный, дѣльный тутъ живетъ;
Но мало вѣдь дѣльцовъ вкругъ божескаго трона,
И мало умниковъ однихъ;
А надобенъ одинъ горячій рабъ закона,
Безъ видовъ собственнихъ своихъ.
Такъ дай же, посмотрю межъ сихъ твореній дробныхъ—
Къ тому дѣльцовъ способныхъ,
Въ которыхъ бы всѣ тѣ мнѣ качества найтить,
Чтобъ божеству служить.
Вотъ, напримѣръ, Паукъ: хитръ, молчаливъ, тихъ, скроменъ,
Отъ всѣхъ уединенъ, тончайши сѣти вьетъ;
Но гордъ онъ, кажется, завидливъ, къ мести сроденъ,
Что ищетъ помрачить прекрасный Солнца свѣтъ;
Притомъ немилосердъ, убійствомъ веселится,
Въ тенеты завлекая мухъ;
А бывъ ужъ вреднымъ такъ, коварный, скрытый другъ
Въ министры божеству благому не годится.
Хорошъ бы Муравей:
Отвсюду хламъ сбирать онъ ищетъ и хлопочетъ;
Но въ бѣдственны часы труслив и малъ душой,

Бѣжитъ отчизны прочь; лишь самъ спастися хочетъ,
Все унося съ собой, вездѣ свой строитъ домъ,
И словомъ, добръ къ себѣ, не мысля о другомъ.
Притомъ
Исподтишка кусается, зловоненъ,
То также божеству въ сотрудники не годенъ.
Иную жъ вѣтрену, лѣниву, глупу тварь,
Усѣялъ коею вселенну неба Царь,
Какъ-то: коровокъ божьихъ,
Казявокъ, мотыльковъ,
Стрекозъ и червячковъ
И прочихъ
До пользы общества и славы неохочихъ,—
Разряженныхъ звѣрьковъ,
Жуковъ,
Что, блескомъ ихъ породъ гордяся златорожьихъ,
По праху ползаютъ, летятъ до облаковъ
И тонутъ въ роскоши, въ сластяхъ чужихъ трудовъ,
Какъ чтетъ Зевесъ въ ничто; то миновать ихъ должно,—
А можно
Взглянуть
На эту чудну насѣкому,
Которой, слышу я, столь всѣмъ полезенъ трудъ
Какъ Богу вышнему, такъ смертному простому.
Да,—вотъ она:
Умна
Честна,
Вѣрна,
Благочестива,
Трудолюбива,
Къ тому жъ и не труслива.
Хотя же горяча,—а иногда шумлива;
Но шумъ ея гремитъ за общее добро,
Когда увидитъ зло.
Что царства кто ея блаженство похищаетъ.
За сей-то сотъ златой, за сей душистый медъ
Она кладетъ животъ;

Но тайно никого и тутъ не уязвляетъ
И жала мщеніи въ себѣ не оставляетъ;
Но гибнетъ, уязвивъ, сама въ минуту ту жъ:
Примѣръ великихъ душъ,
Когда отечество, царя кто защищаетъ
И тутъ же умираетъ!
Богиня, такъ судя по пользамъ о дѣлахъ,
По дѣлу объ умахъ,
Пчелу въ министры избираетъ.

XVII. ЦВѢТЪ и ПАУКЪ.

Какой-то Цвѣтъ въ саду блисталъ
Прекрасный, благовонный,
И взоры на себя всеобщи обращалъ
По добротѣ своей природной.
Всякъ ждалъ,
Что подъ пространнымъ свѣтлымъ небомъ
Растеніе сіе великимъ будетъ древомъ—
И садъ, въ коемъ росло, весь обратитъ въ эдемъ.
Почти и было такъ: ужъ пчелы вкругъ роились,
Надъ нимъ жужжали и толпились,
А птички въ пѣніи своемъ
Подъ сѣнію его блаженство предвѣщали,
И взоръ и слухъ и умъ къ нему всѣхъ обращали.
Но гдѣ не водворится зло?
Хоть добрые бываютъ гдѣ засѣвы,
Въ какой не возрастутъ златой пшеницѣ плевы?
Дай волю только имъ.—Закралось, подползло
И къ этому Цвѣтку какое-то животно,
Иль попросту Паукъ: вкругъ свѣтъ весь застѣня,
Такъ паутиною къ нему прильнулъ, прижался плотно,
Что трудно ихъ развлечь безъ стали, безъ огня.
Листы благоухать престали,
Птицъ гласы замолчали,
Съ дня на день блекнулъ Цвѣтъ:

Того и жди, что садъ репьемъ весь зарастетъ.
Сей басни смыслъ понять—ходить не надо въ школы:
Подъ сѣтью Пауковъ валятся и престолы.

XVIII. ЯГНЕНОКЪ И ВОЛКЪ.

Паслися на лугу пастушкою овечки.
Пастухъ тутъ былъ, иль нѣтъ, не знаю; можетъ, спалъ.
Ягненокъ маленькій,
Пушистый, тучненькій
И весь, весь бѣленькій
Отъ стада, оплошавъ, нечаянно отсталъ
И захотѣлъ воды испить изъ чистой рѣчки,
Текущей жемчужкомъ,
Зелененькимъ лужкомъ
Иль золотымъ пескомъ...
До этого теперь мнѣ дѣла нѣту,
А я склоняю мысль на эту только мѣту,
Что на сіи жъ мѣста,
Къ тому же ручейку,—къ вершинѣ только ближе, —
Шасть гладный Волкъ изъ за-куста
И, пламенный свой взглядъ по рѣчкѣ кинувъ ниже,
Увидѣлъ, что одинъ Ягненокъ воду пьетъ,
И пастуха съ нимъ нѣтъ,
Къ его великому несчастью!
Волкъ ощетинился и жадной крови пастью
Барашку онъ сказалъ:
„Какъ ты дерзнулъ, плутишка,
Молокососъ, овечій сынъ, мальчишка,
Одну со мною воду пить?“
—На то она
Сотворена,
Барашекъ отвѣчалъ,
Чтобъ всѣхъ поить!—
„Да ты стоишь меня, самъ видишь, ближе къ устью,
И воду всю легко мнѣ можетъ помутить“.

Ягненокъ съ трепетомъ отвѣтствовалъ и грустью:
Вода вверхъ токъ свой не стремитъ!—
„Ты говоришь еще!“ съ успѣшкою Волкъ злою,
Зубами хлопая, взревѣлъ:
„Ты пилъ иль пить хотѣлъ,
Мутилъ иль не мутилъ ты воду;
Но я твою породу
Издревле не терпѣлъ.
А пуще жъ мнѣ твоей ты нелюбъ бѣлизною,
И для того умри“... Волкъ на него напалъ
И тотчасъ растерзалъ.
Къ какому бъ баснь сію привесть намъ лучше толку?
Къ барашку примѣнить—невинность, зависть—къ Волку.

XIX. ГОЛУБИ.

Стояла на дворѣ
Господскомъ голубятня.
Не знаю я того, поутру ль на зарѣ,
Иль въ полдень, иль подъ вечеръ, вѣроятнѣй,
На ней
Станица голубей,—
Старье и молодые,—
Сидѣла на полку
И межъ собой ворку, ворку.
Такъ говорили пожилые:
—Эй, дѣточки! летать посторожнѣй вамъ
И съ разумомъ кружить небесъ подъ высотою,
Дабы несчастною какой порою
Не быть всѣмъ жертвой вамъ
Какимъ бѣдамъ.—
„Старухи-бабы такъ, трусихи, разсуждаютъ“,
Сказали молодцы;
Сказали, да и порхъ, взвилисъ и залетѣли
За облачны концы.
Оттуда жь глядь на низъ,— какъ точку весь узрѣли

Міръ подъ собой
И пуще прежняго вскружились головой.
„Ну вотъ, сѣдая ветошь, посмотри“,
На высотѣ они віясь, мечтаютъ;
„Не всякій ли изъ насъ герой?
Не всѣ ли мы богатыри?“
Сказали—и средь тучъ вдругъ какъ-то очутились.
Извѣстно, перышки немножко подмочились,
Поотягчали ихъ крыла;
А тутъ вдругъ мгла:
И громъ на нихъ, и молньи заблистали,
И бури засвистали,
И распужали
Подъ солнцемъ голубковъ прекраснѣйшую рать,
А ястреба ихъ ну терзать.
На это что сказать?
Безъ стариковъ-вождей, да не узнавъ и броду,
Соваться въ воду,
И плохо по одной теорьи воевать.

XX. БОЙНИЦА И ВОДОПАДЪ.

Съ горъ страшный водопадъ лился, шумя, рѣкою;
Съ бойницы же ревѣлъ градъ ядръ, и огнь, и громъ,
Такъ что и съ твердою душою
Нельзя идти къ нимъ на проломъ.
Но воинамъ чрезъ нихъ пробраться было должно:
Въ военной службѣ „нѣтъ“ не можно!
Чтожъ дѣлать, что начать?
На мѣстѣ не стоять,
Назадъ не отступать,
Чтобъ не прослыть трусами;
Сего не водится межъ русскими полками.
Но, къ счастью, вождь у нихъ старикъ ужъ былъ сѣдой,
Хоть не мудрецъ и не герой,
А самый человѣкъ простой,

Но только въ опытахъ весь вѣкъ проведшій свой.
—Чего, ребята, вамъ бояться?—
Онъ имъ съ усмѣшкою сказалъ
И батарею имъ и волнъ ревъ перстомъ показалъ:
—Осмѣльтесь попытаться!
Подъ этотъ поднырнемъ,
Подъ эту подполземъ.—
Вотъ такъ и сдѣлалось,—рѣшились:
Вода и огнь чрезъ нихъ перекатились.
Какой бы намъ извлечь изъ притчи сей совѣтъ?—
Умъ опытный лишь зритъ и отвращаетъ вредъ.

XXI. ФИЛЬКА И МИХЕЙКО.

Михейко былъ кобель, огромный датскій, бурый,
А Филька бѣленькій, постельный мелкій песъ.
Такъ были созданы они натурой
Иль пусть хоть отъ небесъ;
Что нужды до того!—Но только такъ случилось,
Что Филькѣ вдругъ помстилось,
Какъ будто бы ему Михейко равный братъ:
Пошелъ съ нимъ въ рядъ
И за одну хотѣлъ забраться съ нимъ тарелку,
Сочтя въ бездѣлку
Или за стельку
Великаго Михейку.
На гривѣ у него шерсть дыбомъ поднялась;
Хватъ Фильку поперекъ и въ челюстяхъ потрясъ,
На землю бросилъ чуть живаго:
—Смотри,—взревѣлъ,—бѣднякъ! впередъ со мной ни слова!—
Какой сей баснѣ толкъ?
Барашекъ Филька былъ, Михейко—волкъ.

XXII. ВЕЛИКАНЪ, БАБА И ДИТЯ.

Шелъ великанъ, да баба, да дитя.
Тѣ гусемъ двое впереди,
А мальчикъ позади
Подѣтски шелъ, шутя,
И, по ребячеству не знавъ, что малъ былъ станомъ,
Что очень силой тощь,
Вдругъ не за бабой, а за великаномъ
Бѣжать во всю пустился мочь.
Бѣжалъ и, по цѣлку, съ протоптанной дороги
Сорвавшись, увязилъ въ снѣгъ по колѣни ноги.
Не могши новаго пути себѣ открыть,—
Что дѣлать?—сталъ онъ въ пень, сталъ горьки слезы лить
И проклинать свои ребячески затѣи.
Но басни дали сей такой смыслъ грамотѣи:
Когда бъ за бабой, а не за гайдукомъ шелъ,
Мальчишка бъ брелъ да брелъ....

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Въ рукописи заглавіе: Платову. Написано въ маѣ мѣсяцѣ по случаю многихъ удачныхъ сшибокъ легкихъ войскъ нашихъ, подъ предводительствомъ Донскаго атамана Платова, съ Французами. Матвѣй Ивановичъ Платовъ прославился въ войнѣ 1807 года своими нечаянными нападеніями на непріятеля (Об. Д.). Послѣ эйлаускаго боя Наполеонъ 5-го февр. отступилъ на лѣвый берегъ Пассарги. Платовъ, по отъѣздѣ кн. Багратіона въ Петербургъ, принявъ начальство надъ авангардомъ, слѣдовалъ за Французами. Потомъ, во второй половинѣ февраля, Бенигсенъ, расположивъ армію вокругъ Гейльсберга, поставилъ авангардъ въ Лаунау, куда вскорѣ возвратился и Багратіонъ. Платовъ, съ павлоградскимъ гусарскимъ, съ десятью казачьими полками и ротою Донской артиллеріи, былъ посланъ къ Ортельсбургу и Вилленбергу содержать сообщеніе между главною арміей и корпусомъ Эссена. Марта 2-го, выступя къ своему назначенію, Платовъ доносилъ, что отъ сраженія при Эйлау до 1-го марта, съ небольшимъ въ мѣсяцъ, взято было Донцами, во время пребыванія арміи подъ Кенигсбергомъ, при отступленіи Французовъ за Пассаргу и въ ежедневныхъ поискахъ, 37 офицеровъ и 2254 нижнихъ чиновъ. День и ночь тревожа непріятеля, казаки надоѣли Наполеону до такой степени, что въ одномъ изъ тогдашнихъ бюллетеней онъ назвалъ ихъ посрамленіемъ рода человѣческаго—la honte de l'espèce humaine. По окончаніи войны императоръ Александръ пожаловалъ Донскому войску почетное знамя (Мих.-Данилевскій, Описаніе второй войны, стр. 233 и 401). По замѣчанію г. Галахова, пьеса эта поражаетъ бойкимъ народнымъ складомъ рѣчи и доказываетъ знакомство Державина съ народной литературой. Жуковскій подражалъ Державину, изображая подвиги Платова въ Пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ.

a—Т. е. «отводный караулъ, изъ часоваго состоящій, который, какъ завидитъ непріятеля вдали, то вертится на лошади по солнцу или противъ солнца, давая чрезъ то знать, далеко или близко непріятель, во многомъ или маломъ числѣ» (Об. Д.). По академич. же словарю, ертаулъ, старинное слово, означаетъ полкъ или отрядъ легкихъ войскъ, ходившій впереди главнаго войска для провѣдыванія непріятеля,—авангардъ. Казаки заключаютъ о близости селеній или войскъ по разнымъ примѣтамъ: по полету птицъ, по направленію дыма, по эху, звѣздамъ и проч. По тусклости или блеску золота они узнаютъ, какова будетъ погода, и потому ближе или далѣе ставятъ свои потаенные караулы.

b—Левъ—Шведы, Луна—Турки, Солнце—Персіяне, по гербамъ этихъ народовъ. Картина вепря щетиночерна основывается на миѳѣ о вепрѣ эриманѳскомъ, котораго убилъ Геркулесъ. Здѣсь разумѣется непріятель, всю зиму стоявшій въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ защитою артиллеріи (Об. Д..)

c—Эта строфа намекаетъ на недостатки, которые терпѣла армія въ тогдашнюю войну, такъ что мы не могли воспользоваться своими неоднократными побѣдами. Государь писалъ о томъ военному министру Вязмитинову и отнялъ мундиръ у чиновниковъ провіантскаго и комиссаріатскаго вѣдомствъ (Об. Д. и Мих.-Данилевскій, стр. 401).

d—«Мурзѣ или дворянину принадлежащимъ, т. е. богато-оправленнымъ» (Об. Д.). Эпитетъ мурзавецкій не разъ встрѣчается въ былинахъ, изданныхъ 1804 г. Ключаревымъ; въ изданіи Калайдовича (1818) копье мурзамецкое,

e—«Авторъ позволилъ себѣ сими именами назвать вождя Французовъ, тогда какъ были военныя дѣйствія между Россіей и Франціей и когда въ публичныхъ манифестахъ, не щадя, другъ друга поносили. Наполеонъ нарицался антихристомъ». Урангъ употреблено вмѣсто орангъ-утангъ. По былинѣ объ Ильѣ-Муромцѣ, онъ привязалъ Соловья-разбойника къ сѣдельной лукѣ и повезъ его въ торокахъ.

f—Это и слѣдующія выраженія основываются на лѣтописныхъ разсказахъ и историческихъ событіяхъ, каковы: воробьи Ольги, корабли Олега, затопленіе Тулы при второмъ самозванцѣ, мучные колодцы во время осады Бѣлгорода Печенѣгами при Владимірѣ и заключеніе Өеодора Никитича Романова (Филарета) въ Варшавѣ.

g—У графа Васильева (род. 1742, ум. 1807) была дочь Марья Алексѣевна, которую крестилъ Державинъ. Она вышла замужъ за Донскаго уроженца, казачьяго полковника графа Василія Васильевича Орлова-Денисова. Алексѣй Ивановичъ Васильевъ былъ издавна сослуживцемъ и пріятелемъ Державина. По смерти Екатерины II онъ занималъ должность сперва государственнаго казначея, а потомъ министра финансовъ. При сочиненіи этого стихотворенія онъ былъ еще живъ: умеръ отъ удара 15 августа въ томъ же году.

h—Извѣстные своею храбростью атаманы войска Донскаго.

i—Крестовая палата—образная пріемная комната.

2. Эта ода, написанная по поводу заключенія тильзитскаго мира, была тогда же поднесена императрицамъ Маріи Өеодоровнѣ и Елисаветѣ Алексѣевнѣ; но государю не было угодно, чтобъ она сдѣлалась извѣстною (Об. Д.).

3. Написано на Званкѣ въ сентябрѣ на смерть сестры Державиной, Марьи Алексѣевны Львовой, которую поэтъ называетъ Майной. Подъ тремя розами въ концѣ стихотворенія разумѣетъ онъ трехъ оставшихся послѣ нея дочерей, которыя съ тѣхъ поръ жили въ его домѣ.

4. Подражаніе псалму 45. Писано на Званкѣ 8 сентября и положено на музыку Нейкомомъ; потомъ, вмѣстѣ съ слѣдующимъ стихотвореніемъ Сѣтованіе, напечатано отдѣльно въ академіи наукъ (1808 г.) и поднесено императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ.

5. Подражаніе псалму 101. Писано на Званкѣ 27 сентября и, такъ же, какъ предыдущее стихотвореніе, положено Нейкомомъ на музыку (см. выше Надежда на Бога). Въ своихъ Запискахъ (Р. Б., стр. 501) Державинъ разсказываетъ, что императоръ Александръ прогнѣвался на него за этотъ псаломъ, въ которомъ изображено сѣтованіе Давида о бѣдствіи отечества, и чрезъ князя А. Н. Голицына сдѣлалъ ему выговоръ, «отнеся смыслъ онаго на Россію и говоря: Россія не бѣдствуетъ.»—Ст. 4, внуши зн. внемли.

a—«На кровлѣ». Д.—Зидъ значитъ, собственно, стѣна.

6. Въ 1808 году изданы сочиненія Державина въ четырехъ частяхъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ пріятеля его, Александра Өедоровича Лабзина.

a—Подъ Сіонидами (или правильнѣе, Сіонитами) должно разумѣть Музъ въ отношеніи къ духовной поэзіи: Клопштокъ называлъ свою Музу «die Sionitin». Лабзинъ издавалъ въ 1806 г. Сіонскій Вѣстникъ и, какъ конференцъ-секретарь академіи художествъ, жилъ въ ея зданіи.

b—т. е. Гомеръ.

c—Зосимы, три брата, — Николай, Зой и Михаилъ Павловичи, богатые Греки, жившіе въ Россіи и употребившіе большіе капиталы на изданіе книгъ для просвѣщенія своего народа; они напечатали между прочимъ и многія рукописныя сочиненія бывшаго славенскаго и херсонскаго архіепископа, Евгенія Булгара (род. 1715 г. на островѣ Корфу, умеръ 1806 въ Петербургѣ), о которомъ мы уже упоминали, какъ о комментаторѣ Анакреона при переводѣ Львова.

d—Въ 1803 году, вскорѣ послѣ появленья посланія къ царевичу Хлору Лабзинъ написалъ къ Державину стихи, въ которыхъ шуточнымъ образомъ объяснялъ, что напрасно описывать Лапландцамъ красоты солнца и что точно такъ же безполезно говорить правду тѣмъ, которые понять ее не въ состояніи. Потому-то Державинъ здѣсь доказываетъ, что напротивъ долгъ поэта говорить во всякомъ случаѣ правду (Об. Д.).

7. Написано 14 мая для Натальи Алексѣевны Колтовской. Имя этой дамы встрѣчается въ Запискахъ Державина (Р. Б., стр. 406): въ царствованіе императора Павла онъ былъ назначенъ опекуномъ ея; эта опека, по словамъ его, была весьма щекотлива, потому что государь, очарованный Колтовскою, «хотѣлъ, по его праву, круто ея благосостояніе исправить». Она вела съ своимъ мужемъ тяжбу по имѣнію; Державинъ былъ убѣжденъ въ ея правотѣ и, какъ видно изъ его разсказа, имѣлъ по этому поводу непріятности съ Беклешовымъ, который былъ на сторонѣ ея мужа, — ничтожнаго чиновника, но человѣка съ состояніемъ. Державинъ былъ влюбленъ въ Колтовскую, и ее въ 1808 году часто видали въ его домѣ.

Напеч. сперва въ Русск. Вѣстникѣ 1808 г. за іюнь (ч. II, стр. 310) подъ заглавіемъ Въ альбаумъ красавицѣ, при чемъ въ выноскѣ примѣчаніе издателя о происхожденіи альбомовъ; потомъ въ изд. 1808 г., ч. III, CXIX. Альбаумъ — ошибочная форма слова, введенная нѣкоторыми нѣмецкими писателями.

8. Это и два слѣдующія стихотворенія — довольно близкіе переводы изъ Петрарки, сдѣланные или по печатному нѣмецкому переводу, или, еще вѣроятнѣе, по рукописному буквальному переложенію на русскій языкъ. Они отмѣчены послѣдовательно 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ іюля. Это обстоятельство, какъ и то, что при двухъ изъ нихъ означено имя Н. Н., заставляетъ предполагать, что поэтъ самъ былъ подъ вліяніемъ нѣжнаго чувства, выраженнаго Петраркой. Но кто была новая Лаура? по всей вѣроятности, та же Колтовская, которой посвящены стихи: Альбаумъ.

9. 17-й сонетъ Петрарки.

10. 28-й сонетъ Петрарки.

11. Эта пьеса, имѣющая драматическую форму, по содержанію своему принадлежитъ однакожъ вполнѣ къ лирическому роду, и потому мы, слѣдуя примѣру самого Державина, помѣщаемъ ее между мелкими стихотвореніями. Она написана въ іюнѣ мѣсяцѣ по случаю ожиданія въ Павловскѣ императрицею Маріей Ѳеодоровной изъ чужихъ краевъ дочери ея Маріи Павловны, супруги наслѣднаго принца, съ 1828 г. великаго герцога саксенъ-веймарскаго, Карла Фридриха (великая княгиня родилась 1786 г., вступила въ бракъ 1804, овдовѣла 1853, скончалась 1859). Добрада (Марія Ѳеодоровна) — имя доброй волшебницы, встрѣчающееся въ Русскихъ сказкахъ Чулкова, но, какъ показано будетъ ниже, Державинъ подъ этимъ именемъ разумѣлъ богиню.

a—Мы сохранили въ этомъ имени орѳографію Державина. Въ Краткомъ миѳологическомъ лексиконѣ Чулкова читаемъ: «Даждбогъ, или Дашуба (?), славянскій кіевскій богъ; почитали его богомъ подателемъ благъ и также еще богомъ багатства».

b—Валгаллъ, рай Скандинавовъ.

c—«Сіи два куплета — точный переводъ изъ кантаты Шиллеровой, пѣтой въ Веймарѣ при пріѣздѣ туда ея высочества» (Об. Д.). Въ собраніи сочиненій Шиллера мы не нашли подобнаго стихотворенія.

d—Тончица — тонкое покрывало (Об. Д.), слово церковно-славянское, собственно: тонкая ткань.

12. 18-е апрѣля, которымъ въ рукописи помѣчена эта пьеса, было днемъ бракосочетанія великой княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ. Къ этому-то событію и относится стихотвореніе Геба.

13. Написано 24 апрѣля для Марьи Антоновны Нарышкиной, урожденной княжны Четвертинской.

а—Аспазія вмѣстѣ съ Алкивіадомъ была обвинена въ поруганіи аѳинскихъ гермовъ, когда эти изображенія въ одно утро оказались опрокинутыми въ цѣломъ городѣ. Аспазія явилась предъ судомъ въ покрывалѣ. Когда она сбросило его съ себя, всѣ были поражены ея красотою, и никто уже не хотѣлъ судить ее (Об. Д.).

а—На пѣсенки мои шутливыя, мудрецъ,
Ты мрачное велишь надернуть покрывало.
Знать, яблоко тебя Эдема не прельщало,
Ни мать—не изъ ребра, ни глиняный отецъ,
И прадѣды твои не любопытны были.
Но что?—зрю, всякая красавица идетъ
За прабабой своей, и кисеей лишь скрыли,
Взглянувъ съ улыбкою на запрещенный плодъ.

(Позднѣйшая рукопись).

14. По поводу появленія въ 1808 году Сочиненій Державина, Сергѣй Глинка помѣстилъ въ своемъ Русскомъ Вѣстникѣ за апрѣль 1809 г. (стр. 135) довольно подробное Извѣстіе о нихъ, въ которомъ было между прочимъ слѣдующее замѣчаніе: Въ третьей части находятся анакреонтическія оды, бывшія уже въ печати, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ въ семъ родѣ сочиненій. Анакреонъ и Сафо полюбовались бы многими изъ сихъ пѣсенъ. Должно однако признаться, что есть между ими и такія, на которыя бы Граціи желали накинуть покровъ...» Послѣднія слова и вызвали эти стихи Державина, къ заглавію которыхъ въ рукописи прибавлено: «въ отвѣтъ Русскому Вѣстнику на совѣтъ его въ журналѣ 1809 года». Они были тогда же напечатаны въ Цвѣтникѣ, ч. II, стр. 122; но ни въ одно изданіе сочиненій Державина до сихъ поръ не входили.

15. Псаломъ 96, переложенный 3 іюля 1809 г. на Званкѣ.

16. Окончено 25 іюля. Въ рукописи отмѣчено: «Подражаніе Бровну» и къ заглавію прибавлено зачеркнутое потомъ слово: Ораторія. Докторъ Броунъ, англійскій священникъ (John Brown, род. 1715, ум. 1766), пріобрѣлъ въ свое время такую извѣстность своими сочиненіями, особенно по части воспитанія, что императрица Екатирина II въ началѣ своего царствованія приглашала его въ Россію для устройства училищъ; но Броунъ по слабости здоровья не могъ предпринять такого далекаго путешествія и въ припадкѣ меланхоліи лишилъ себя жизни. Сочиненіе, которому подражалъ Державинъ, носитъ въ подлинникѣ заглавіе: «The cure of Saul, a sacred ode», и напечатано въ книгѣ того же Броуна: «A dissertation on the rise, union and power etc. of poetry and music» (Изслѣдованіе о происхожденіи, связи и могуществѣ поэзіи и музыки), изданной въ Лондонѣ 1763 г. и замѣчательной для насъ тѣмъ болѣе, что Державинъ впослѣдствіи пользовался ею въ своемъ Разсужденіи о лирической поэзіи. Книга Вроуна пріобрѣла въ 18-мъ вѣкѣ большое значеніе и была переведена по-нѣмецки и по-французски; нѣмецкій переводъ вышелъ въ Лейпцигѣ 1769 г., и онъ-то, вѣроятно, находился въ рукахъ Державина

17. Флота лейтенантъ Хвостовъ и мичманъ Давыдовъ были молодые люди, отличавшіеся образованіемъ, расторопностью и отвагой. Опредѣлясь на службу въ сѣверо-американскую кампанію, они два раза ѣздили моремъ въ

Америку и оттуда въ Сибирь. Во второе путешествіе пришлось имъ поступить въ распоряженіе отправленнаго посломъ въ Японію камергера Резанова. Послѣ внезапнаго отъѣзда его они, исполнивъ его порученіе, прибыли въ Охотскъ; но здѣсь, по неожиданному повелѣнію начальника порта Бухарина, ихъ посадили подъ стражу. Заключеніе это было такъ тяжко, что, конечно, сдѣлалось бы для нихъ гибельнымъ, еслибъ юношеская смѣлость и добрые люли не помогли имъ спастись бѣгствомъ. Добравшись благополучно до Петербурга въ 1808 году, они, по желанію самого главнокомандующаго финляндскою арміею, графа Буксгевдена, отправились на театръ войны и тамъ своею храбростью пріобрѣли почетную извѣстность (Спб. Вѣдом. 1808, сент. 8, № 72). Въ слѣдующую зиму Буксгевденъ причислилъ ихъ, въ видѣ награды, къ своей свитѣ и велѣлъ имъ возвратиться въ Петербургъ, гдѣ они съ тѣхъ поръ и оставались. Въ началѣ октября 1809 года пріѣхалъ туда корабельщикъ сѣверо-американскихъ штатовъ, Вульфъ, съ которымъ они подружились во время своихъ странствованій. Вмѣстѣ съ нимъ они провели вечеръ 4 октября у академика Лангсдорфа *), жившаго на Васильевскомъ острову. Пробывъ тамъ за полночь, молодые люди въ два часа ночи подъѣхали къ Исакіевскому мосту, который въ это время былъ разведенъ; сквозь мостъ проходила барка. Имъ показалось, что они успѣютъ соскочить съ одного края моста на барку и потомъ съ барки попасть опять на другой край моста. Однакожъ скачокъ былъ неудаченъ: они оборвались, упали въ воду и оба потонули; ночь была темная и бурная. Николай Александровичъ Хвостовъ род. 28 іюля 1776 г., и, слѣдовательно, умеръ 33-хъ лѣтъ; Гаврилѣ Ивановичу Давыдову было всего 26. Оба воспитывались въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ (Двукратное путешествіе въ Америку Хвостова и Давыдова, изданное А. Шишковымъ, Спб. 1810). Хвостовъ приходился племянникомъ адмиралу Шишкову, женатому въ первомъ бракѣ на сестрѣ его матери, урожденной Шельтингъ. Разсказъ Булгарина объ этихъ двухъ морякахъ въ Воспоминаніяхъ его (ч. II, стр. 148) во многомъ невѣренъ (см. Литерат. газету 1846 г., № 3 и 5), но прибавляетъ къ исторіи ихъ гибели слѣдующую любопытную черту: «Вдругъ оба они пропали безъ вѣсти, а какъ въ это же время американскій купеческій бригъ прошелъ безъ осмотра, при сильномъ вѣтрѣ, мимо брантвахты за Кронштадтомъ и не заявилъ бумагъ, то многіе, зная безпокойный духъ Хвостова и Давыдова, полагали, что они, по страсти къ приключеніямъ, ушли въ Америку. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что шкиперъ американскаго брига (названный выше Вульфъ) былъ пріятель Хвостова и Давыдова, оказавшихъ ему услугу въ Ситхѣ. Наряжена была комиссія для изслѣдованія дѣла, но она ничего не открыла». Если вѣрить

---

*) Баронъ Георгъ Генрихъ Лангсдорфъ, въ то время адъюнктъ академіи наукъ по зоологіи, родился въ Швабіи 18 апрѣля 1774 г., учился въ Геттингенѣ, сдѣлался медикомъ и въ этомъ званіи попалъ въ Португалію. По возвращеніи въ Германію, узнавъ, что изъ Россіи Крузенштернъ отправляется въ кругосвѣтное плаваніе, Лангсдорфъ поспѣшилъ въ Копенгагенъ, гдѣ стояли корабли, назначенные для этого плаванія, и былъ присоединенъ къ экспедиціи въ качествѣ ботаника. Онъ возвратился въ Петербургъ въ 1808 году и тогда-то избранъ былъ въ члены академіи наукъ. Удостоясь особеннаго вниманія императора Александра I, онъ въ 1812 г. назначенъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Бразилію и оставался въ этой должности до 1830 года. Въ это время болѣзнь заставила его переселиться въ Европу: остальные годы жизни онъ провелъ въ Фрейбургѣ (въ Баденѣ), гдѣ и умеръ 29 іюня 1852. Результаты его путешествій, надлюденій и изслѣдованій изложены въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ (Nécrologe universel du XIX-e siècle; особый оттискъ, Парижъ, 1853).

Булгарину, тайну разъяснилъ черезъ нѣсколько времени, воротясь въ Петербургъ, свидѣтель ихъ гибели Вульфъ, который былъ съ ними въ роковую ночь, но, опасаясь задержки, промолчалъ о несчастіи своихъ спутниковъ; люди, разводившіе мостъ, также боялись отвѣтственности, и бѣдственный случай остался тайной: тѣла не были выброшены на берегъ.

Когда погибель Хвостова и Давыдова сдѣлались извѣстною, то въ Русск. Вѣстникѣ за декабрь 1809 г. явились по этому случаю два стихотворенія: Анны Волковой и А. Ш. (Шишкова) при письмѣ къ издателю С. Глинкѣ и съ его примѣчаніемъ. Чтеніе всего этого, вѣроятно, и подало Державину поводъ къ сочиненію пьесы Въ память Давыдова и Хвостова, которая въ рукописи помѣчена 24 декабря и сперва написана была риѳмованными стихами, послѣ зачеркнутыми и совершенно передѣланными.

a—Т. е. къ антиподамъ—въ Америку.

b—Т. е. Европу, Азію (Сибирь) и Америку. Летучими Этнами въ слѣдующемъ стихѣ названы корабли.

c—Нары, по нашимъ словарямъ, значитъ помостъ выше пола, полати, задняя лавка въ избѣ; но здѣсь очевидно употреблено для означенія особаго рода саней, на которыхъ ѣздятъ сѣверные инородцы.

d—Французы считались союзниками Россіи во время происходившей въ Финляндіи войны съ Шведами, въ которой, какъ было выше показано, участвовали Хвостовъ и Давыдовъ.

e—Особенно Хвостовъ доказалъ во многихъ случаяхъ рѣдкую сыновнюю любовь: онъ рѣшился на путешествіе въ Америку главнымъ образомъ для того, чтобы облегчитъ положеніе своей матери, и предложилъ ей половину назначеннаго жалованья: см. Предисловіе Шишкова къ Двукратному путешествію и проч. Послѣдними стихами 4-й строфы Державинъ хочетъ сказать, что погибшіе молодые люди подавали блестящія надежды, что отъ нихъ ожидали громкихъ подвиговъ въ будущемъ. Приведенныя Державинымъ имена означаютъ прославившихся въ исторіи русскаго флота героевъ; пятеро изъ нихъ всѣмъ извѣстные адмиралы, которыхъ біографіи можно найти въ Словарѣ Бантышъ-Каменскаго. Не такъ извѣстенъ капитанъ 2-го ранга Сакенъ, но и его память не менѣе достойна жить въ потомствѣ. Христофоръ Ивановичъ (собственно Рейнгольдъ) фонъ Сакенъ, вѣроятно, лифляндскій уроженецъ, выпущенъ изъ кадетскаго корпуса въ 1772 г.; какъ офицеръ, бывшій на отличномъ счету, онъ взятъ во время турецкой войны въ черноморскій флотъ и въ 1788 г. командовалъ дуббель-шлюпкой. 20 мая на пути отъ Кинбурна къ устью Буга, за ней погналось множество мелкихъ турецкихъ судовъ, и Сакенъ погибъ вмѣстѣ съ своею шлюпкой. Обстоятельства смерти его въ точности не извѣстны; но изъ свѣдѣній, которыя тщательно собиралъ самъ Потемкинъ, изъ показаній очевидцевъ сраженія и сослуживцевъ Сакена вытекаетъ заключеніе, согласное съ общею молвой его современниковъ, что онъ самъ взорвалъ свою шлюпку на воздухъ. 27 мая Потемкинъ, по соображеніи всѣхъ полученныхъ извѣстій, доносилъ императрицѣ; «Въ то время, когда суда непріятельскія показались на лиманѣ, двойная шлюпка, съ капитаномъ Сакеномъ, посланнымъ отъ принца Нассау къ генералу Суворову, возвращалась къ флотиліи. Тринадцать судовъ непріятельскихъ устремились за нею въ погоню.. Достигаемый турками капитанъ Сакенъ отправилъ къ флотиліи маленькую шлюпку, у него бывшую, съ 9-ю матросами, приказавъ имъ объявить объ опасномъ его состояніи, и что ни онъ, ни его судно въ рукахъ турецкихъ не будетъ. Сіи матросы видѣли его, окруженнаго непріятелемъ, сцѣпившагося съ онымъ и поднявшагося на воздухъ. Если при семъ случаѣ не истребилъ онъ съ собою судна непріятельскаго, какъ увѣряютъ, то неустрашимость, съ которою онъ сражался, и геройская смерть показали Туркамъ, какихъ они имѣютъ непріятелей». Тѣло Сакена было найдено на берегу безъ черепа и съ оторванными руками; онъ погибъ лѣтъ 35-и отъ роду. Есть

преданіе, что Екатерина II, въ награду за подвигъ Сакена, пожаловала его сестрамъ пенсію или имѣніе (А. Висковатова Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ въ Черномъ морѣ и Дунаѣ съ 1787 по 1791 годъ, Спб. 1828, стр. 19; Морской Сборникъ 1855, т. XV, № 4, статья В. К. (Владислава Кеневича), и 1856, т. XXVI, № 14, статья Висковатова). Замѣчательную характеристику Ушакова см: въ одной изъ первыхъ главъ Исторіи войны 1799 г. Д. А. Милютина.

Въ доказательство дѣльнаго направленія Хвостова приведемъ, что онъ во время своихъ странствованій составилъ словарь нарѣчія, употребляемаго на южномъ берегу острова Сахалина. Этотъ словарь напечатанъ въ 3-й части Путешествія Крузенштерна.

f—Внуша значитъ здѣсь внявъ.

g—Въ письмѣ къ Глинкѣ находилось между прочимъ выраженіе: «Жизнь ихъ была цѣпь несчастій».

18. Написано 24 іюня на Званкѣ и направлено, очевидно, противъ Наполеона, которому противополагается Александръ.

а—Нелишнимъ считаемъ напомнить, что здѣсь завоеваній не есть родительный падежъ, а поставлено вмѣсто завоеваніи: особенность, не разъ встрѣчающаяся у Державина.

19. Написано 27 іюня на Званкѣ и, очевидно, выражаетъ взглядъ поэта на собственныя его тогдашнія отношенія.

а—Слѣдующее за симъ есть подражаніе притчѣ Спасителя о добромъ пастырѣ (ев. отъ Іонна, гл. X).

20. Писано 12 іюля на Званкѣ. Въ рукописѣ помѣщено подъ заглавіемъ слѣдующее, потомъ зачеркнутое примѣчаніе: «Написано по спору, въ которомъ съ одной стороны утверждали, что нѣтъ добродѣтели, что она только существуетъ мечтательно и условно».

а—Великій князь Михаилъ не поклонился идоламъ Батыя, и пострадалъ. Д.

b—Евпраксія, великая княгиня рязанская, чтобъ не достаться въ руки влюбленнаго въ нее Батыя, бросилась съ башни. Д.—Евпраксія была супруга князя Ѳеодора Юрьевича, убитаго при нашествіи Батыя на Рязань. На сказаніе объ Евпраксіи Державинъ написалъ впослѣдствіи трагедію, носящую въ заглавіи имя этой княгини.

с. Дочь Ярослава. Д.—Такъ въ изданіи 1816 г.; въ рукописи же было примѣчаніе: «Великая княжна Анна, дочь Всеволода, пошедъ въ дѣвичій монастырь, сама воспитывала дѣвицъ и учила ихъ разнымъ знаніямъ». Послѣднее свѣдѣніе согласно съ извѣстіемъ, находящимся въ Исторіи Татищева. Анна, или Янка, постриглась въ 1113 году. Отецъ ея былъ сынъ Ярослава Владиміровича (Ср. Ист. Г. Р., т. II, прим. 156).

21. Писано 6 августа на Званкѣ и сперва было озаглавлено Просвѣтъ это подрожаніе Козегартену, одному изъ второстепенныхъ поэтовъ лучшаго періода германской литературы. Козегартенъ род. въ 1878 г. въ Мекленбургѣ, ум. 1818 г. въ Грейфсвальдѣ.

22. Переведено изъ Горація (кн. I, ода 10) и помѣщено въ Разсужденіи о лирич. поэзіи, какъ примѣръ единства въ содержаніи.

23. Изъ книги эподовъ Горація (эп. 7).

24. Въ рукописи заглавіе: Званское эхо. Къ Евгенію, съ примѣчаніемъ: «Писано 3 числа (іюля) въ день рожденія автора; послано 13-го, въ день именинъ его, іюля 1811 г., въ отвѣтъ на письмо Евгенія отъ 8 іюля 1809, въ которомъ онъ, похваляя званское эхо, просилъ что-нибудь написать о семъ удивительномъ явленіи природы, подобно какъ писалъ Овидій въ Превращеніяхъ своихъ».

а — Александръ Македонскій, пощадившій въ Ѳивахъ домъ Пиндара.

25. Изъ псалма 65. Сочиненіе 16 іюля на Званкѣ, вѣроятно, по поводу

начавшихся, особенно съ весны этого года, дѣятельныхъ приготовленій къ войнѣ съ Наполеономъ.

26. Переведено изъ Горація (кн. III, ода 4) для Разсужденія о лирич. поэзіи, какъ примѣръ разнообразія въ планѣ, который нѣкоторые «такъ утаеваютъ, что и угадать трудно». Держааинъ прибавляетъ, что толкователи этой оды «донынѣ не согласны, съ какимъ намѣреніемъ она писана». По замѣчанію одного изъ новѣйшихъ комментаторовъ, главная мысль ея — похвала Музамъ, дарующимъ мудрость: сначала поэтъ говоритъ о покровительствѣ, какое онѣ оказываютъ ему, о наслажденіи, доставляемомъ ими цезарю; потомъ, чтобы еще ярче выставить свою идею, онъ противополагаетъ этому мрачный образъ грубой исполинской силы, которая дѣйствуетъ безсознательно и сама себя губитъ (На́укъ въ Кенигебергѣ). «Этой одѣ», сказано при переводѣ г. Фета, «съ такимъ же правомъ можно дать заглавіе: Къ Каменамъ или къ цезарю Октавіану; переходы отъ одного предмета къ другому рѣзки, но вы чувствуете внутреннюю связь между ними, и ода производитъ цѣльное впечатлѣніе». Въ объявленіе подробностей, относящихся къ подлиннику, здѣсь не входимъ и отсылаемъ читателя къ примѣчаніямъ, приложеннымъ къ переводу г. Фета (Оды Горація, Спб. 1856). Ту же оду перевелъ Востоковъ (Стихотв. его, Спб. 1821, стр. 133). Переводъ Державина сдѣланъ по буквальному переводу въ прозѣ, писанному неизвѣстной рукой и найденному нами въ его бумагахъ.

27. Переведено изъ Горація (кн. I, ода 20) и включено въ Разсужд. о лирич. поэзіи. какъ примѣръ краткости.

28—Въ «Народныхъ русскихъ сказкахъ», изданныхъ А. Н. Аѳанасьевымъ, сказка подъ этимъ названіемъ встрѣчается въ двухъ видахъ (выпускъ V, № 42, и вып. VIII. № 13; ср. тамъ же стр. 448); но обѣ редакціи не представляютъ ничего общаго съ стихотвореніемъ Державина.

Прочитавъ Царь-дѣвицу Державина, всякій увидитъ, что идея его разсказа должна быть заимствована изъ какого-нибудь другого источника. Державинъ былъ знакомъ съ Русскими сказками Чулкова. Здѣсь, въ повѣсти объ Алешѣ Поповичѣ (ч. I, стр. 187 и слѣд.) находимъ и эпизодъ, откуда могли возникнуть образы, представленные Державинымъ. Алеша Поповичъ, родившійся, по этой сказкѣ, въ Поруссіи отъ Чурилы Пленковича и Прелѣпы жены тамошняго жреца, за проказы свои изгнанъ изъ края и отправляется въ Кіевъ. Дорогою, на поляхъ Литвы, онъ видитъ шатеръ и узнаетъ отъ стоящаго передъ входомъ связаннаго невольника, что въ шатрѣ опочиваетъ Царь-дѣвица: «она ѣздитъ по свѣту, побиваетъ богатырей и недавно, проѣзжая русскою землею, надѣлала ужасныя разоренія. Меня», прибавляетъ невольникъ, «послали противъ нея съ тысячью... мнѣ приказано было привести ее живую въ Кіевъ; но она перелущила моихъ всадниковъ и меня взяла въ плѣнъ... Въ первый день покусился я было уйти; но Царь-дѣвица догнала меня и отвѣсила мнѣ ударовъ пять плетью, отъ коихъ я съ недѣлю съ мѣста не вставалъ и заклялся больше не бѣгать». Алеша освобождаетъ тысяцкаго, а самъ входитъ въ шатеръ, чтобы отмстить за русскую землю. Царь-дѣвица спала крѣпкимъ сномъ; богатырь, пораженный ея красотою, привязываетъ ее къ кровати; отъ его поцѣлуевъ она просыпается съ гнѣвомъ и угрозами, хочетъ его преслѣдовать; но онъ, взявъ ея оружіе и доспѣхи, скачетъ въ Кіевъ на ея конѣ. Здѣсь онъ открылся Чурилѣ Пленковичу, былъ признанъ имъ за сына и принятъ милостиво Владиміромъ въ услуженіе. Вскорѣ Царь-дѣвица, исполняя свои угрозы, явилась предъ стѣнами Кіева, начала опустошать его окрестности, вызывала богатырей и требовала выдачи виноватаго. Алеша признался, что онъ виноватый, и обѣщалъ, безъ всякаго сраженія, побѣдить богатырку и привести ее въ Кіевъ. Царь-дѣвица стояла въ шатрѣ своемъ въ заповѣдныхъ лугахъ княжескихъ. Алеша пошелъ пѣшъ, безъ всякаго оружія,

только съ перстнемъ, который подарилъ ему одинъ спасенный въ пути Полякъ и съ помощью котораго онъ могъ становиться невидимкой. Такъ вошелъ онъ въ шатеръ, гдѣ лежала красавица. Пробужденная опять его ласками, она смутилась, требовала, чтобъ невидимка открылся; узнавъ, что это ея оскорбитель, дерзкій Алеша Поповичъ, она сперва разсердилась, но потомъ, когда онъ себя назвалъ духомъ-хранителемъ этого богатства, когда объявилъ себя ея невольникомъ, то она призадумалась... Наконецъ, когда онъ ей явился въ тѣлесномъ своемъ образѣ и бросился передъ нею на колѣни, «она уже не считала благопристойнымъ мстить духу-хранителю за вину того, коего онъ представлялъ образъ», и довольствовалась одними укорами. «Хитрый богатырь умѣлъ пользоваться выгодами сего обстоятельства и довершилъ побѣду. Онъ получилъ прощеніе на самыхъ необходимыхъ условіяхъ—быть ея супругомъ, и Царь-дѣвица не раскаялась, потуша опасный огнь своего мщенія».

Что̀ могло подать Державину поводъ къ сочиненію этой пьесы, названной въ его рукописяхъ романсомъ и отличающейся во многихъ отношеніяхъ отъ всего, что онъ до тѣхъ поръ писалъ? Съ 1811 года, была учреждена «Бесѣда любителей русскаго слова», онъ сочинялъ для публичныхъ чтеній Разсужденіе о лирической поэзіи и поэтому много занимался теоріею разныхъ отраслей ея. Разсматривая оперу, онъ между прочимъ говорилъ: «У насъ изъ славянскаго баснословія, сказокъ и пѣсенъ, древнихъ и народныхъ, писанныхъ и собранныхъ гг. Поповымъ, Чулковымъ, Ключаревымъ и прочими... много заимствовать можно чудесныхъ происшествій». Ключаревъ издалъ въ 1804 году, подъ заглавіемъ Древнія русскія стихотворенія, собраніе былинъ, дополненное впослѣдствіи Калайдовичемъ. Какъ смотрѣлъ Державинъ на эти произведенія, видно изъ собственныхъ словъ его. Отдавъ справедливость русскимъ народнымъ пѣснямъ, онъ продолжаетъ: «Но относительно древнихъ пѣсней, изданныхъ г. Ключаревымъ,... то въ нихъ нѣтъ почти поэзіи,... онѣ одноцвѣтны и однотонны. Въ нихъ только господствуетъ гигантескъ, или богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольствѣ, такъ и въ сраженіяхъ, безъ всякаго вкуса. Выпиваютъ однимъ духомъ по ушату вина, побиваютъ тысячи бусурмановъ трупомъ одного, схваченнаго за ноги, и тому подобная нелѣпица, варварство и грубое неуваженіе женскому полу изъявляющая». Естественно предположить, что Державинъ, недовольный былинами, захотѣлъ попытаться написать по своему что-нибудь въ томъ же родѣ. Такъ какъ онъ о романсѣ, въ своемъ «Разсужденіи», упомянулъ только мимоходомъ и выразилъ намѣреніе посвятить особое сочиненіе разсмотрѣнію новѣйшихъ видовъ лирики, то очень возможно, что романъ Царь-дѣвица былъ имъ заранѣе приготовленъ, какъ примѣръ къ теоріи этого вида. Поэтическая разработка древнихъ народныхъ сказаній не была чужда уже и тогдашней литературѣ.

Что касается отнесенія пьесы Царь-дѣвица къ романсу, то мы замѣтимъ, что въ то время не одинъ Державинъ ошибочно понималъ это названіе; тогдашняя піитика иногда еще смѣшивала понятія романсъ и баллада. Эшенбургъ говоритъ; «Къ пѣснѣ относится также романсъ или баллада, которые по содержанію своему принадлежатъ къ повѣствовательному, а по формѣ къ лирическому роду. Обыкновенно, предметомъ этого вида поэзіи бываетъ замѣчательное, или по изложенію поэта дѣлающееся замѣчательнымъ, происшествіе страстнаго, трагическаго чудеснаго, любовнаго или только веселаго и шуточнаго характера». Онъ прибавляетъ, что между романсомъ и балладой нѣтъ существеннаго различія и отвергаетъ мнѣніе, будто романсъ долженъ имѣть содержаніе комическое, а баллада—трагическое». Между тѣмъ Державинъ, по видимому, именно принималъ это раздѣленіе, потому что другое стихотвореніе того же рода, но болѣе мрачнаго настроенія: Новогородскій волхвъ Злогоръ (см. ниже) названо у него «балладой». Не надобно, впрочемъ, забывать, что на этомъ поприщѣ Жуковскій предупредилъ Державина своими

первыми балладами: «Людмила» была написана въ 1808 году, а «Свѣтлана» въ 1811.

a—Полканы, по толкованію нашихъ прежнихъ миѳологовъ, родъ русскихъ кентавровъ. Кайсаровъ (М. 1810) называетъ Полкана иначе полуконь. Въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ богатырь Полканъ, имѣющій такой же видъ, «скачетъ всякій скокъ по семи верстъ» и становится названымъ братомъ Бовы. Оттуда стихъ Державина въ Фелицѣ: «Полкана и Бову читаю». По замѣчанію г. Пыпина, «самымъ характернымъ представителемъ рыцарскихъ романовъ, переведенныхъ у насъ встарину, можно назвать Исторію Бовы Королевича, которая хотя и сдѣлалась теперь почти синонимомъ пошлости и вульгарности, стоитъ однако внимательнаго разбора. Это, конечно, древнѣйшій между извѣстными у насъ западными романами, и потому любопытнѣйшій для историка популярной литературы» (Учен. Зап. 2-го отд. ак. наукъ, кн. IV, стр. 244). По изслѣдованію г. Пыпина, сказка эта есть сокращенная передѣлка италіанской редакціи рыцарскаго романа, относящагося къ циклу сказаній о Карлѣ Великомъ и внесеннаго въ знаменитую поэму-хронику среднихъ вѣковъ, Reali di Francia. Въ подлинникѣ заглавіе повѣсти: Buovo d' Antona. Происхожденіе нашего Полкана видно изъ слѣдующаго буквальнаго перевода нѣсколькихъ строкъ подлинника: «Одинъ, по имени Pulicane, былъ получеловѣкъ, полусобака, къ низу отъ середины собака, къ верху человѣкъ». Этотъ Пуликане бѣгалъ такъ шибко, что никакой другой звѣрь не могъ догнать его, и говорилъ очень хорошо; онъ былъ сынъ собаки и христіанки, владѣтельницы армянскаго города Каппадокіи. См. также въ Современникѣ 1841 г. (т. XXI) Витязь Бова переводъ съ италіанскаго, и въ Молвѣ 1857, № 18, замѣтку Хомякова.

b—Какъ изъ этого, такъ изъ другихъ мѣстъ пьесы видно, что Державинъ представляетъ себѣ Царь-дѣвицу владѣтельницей всей Россіи. Восемь морей окружаютъ у него и престолъ Фелицы.

c—Иншій—областное и древнее слово: иной, чужой.

d—Король Маркобрунъ, одно изъ лицъ, дѣйствующихъ въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ; тамъ онъ приходитъ изъ «града Данска» или изъ царства Задонскаго. Въ италіанскомъ подлинникѣ онъ называется Macabruno, re di Polonia.

e—Объясненіе слова сбойство представляетъ нѣкоторую трудность. Оно находится только въ Церковномъ словарѣ Алексѣева, гдѣ опредѣлено такъ: «удальство, молодечество, скосырство». По Опыту областнаго словаря, скосырь означаетъ: «человѣкъ надменный, безъ достоинствъ;—сердитый, вспыльчивый». По этому же словарю сбойливый значитъ «скромный въ рѣчахъ» (влад.), а по Дополненію къ обл. сл.—удалый, отважный, имѣющій тяжелый характеръ (новг.). Въ Словарѣ ц. сл. русск. яз. сбойливый объяснено: «способный сбивать другихъ, ухищренный». Употребленное въ предыдущемъ куплетѣ слово насадъ значитъ «водоходное плоскодонное судно».

29—Т. е. «Чести моей никому не отдамъ». Мечъ этотъ виситъ въ Троицкомъ псковскомъ соборѣ надъ гробницей князя Всеволода Гавріила (Ист. Гос. Р., т. II. гл. IX и прим. 266); но, по розысканіямъ Доленги-Ходаковскаго, онъ принадлежалъ знаменитому Довмонту (Энцикл. лекс. Плюшара, т. XVII). Надпись Державина была напечатана въ Сынѣ Отеч. 1812, ч. I, № VI, стр. 253, съ примѣчаніемъ: «Писано 1 іюля 1812 г. во Псковѣ, при ракѣ угодника». Державинъ поѣхалъ туда около 20 іюня, дней на десять и по возвращеніи на Званку писалъ 7-го Іюля Василію Степановичу Попову: «Я изъ Пскова 5 числа сего мѣсяца воротился... Узнавъ, что въ тамошнемъ соборѣ почиваютъ мощи россійскаго героя, великаго князя Гавріила, и находится страшный его мечъ, пошелъ полюбопытствовать и велѣлъ отъ искренняго сердца отпѣть молебенъ за успѣхъ нашего оружія. И вотъ, при семъ случаѣ какія пришли мнѣ въ голову мысли, вамъ сообщаю, желая, чтобъ онѣ

сбылись». Слѣдуютъ стихи, ничѣмъ не отличающіеся отъ предлагаемой нами редакціи.

Впослѣдствіи городъ Псковъ поднесъ Витгенштейну икону св. Гавріила съ изображеніемъ меча его, а императоръ Александръ I повелѣлъ герою принять въ свой гербъ девизъ этого меча.

30.—При движеніи французской арміи къ Витебску оставленъ былъ для противодѣйствія Витгенштейну и для угроженія Петербургу корпусъ Удино. Получивъ повелѣніе открыть наступательныя дѣйствія противъ Витгенштейна, Удино рѣшился немедленно по занятіи Полоцка направиться по пути къ Петербургу. Извѣстно, какъ Витгенштейнъ (род. 1768, ум. 1843 г.) дѣйствіями при Клястицахъ и Полоцкѣ, въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, разстроилъ планы Французовъ (Богдановичъ, т. I, гл. XIII и XIV). Петербургское дворянство поднесло ему грамоту, а купечество 150.000 рублей.

31.—Кутузовъ, назначенный главнокомандующимъ на мѣсто Барклая-де-Толли, отправился въ Царево-Займище, гдѣ тогда находилась главная квартира обѣихъ армій. «Войска встрѣтили вождя, знакомаго всѣмъ старымъ служивымъ, дружнымъ ура! Пріѣхалъ Кутузовъ бить Французовъ, говорили между собою наши солдаты. Съ быстротою молніи во всѣ концы обширной Россіи разнеслась вѣсть, будто бы въ самое то время огромный орелъ вознесся надъ головою Кутузова, сопровождая его при объѣздѣ лагеря. Это событіе, дѣйствительное или вымышленное, осталось въ народныхъ преданіяхъ, какъ свидѣтельство надеждъ, возбужденныхъ новымъ главнокомандующимъ; Михайловскій-Данилевскій говоритъ объ этомъ случаѣ, какъ о несомнѣнномъ событіи, случившемся въ минуту перваго появленія Кутузова передъ войсками у Царева-Займища, а въ Запискѣ о войнѣ 1812 г.. князя А. Б. Голицына, бывшаго на безсмѣнныхъ ординарцахъ при Кутузовѣ, полетъ орла надъ главнокомандующимъ отнесенъ къ другому времени. Когда въ первый разъ, говоритъ князь Голицынъ, Кутузовъ обозрѣвалъ позицію подъ Бородинымъ—это было послѣ обѣда—исполинскій орелъ парилъ надъ нимъ. Куда онъ, туда и орелъ. Анштетъ первый это замѣтилъ, и толкамъ не было конца» (М. Богдановича Исторія отеч. войны, т. II, стр. 125 и 530). Въ такомъ видѣ, какъ сейчасъ будетъ показано, слухъ объ орлѣ дошелъ и до Державина. Въ Сѣверной Почтѣ 1812 г. (4 сент. № 71) напечатанъ отрывокъ партикулярнаго письма изъ главной квартиры отъ 26 августа, гдѣ между прочимъ сказано: «въ самый первый день, когда главнокомандующій нашъ ѣздилъ для осмотра мѣстоположенія, орелъ появился парящимъ надъ его головою: князь Михаилъ Ларіоновичъ снялъ шляпу и всѣ воскликнули тогда ура!»

Названіе Воанергесъ въ первомъ стихѣ означаетъ Іоанна Богослова. Въ евангеліи отъ Марка (гл. 3, ст. 17) сказано, что Спаситель, избравъ Іакова и Іоанна въ число своихъ учениковъ, «нарекъ имъ имена Воанергесъ, то есть Сыны громовы».

a—Въ 1774 и 1788 годахъ Кутузовъ былъ раненъ двумя пулями: одна, ударивъ въ лѣвый високъ, вылетѣла у праваго глаза; другая, попавъ въ щеку, вышла въ затылокъ. Его двукратное спасеніе обращало на него вниманіе всей Россіи (М. Богдановичъ, т. II, стр. 10).

32.—Этотъ гимнъ былъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки.

a—«У Давида и Соломона были хоры пѣвцовъ, между которыми и тимпанницы-дѣвы. Здѣсь дѣва разумѣется то же, что Муза».

b—«Авадонъ по-еврейски, а по-гречески Аполлуонъ, значитъ истребитель (Апокалипсисъ, глава 9, стихъ 11)».

c—«Атропъ—Парка или смерть».

d—«Гогъ, слово еврейское, значитъ противоборника Христу (Апок. гл. 20. ст. 7, и у пророка Іезекіиля гл. 38, ст. 2, и гл. 39, ст. 11).

e—«Нѣкоторыя парижскія дамы, по увѣренію Наполеона, писали къ пе-

тербургскимъ французскимъ торговкамъ, чтобъ онѣ къ Петрову дню приготовили имъ платья для бала въ Петергофѣ».

f—«Стратегистика, слово гречеекое, значитъ военный обманъ или хитрость, которою Французы столь много превозносились». Стратегія, отъ греч. στρατός—войско, значитъ военное искусство.

g—«Эвръ, африканскій полуденный палящій вѣтръ».

h—«Да дастъ имъ начертаніе на руцѣ или на челахъ ихъ (Апок. гл. 13, ст. 16).—Наполеонъ принятыхъ въ свою службу клеймилъ или печаталъ своимъ именемъ (См. журналъ Сынъ Отечества № 4, стр. 168)».

i—«Число звѣрино 666 (Апок. гл. 13, ст. 18). Видно изъ исчисленія дерптскаго профессора Гецеля въ письмѣ къ военному министру Барклаю-де-Толли, отъ 22 іюня 1812 года, что въ числѣ 666 содержится имя Наполеона, какъ и приложенный при семъ французскій алфавитъ то доказываетъ».—Дополнимъ это примѣчаніе Державина выпискою изъ Исторіи отеч. войны, М. И. Богдановича: Въ имени Наполеона, переложенномъ въ цифры, по еврейскому исчисленію, думали отыскать звѣря (Антихриста), означеннаго въ Апокалипсисѣ числомъ 666: а какъ въ другомъ мѣстѣ Апокалипсиса опредѣленъ былъ предѣлъ славы этого звѣря числомъ 42, то надѣялись, что 1812 годъ, въ который Наполеонъ имѣлъ отъ роду 42 года, будетъ временемъ его паденія. Въ Апокалипсисѣ, гл. 13, находится слѣдующее пророчество, ст. 18: «Здѣ «мудрость есть, иже имать умъ, да почтетъ число звѣрино: число бо чело-«вѣческо есть и число шестьсотъ-шестьдесятъ-шесть. И даны быша ему уста, «глаголюща велика и хульна: и дана бысть ему область творити мѣсяцъ че-«тыре-десятъ-два». Какъ въ имени и титлѣ звѣриномъ, кои на французскомъ языкѣ изображаются сими словами: L'empereur Napoléon, такъ и въ числѣ четыредесяти-двухъ, кои на ономъ языкѣ пишутся словами: quarante deux, находится оба раза число 666, которое опредѣлено въ помянутой главѣ, стихѣ 18-мъ Апокалипсиса.

Выше отмѣченное значеніе дано французскимъ буквамъ по примѣру еврейскаго числоизображенія, по которому десятью первыми буквами означаются единицы, а прочими десятки:

a,	b,	c,	d,	e,	f,	g,	h,	i,	k,	l,	m,	n,	o,	p,	q,	r,	s,
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	20.	30.	40.	50.	60.	70.	80.	90.

t.	u.	v,	w.	x.	y.	z.
100.	110.	120.	130.	140,	150.	160.

А изъ того выходитъ слѣдующее:

L e E m p e r e u r N a p o l é o n.
20 5 5 30 60 5 80 5 110 80 40 1 60 50 20 5 50 40 = 666.
Q u a r a n t e d e u x.
70 110 1 80 1 40 100 5 4 5 100 140 = 666.

(Ист. отеч. войны, т. I, стр. 92 и 434).

k—«Имѣетъ седмь главъ и роговъ десять (Апок. гл. 17, ст. 3). Подъ главами разумѣются здѣсь семь королей, поставленныхъ Наполеономъ».

l—«Вельфегоръ идолъ;—разумѣется здѣсь Наполеонъ, которому государь не причастился, или союзникомъ не былъ».

m—«Извѣстно по исторіи, что всегда сѣверные народы одолѣвали западныхъ,—и самый Римъ палъ отъ нихъ».

n—«Генералъ Раевскій выводилъ впередъ на сраженіе своихъ дѣтей».

o—«Когда по оклеветаніи нѣкоторыхъ крестьянъ въ убійствѣ Французовъ, приговорены они были къ казни, то они, простясь между собою, выходили безъ всякой робости подъ ружейные выстрѣлы, ознаменовавъ себя только крестнымъ знаменіемъ. См. журналъ Сынъ Отечества, № 6, стр. 244».

р—«Увѣряютъ нѣкоторые, что будто въ Москвѣ выбита была, по приказанію Наполеона, монета или медаль, на которой изображенъ его портретъ съ надписью: «Мой міръ и моя воля».—Отъ самаго вступленія въ Москву до выхода оттуда, Наполеону некогда было думать о выбитіи хвастливой медали.

33. «По прибытіи главной квартиры въ Бунцлау 6/18 апрѣля, болѣзнь князя Кутузова, усилившаяся отъ простуды, заставила его остановиться. Здѣсь, среди торжествъ, возбужденныхъ наступленіемъ союзныхъ войскъ, суждено было ему окончить славную жизнь свою. Императоръ Александръ и король прусскій оставались въ Бунцлау до 9/21 апрѣля и ежедневно навѣщали стараго вождя, который, уже на одрѣ смерти, имѣлъ утѣшеніе вручить государю ключи Торна,—послѣдній трофей ввѣреннаго ему воинства!... Король прусскій прислалъ къ нему знаменитаго Гуфеланда. Но уже были сочтены дни Кутузова. 16/28 апрѣля его не стало» (М. Богдановича Исторія войны 1813 года, т. I, стр. 115 и слѣд.). Замѣчательно, что въ тогдашнихъ русскихъ газетахъ мы не находимъ извѣстія о кончинѣ фельдмаршала.

34. Подражаніе псалму 41: Блаженъ разумѣваяй на нища и убога. Напеч. 1816 г. въ ч. V, x.

35. Подражаніе псалму 50: Помилуй мя Боже по велицѣй милости Твоей. Напеч. 1816 г. въ ч. V, xi.

36. Писано 12 октября на Званкѣ, въ память кончины Кутузова (см. выше).

37. Битва подъ Лейпцигомъ, начавшаяся 5 октября, кончилась 7 числа бѣгствомъ Наполеона; союзные же монархи заняли городъ.

а—Байронъ также сравнивалъ Наполеона съ Денницей въ извѣстной одѣ своей «To Napoleon Buonaparte» (строфа 1).

38. Начато 13-го марта въ Петербургѣ. — Имя Злогоръ встрѣчается въ одномъ отрывкѣ мнимо-древняго стихотворенія, о которомъ Державинъ упоминаетъ въ своемъ Разсужденіи о лирической поэзіи. «Если справедливо», говоритъ онъ, «недавнее открытіе одного славяно-русскаго стихотворнаго свитка перваго вѣка и нѣсколькихъ произреченій пятаго столѣтія новогородскихъ жрецовъ, то и они принадлежатъ къ сему роду мрачныхъ временъ стихосложенія» Об. Д.

Имя Злогора Державинъ соединилъ съ преданіемъ, о которомъ онъ говорилъ еще въ 1807 г. въ стихотвореніи Жизнь званская (строфы 58 и 59); тамъ онъ объяснилъ въ примѣчаніи, что возлѣ званской усадьбы находится курганъ и что, пожалуй, подъ этимъ курганомъ погребенъ вождь, или волхвъ, о которомъ разсказываютъ, будто онъ, превращаясь въ кродила и въ разныхъ чудовищъ, пожиралъ людей, плававшихъ по Ильменю и по Волхову, отъ чего эта рѣка будто бы и получила свое названіе. Сходно съ этимъ и Карамзинъ приводитъ сказку, будто изъ пяти братьевъ, пришедшихъ отъ Чернаго моря и открывшихъ чрезъ волхвованіе мѣсто, гдѣ слѣдовало водвориться, старшій братъ Словенъ поселился на рѣкѣ Мутной, основалъ городъ Словенскъ и назвалъ рѣку Мутную Волховомъ ... Онъ «былъ лютый чародѣй, принималъ на себя образъ кродила, скрывался въ рѣкѣ, топилъ и пожиралъ людей, не хотѣвшихъ обожать его какъ Перуна. Онъ жилъ въ особенномъ городкѣ на берегу рѣки, въ томъ мѣстѣ, которое именуется Перынью и гдѣ язычники поклонялись ему. Они увѣряли, что Волховъ сѣлъ въ боги; но мы знаемъ, что бѣсы утопили его въ рѣкѣ. Надъ тѣломъ злаго чародѣя, волнами изверженномъ въ Перыни, злочестивые отправили тризну и насыпали высокую могилу, которая черезъ три дни провалилась въ адъ». Сказку эту Карамзинъ нашелъ въ рукописныхъ сочиненіяхъ одного дьякона конца XVII вѣка, въ синодальной библіотекѣ (И. Г. Р., т. I, прим., 70 и 91). Она была извѣстна еще Ломоносову, который видѣлъ въ ней аллегорію. Вотъ что онъ говоритъ въ Показаніи россійской древности:

«Басня о претвореніи Словенова сына въ крокодила сходствуетъ весьма съ тогдашними обыкновеніями. Ибо по морю Варяжскому и по втекающимъ въ него судопроходнымъ рѣкамъ чинились великіе разбои, на которые выходили часто княжескія и королевскія дѣти. Итакъ, не дивно, что волхвъ, разбойничая по рѣкѣ Мутной, почитался за кродила и далъ ей свое имя отъ волшебства» (Соч. Лом., изд. Смирд. т. III, стр. 11).

a—Невѣгласъ, церк.-слав., невѣжда, несвѣдущій.

b—Хутынскій монастырь, основанный въ 1192 г., лежитъ на Волховѣ, верстахъ въ 10-ти къ сѣверу отъ Новгорода, на прежней большой московской дорогѣ. Сюда заѣзжалъ на пути въ Новгородъ царь Иванъ Грозный (И. Г. Р., т. IX, прим. 388). Въ ризницѣ хранится трость его, которую онъ бросилъ, убѣгая изъ монастыря при чудесномъ огненномъ запаленіи, происшедшемъ отъ гроба преп. Варлаама, основавшаго эту обитель (Ист. росс. іерархіи, ч. VII, стр. 616).

c—Слова колкунъ нѣтъ ни въ одномъ словарѣ. Не опечатка ли это? Вѣроятно, должно читать: колтунами. Хотя названіе колтунъ собственно означаетъ въ западныхъ губерніяхъ болѣзнь (plica polonica), при которой волосы на головѣ спутываются и образуютъ какъ бы густую массу и которая господствуетъ особенно въ болотахъ минской губерніи; но по устному свидѣтельству г. Даля, это слово извѣстно также и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ мѣстностяхъ, гдѣ оно равносильно слову косма: народъ говоритъ, наприм., что домовой заплетаетъ у лошадей гриву въ колтуны.

Къ сожалѣнію, мы не могли сличить печатнаго текста этой строфы съ рукописнымъ, потому что въ тетрадяхъ Державина сохранилась только первая половина настоящаго стихотворенія (Прим. Я. Грота).

39. Эта духовная ода Державина не имѣетъ ничего общаго ни съ латинскимъ гимномъ Гейнзіуса, въ переводѣ Опица (Dan. Heinsii Lobgesang Jesu Christi), ни съ тѣми многочисленными стихотвореніями на эту же тему, которыя можно найти у подражателей германскаго поэта (см. Гервинуса Geschichte d. deut. Dichtung, т. III, стр. 210 и 234).

Мицкевичъ ставилъ оду Христосъ очень высоко, хотя и находилъ начало ея слабымъ.

Мицкевичъ особенно выставляетъ конецъ 12-й, 13-ую, и 15-ую строфы: въ послѣдней онъ находитъ философическую идею.

40. Эти стихи, вошедшіе подъ этимъ заглавіемъ во всѣ посмертныя изданія сочиненій Державина, въ первый разъ напечатаны были, вскорѣ послѣ смерти поэта, въ Сынѣ Отечества 1816 г., ч. 31, № XXX, стр. 175, при замѣткѣ, которую приводимъ здѣсь цѣликомъ: «Въ некрологіи Державина «сказали мы, что послѣднее его сочиненіе была ода Полигимніи. Эта ода «въ самомъ дѣлѣ есть послѣднее изъ напечатанныхъ, но послѣ того написалъ «онъ еще нѣсколько стиховъ. За три дни до кончины своей, глядя на висѣвшую въ кабинетѣ его извѣстную историческую карту: Рѣка временъ, «началъ онъ стихотвореніе На тлѣнность, и успѣлъ написать первый куплетъ.

«Сіи строки написаны имъ были не на бумагѣ, а еще на аспидной «доскѣ (какъ онъ всегда писывалъ начерно) и уже послѣ смерти его положены на бумагу однимъ родственникомъ.—Кончина его была тиха, подобно «закату яснаго солнца. 3-го числа праздновалъ онъ еще въ семейственномъ «кругу 74-й день своего рожденія. 8-го числа почувствовалъ усиленіе обык«новенной болѣзни своей, спазматическихъ припадковъ въ груди, и въ 11 ча«совъ вечера продиктовалъ письмо въ Петербургъ къ доктору, у котораго «просилъ совѣтовъ въ своей болѣзни. Онъ никакъ ни думалъ, что находится «въ опасности и въ то же время приказалъ отписать къ издателю его сочи«неній о перемѣнѣ одного стиха. Потомъ легъ онъ въ постелю, въ поло«винѣ 2-го часа вздохнулъ сильнѣе обыкновеннаго, и съ симъ вздохомъ скон«чался. Тѣло его предано землѣ 12 іюля въ Хутынѣ монастырѣ, отстоящемъ

«въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новагорода, куда привезено было по Волхову.
«На погребеніи были почти одни только родственники его. Гробъ несли офи-
«церы стоящаго неподалеку оттуда конноегерскаго полка; они не были зна-
«комы лично ни ему, ни семейству его, но почли обязанностію отдать по-
«слѣдній долгъ великому Россіянину».

Вскорѣ доска съ послѣдними стихами Державина была подарена его родственниками императорской публичной библіотекѣ, по усиленной просьбѣ директора, А. Н. Оленина (Сынъ Отеч. 1817, ч. 34, № II, стр. 67). Тамъ хранится она и понынѣ: ее всякій можетъ видѣть на стѣнѣ, въ отдѣленіи русскихъ книгъ; но отъ начертанныхъ на ней строкъ почти ничего уже не осталось.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I ТОМЪ.

1785 г.

1791 г.

II ТОМЪ.

1797.

стр.

III ТОМЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 г.

СѢВЕРЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

VIII-й годъ изданія. VIII-й годъ изданія.

Подписчики „СѢВЕРА" въ 1895 году получатъ:

52	№№ **прекрасно иллюстрированнаго** журнала въ 56—64 столбцовъ каждый, сброшюрованныхъ въ цвѣтную обложку, въ которыхъ, между прочимъ, будутъ помѣщены иллюстраціи русскихъ художниковъ къ произведеніямъ: **А. Н. Майкова** «Двѣ судьбы», **Д. В. Григоровича** «Петербургскіе шарманщики» и «Лотерейный билетъ», такъ какъ этимъ произведеніямъ исполняется въ будущемъ году 50 лѣтъ со дня ихъ перваго появленія въ печати.
12	№№ отдѣльныхъ иллюстрированныхъ «**ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ**» и **рукодѣлій**, составленныхъ по лучшимъ моднымъ парижскимъ журналамъ.
12	отдѣльныхъ **выкроекъ**; изъ нихъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ.
6	**рисунковъ-чертежей** для любителей выпиловки изъ дерева, кости и металла.
6	**цвѣтныхъ узоровъ** для вышиванія.
12	**альбомныхъ** страницъ автографовъ знаменитыхъ русскихъ историческихъ и общественныхъ дѣятелей, со времени **Іоанна Калиты по настоящій 1895 годъ**. царей, царицъ, полководцевъ, [illegible] архіереевъ, писателей, художниковъ и поэтовъ. Ежемѣсячныя приложенія.
1	**РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ** гравюръ-иллюстрацій къ русскимъ народнымъ сказкамъ (Книжка въ форматѣ «Сѣвера»).
12	ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ ЖУРНАЛУ: „БИБЛІОТЕКА СѢВЕРА". СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **Г. Р. ДЕРЖАВИНА**. Въ продажѣ сочиненія Державина имѣются только изданія Академіи Наукъ (Цѣна 27 руб.) **Сочиненія Н. Д. АХШАРУМОВА.** Двойникъ. Повѣсть. — Во что бы то ни стало. Романъ. — Мудреное дѣло. Романъ. — Натурщица. Повѣсть. — Игрокъ. Повѣсть. — Гражданe лѣса. Повѣсть. Сочиненія Квитко Основьяненко: **„ПАНЪ ХОЛЯВСКІЙ".** Сочиненіе Сильвіо Пеллико: **„ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА".**

БЕЗПЛАТНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЖУРНАЛУ:

ПОРТРЕТЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ II.

Большой листъ in folio, исполненный красками.

Большая картина извѣстнаго художника В. И. Сурикова:

„ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАКОМЪ".

Битва Ермака надъ Кучумомъ-Городищемъ съ сибирскими инородцами 26 октября 1582 г. Этотъ день считается началомъ присоединенія Сибирскаго Царства къ Россіи. Величина картины 105×70 сант.

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ, въ краскахъ.

„БИБЛІОТЕКА ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ".

Кому не приходилось задавать себѣ вопросъ: «чего бы поѣсть» и какая изъ заботливыхъ хозяекъ не задавала себѣ вопроса: чѣмъ-бы накормить свою семью? Удовлетворяя этому вопросу, редакція журнала «Сѣверъ» выдаетъ своимъ подписчикамъ книгу:

ИНТЕРЕСЫ ЖЕЛУДКА.

12 томовъ „Библіотеки Сѣвера" и 1 томъ „Библіотеки прикладныхъ знаній".

2 художественныхъ приложенія: 1) портретъ Государя Императора, 2) покореніе Сибири Ермакомъ.

За годовое изданіе со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . **6 р.**	Безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской. **6 р. 50 к.**	Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи . . . **7 р.** Съ пересылкою за-границу. 11 р.

Въ виду большой цѣнности картины «Покореніе Сибири Ермакомъ» и портрета Государя Императора, требующихъ особо тщательной укупорки, гг. подписчики «Сѣвера» благоволятъ на пересылку таковыхъ прилагать 60 к. почт. марками.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ редакціи „СѢВЕРЪ": Екатерининская, № 4.

За редактора Н. А. Александровъ. Издатель Н. Ѳ. Мертцъ.

Дозволено цензурою. Спб., 9 декабря 1895 г. Типографія Е. Евдокимова, Троицкая ул., № 18.